АЗБУКА ВЕРЫ

Александр Касьянович Горшков

Капкан. 10 октября

Художественная литература · azbyka.ru

Капкан. 10 октября – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/kapkan-10-oktyabrya

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Капкан. 10 октября

Александр Касьянович Горшков

Оригинал

Новый роман от автора полюбившихся православным читателям трилогий «Самарянка» и «Отшельник» принципиально отличается от всех написанных им ранее книг. Действие романа «Капкан» начинается в конце 30-х годов прошлого столетия — пик гонений безбожной власти большевиков на православное духовенство и верующих, — а завершается уже в наши дни: на фоне остросюжетных событий с элементами стиля фэнтэзи, глубоких богословских размышлений и тревог главных героев, духовных конфликтов, в которые они промыслительно втягиваются. Книга опирается на Священное Писание, Апостольские труды, святоотеческое наследие. Рассчитана на широкий круг читателей.

«Грядущаго ко Мне не изжену вон»

Ин.6:37

«Кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия»

1Кор.2:11

«Назирает грешный праведнаго и поскрежещет нань зубы своими. Господь же посмеется ему, зане презирает, яко приидет день его...»

Пс.36:12–13

Приговор

30-е годы прошлого столетия.
Где-то в России...

В глубине коридора послышались громкие шаги. Шли трое, цокая по каменному полу кованными сапогами и позвякивая связками ключей. Отец Андрей приподнял голову, когда услышал, что они остановились возле камеры, где находился он в ожидании развязки предшествующих страданий: оглашения и исполнения приговора. Всех, кого уводили отсюда без личных вещей, больше не видели. Их расстреливали этажом ниже — в глухом подземном коридоре, ведущем в храм: кого в одиночку, кого группами, поставив лицом к стенке, забрызганной живой человеческой кровью. Отец Андрей ждал своей очереди, понимая, что никаких шансов остаться в живых, тем более быть помилованным, у него нет. Многочасовые допросы в кабинете следователя, очные ставки, унижения, шантаж, угрозы — все формальности его уголовного дела, по которому его объявили Фашистским шпионом, провокатором, врагом родного народа, — уже были позади. Он ждал, когда за ним придут и прикажут выйти из камеры. Без вещей. Чтобы больше не возвратиться.

Ключ уже заворочался в замочной скважине толстой железной двери с засовами, когда послышался глухой голос:

— Ты что, ослеп? Нам не сюда.

И сапоги зацокали дальше, вглубь темного коридора. А отец Андрей снова стал молиться, укрывшись с головой легким стареньким пальто. В тех условиях, где он теперь оказался, молитва ему заменяла все: сон, еду, тепло, внутреннее умиротворение, терпение, силы встретиться с командой исполнителей приговоров, работавшей внизу как отлаженная машина смерти.

Спать приходилось очень мало: на допрос вызывали, как правило, в ночные часы, а днем не давали покоя матерые уголовники, мелкие воришки-карманники, «блатные», сидевшие в одной камере с приговоренными священниками и добавлявшие им и без того несладкой жизни: насмешками, издевками, побоями и шумными разборками между собой. Они же отнимали у священников ту скудную баланду, которую разносили по камерам. Единственное, до чего не могли добраться, так это до молитвы, — как и до души, которая этой молитвой жила, дышала, согревалась, утешалась, насыщалась перед тем, как ей отправиться в вечность.

Молитва снова смешалась с тревогой за семью.

«Что с вами будет, бедняги? Что вас ждет?..» — в который раз горько подумал отец Андрей, понимая, что бессилен им помочь. Супругу священника. матушку Олимпиаду. — Липочку, как ласково ее называл батюшка, — вместе с двумя сыновьями выселили из «поповского» родительского дома, и теперь они вынуждены были скитаться по людях, кое-как и кое-чем перебиваясь, чтобы не умереть с голоду. Правда, старший сын отца Андрея Сергий уже вошел в совершеннолетие, но за него душа болела особенно сильно, ибо сын твердо решил идти по стопам своих предков по отцовской линии: желал стать священником, несмотря на царившую в стране обстановку ненависти ко всему, что напоминало о Боге и Церкви. Он понимал, что обрекает себя и свое будущее семейство не только на нищенское, но и на унизительное существование, полное бесправия, общественного презрения. Даже горькая доля родного отца, на склоне лет объявленного врагом народа, не поколебала его намерений.

«Господи, спаси и заступи их, родимых…» — горько вздохнул отец Андрей и снова погрузился в молитву.

Вот уже вторую неделю он находился в этом месте — некогда святом, благодатном, тихом, а ныне страшном, наполненном страданиями, мучениями, пропахшем проклятиями и смертью. Славный монастырь, где жили отшельники, старцы, молитвенники за русскую землю, для многих арестованных священников, монахов, простых верующих людей отныне стал последней остановкой на скорбном земном пути: почти всех, приговоренных к высшей мере, тут и расстреливали. Лишь единицы получали шанс на жизнь, отправляясь под конвоем в одну из точек огромной империи скорби под названием ГУЛаг.

Сверху высокой каменной стены, которой был огорожен монастырь, теперь тянулись ряды колючей проволоки, а по всему периметру стояли сторожевые вышки с охранниками. Кельи монахов стали камерами, покои игумена — рабочим кабинетом следователей, а подвальный этаж, где находился один из монастырских храмов, отныне наполнялся не стройным молитвенным пением и чтением псалмов, а оглашением приговоров да сухими щелчками револьверных выстрелов.

Всех духовных лиц и мирян — или, как их тут называли одним словом, «церковников» — сидевшие уголовники, брезгуя общения с ними, загнали в самый угол, возле параши, куда ходила оправляться забитая арестантами камера. И хотя антисанитария, затхлый дух немытых тел, грязной одежды, кожных заболеваний царил тут повсюду, в этом углу смрад был особенно нестерпимым и удушливым.

Дневной свет через маленькое зарешеченное окошко и в летнее время едва пробивался сюда — помещение было полуподвальным, — а теперь, когда на дворе стояла глубокая осень, середина октября, все было погружено в полумрак. Рядом на двухъярусных нарах, сбитых из грубых нетесаных досок, лежал церковный староста Алексей Степанович Бурлаков, проходивший по тому же делу, что и отец Андрей. Староста был не намного младше настоятеля, трудился на приходе много лет — сразу же с архиерейским указом о назначении сюда отца Андрея, поэтому их общение было не только деловым, но и чисто дружеским, во всем доверительным.

Атмосфера взаимного доверия стала еще больше с того времени, когда доверять было уже почти некому — и очень опасно: обо всем, что происходило на приходах, о чем проповедовали священники, говорили в узком кругу, быстро доносилось в органы НКВД через завербованную агентуру и внедренных осведомителей-сексотов.

Отец Андрей доверял своему помощнику-старосте все: и хозяйские дела, и скудные по теперешним временам финансы, и свои невеселые думы о наставших и грядущих испытаниях для Христовой Церкви и ее паствы. Они часто сидели и тихо беседовали по вечерам друг у друга дома, с тревогой глядя на мрак, сильнее и сильнее окутывавший общество, в котором им суждено было родиться, жить и воспитывать своих детей.

— Как ты, Алексей Степаныч? — шепотом обратился к нему отец Андрей, слыша хриплое, нездоровое дыхание своего помощника. — Видать, худо и худо?

— Худо, батюшка, худо… — так же шепотом отвечал тот, кашляя в соломенный тюфяк под головой. — Молочка бы горячего… С пеночкой… Всегда им спасался. Из моих домашних никто не любит… Один я… Особенно с пенкой сверху… Прямо с огонька, плиточки…

— Даст Бог, выйдем — будет молочко с пенкой. Будет…

Отец Андрей улыбнулся, заметив, что даже тут, в этих невыносимых условиях, староста не расстается со своей неизменной привычкой обо всем говорить в уменьшительно-ласкательном тоне, особенно если это касалось еды: «молочко», «пенка», «огонек», «хлебушек», «супчик», «огурчик», «мяско», «чаек», «маслице». В нем было много детского.

— Вам болеть никак нельзя. На кого церковное хозяйство оставите? Настоятели приходят и уходят, а хозяйство остается, за ним глаз да глаз нужен. Да и внуков растить надо: вон сколько дочки вам нарожали.

— Наверное, не выйдем, — снова судорожно закашлял староста. — По крайне мере я. Не жилец уже на этом свете… И трех дней не протяну при такой жизни…

— Ты и дня не протянешь, крыса церковная, — раздался хриплый голос сверху. — Заткни хавало и не разевай, дай людям поспать. Посажу на парашу — там нахлебаешься «молочка с пеночкой». Пикни мне еще раз! Гнида…

И снова настала тревожная тишина, нарушаемая тяжелыми вздохами, стонами, цоканьем кованых сапог конвоиров за дверями да бряцаньем связок ключей от камер. Отец Андрей погрузился в молитву.

«Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся? Внегда приближатися на мя злобующым, еже снести плоти моя, оскорбляющий мя, и врази мои, тии изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю. Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и

посещати храм святый Его…»[1]

Отец Андрей знал наизусть почти все псалмы. Он дышал вдохновенным слогом премудрого Пророка, черпая в этой святой книге все: и мудрость, и силы, особенно в нынешних скорбных обстоятельствах, когда помощи, тем более пощады ждать было неоткуда: «аще не Господь». Любовь к Псалтири в роду священников Авдеевых, к которому принадлежал отец Андрей, передавалась по наследству: по Псалтири детей учили азам церковной грамоты, по Псалтири воспитывали благочестие, прививали любовь к молитве, к Богу.

«Вскую прискорбна еси, душе моя? И векую смущавши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего, и Бог мой…»[2]

Тягостное тревожное состояние, полудрема-полусон, изможденное тело, постоянный холод и голод… Псалтирь стала единственным утешением священника, ожидавшего свой последний вызов к следователю. Высокий слог царя Давида звучал в его душе постоянно, немолчно: с ним отец Андрей ненадолго засыпал и так же просыпался, чтобы вскоре снова впасть в тяжелое состояние, когда, казалось, время останавливалось, исчезало, а душа священника-арестанта совершенно соединялась с молитвой, растворялась в ней, покидая это мрачное место.

Пребывая в таком состоянии, отец Андрей не услышал, как дверь камеры открыли, отодвинув тяжелый засов, и вовнутрь вошли трое вооруженных охранников. Вся камера сразу проснулась и вздрогнула: за кем на сей раз?

— Авдеев! — коротко бросил старший офицер, держа раскрытый журнал со списками здешних арестантов.

Никто не ответил.

— Авдеев! — громче повторил он, и староста легонько толкнул отца Андрея в бок:

— Батюшка, вроде вас кличут.

Отец Андрей тяжело встал, откинув назад слипшиеся седые волосы.

— Откликаться надо, когда вызывают, — строго взглянул офицер. — Что, поп, разоспался? К вольготной жизни привык? Ничего, скоро мы вас всех как гнид передавим. На выход!

Отец Андрей нагнулся, чтобы взять маленький узелок с вещами, но офицер остановил:

— На выход без вещей!

Отец Андрей, и без того бледный, побледнел еще больше. Эта команда означала только одно: сюда он больше не вернется. Его расстреляют в подвале или внутреннем дворе, а сокамерники поделят пожитки между собой или же разыграют в карты, как обычно делали с подобной наживой.

Батюшка смиренно поклонился перед всей камерой:

— Простите меня великодушно, братья…

— Авдеев, ты им еще проповедь расскажи, — часовой подтолкнул его в спину. — Давай на выход, здесь тебе не богадельня!

— Прости меня, любезный Алексей Степанович, — тихо добавил отец Андрей, поклонившись старосте. — Прости Христа ради. И помолись обо мне, грешном…

— Молочка бы горяченького… — прошептал тот в ответ, изможденный горячкой. — С пеночкой… Или хотя бы чайку с медком… Глоточек бы перед смертью… Ничего больше не хочется…

— Я попрошу, похлопочу перед следователем. Все будет хорошо… Бог не оставит. Он милостив. Прости…

И вышел в коридор.

Следователь, занимавшийся «расстрельными» делами арестованных священников, сидел в бывших покоях настоятеля монастыря: большой просторной комнате, с такой же большой печкой и двумя зарешеченными арочными окнами. В святом углу вместо резного иконостаса с великолепными иконами старого «рублевского» письма теперь висели портреты Ленина, Сталина, Ежова[3], выразительные плакаты с лозунгами в духе времени: «Бдительность — наше оружие! Бдительность врага обнаружит!», «Искореним шпионов и диверсантов, троцкистско-бухаринских агентов фашизма!», «Каждый честный гражданин нашей родной страны обязан помогать органам НКВД выявлять врагов народа. Сила НКВД в том, что его поддерживают миллионы!»

Сам следователь располагался возле двери, которая соединяла покои настоятеля с комнаткой его помощника-келейника, где отныне дежурила вооруженная охрана и конвоиры. Следователь работал за казенным столом, покрытым темно-зеленым сукном, на нем стояли два аппарата телефонной спецсвязи, массивная мраморная чернильница и несколько папок с личными делами людей, вызываемых на очередной допрос. На подоконнике сверкал графин, пара толстых граненых стаканов и керосиновая лампа: прежние обитатели этого места, монахи, электричества не знали, пользовались только свечами, не позволяя себе даже таких ламп.

Здесь же проходили заседания «тройки». Ее члены рассаживались за отдельным длинным столом, стоявшим между окнами, а сбоку был еще один маленький столик с пишущей машинкой для секретаря, который вел протокольные записи проходивших тут заседаний.

Войдя в помещение, отец Андрей ожидал, что снова увидит следователя Березовского, проводившего с ним следственные действия и допросы ранее. Этот человек слыл как настоящий иезуит, инквизитор, применявший к арестованным жестокие методы выбивания нужных показаний: крик, шантаж, запугивание, лишение сна, пищи, воды, побои…

Однако особенно беспощадным, безжалостным он был в отношении духовных лиц, проходивших как «враги народа». Чтобы те «немного подумали», он запирал их в холодный карцер, подвергал там жестоким пыткам, привлекая для этого «заплечных дел мастеров» из числа специальной команды работников НКВД; они же приводили в исполнение приговоры «троек»: расстреливали полуживых узников, освобождая их таким образом от нечеловеческих страданий.

Отец Андрей прошел через все издевательства — через все, кроме расстрела — и сейчас ожидал новой встречи с этим страшным, зловещим человеком-извергом. Однако, к его удивлению, в кабинете за столом он увидел нового следователя: интеллигентного вида, в очках, гладко выбритого, пахнущего модным советским одеколоном, с приятными чертами лица, не выдававшими в нем ничего зверского, бесчеловечного.

— Гражданин Авдеев Андрей Михайлович, — тихим голосом сказал он, когда отец Андрей в своем стареньком сером подряснике, в котором был арестован прямо в церкви, в таких же видавших виды сапогах, без наперсного креста подошел ближе к столу, — я, следователь Павел Рачинский, сообщаю вам, что вы обвиняетесь в уголовных преступлениях против советской власти по статье 58, часть 10[4] и приговариваетесь…

Отец Андрей понимал: его ждет расстрел.

— Погодите, уважаемый… товарищ… гражданин следователь…

От волнения отец Андрей сделал полшага вперед к столу.

— Ведь мое дело еще не рассматривали в суде. Какой может быть приговор без суда и завершения следствия? Возможно, суд…

— Нет, невозможно, — тем же тихим, мягким голосом сказал следователь. — По крайней мере, в отношении вас, гражданин Авдеев. Следствию все ясно. А суд — это формальность. Не вы первый, не вы последний. Вас всех слишком много, чтобы соблюдать формальности. Вы ждете от нас правосудия, лояльности к себе, когда сами же нагло попираете закон, занимаетесь враждебной пропагандой, подстрекательством, сеете панику, группируете вокруг себя разного рода пустозвонов и недобитков.

— Помилуйте! — всплеснул руками отец Андрей, готовый в который раз доказывать всю нелепость выдвинутых против него обвинений.

— Не помилую, — хладнокровно остановил следователь. — Ни я не помилую, ни суд, ни наш народ. Врагам советского народа нет пощады, прощения, помилования. И не будет.

Отец Андрей беспомощно опустил руки:

— Что ж, на все воля Божия…

И тут следователь преобразился: он побагровел, вены на его лбу вздулись, налились кровью, из-под очков сверкнул злобный взгляд.

— Не воля Божия, гражданин Авдеев, — закричал он, ударив кулаком об стол, — а моя! Слышишь, вражина! Моя тут воля! И ничья больше!

— Ваша… — прохрипел священник. — Но над ней все равно есть высшая воля: Божия. Я готов принять все: и вашу, и Господню волю…

— Авдеев, вы не поняли?!

Следователь схватил лежавшую перед ним бумажку и потряс ею перед глазами священника:

— Сюда смотреть! Сюда! Это приговор. Осталось поставить мою подпись — и все! Я сейчас и следователь, и суд, и бог! Один росчерк — и вы рядом с теми, которые уже «тепленькими» лежат на подводе, ожидая вечера, когда их отвезут в овраг за городом и кинут в общую яму.

— Значит, Богу так угодно, — снова кротко ответил отец Андрей и посмотрел в глаза следователю. — Мы все в Его деснице. В том числе и вы, гражданин следователь… К тому, что я уже сказал на следствии, мне добавить нечего. Куда прикажете теперь?..

Но следователь неожиданно кивнул стоявшим у дверей кабинета часовым оставить их наедине.

Те отдали честь и вышли.

— Когда я увидел в списках вашу фамилию, мне почему-то захотелось встретиться с вами перед тем, как… — следователь снова стал спокойным и сел за стол, предложив священнику тоже сесть напротив. — Вы сами выбрали свой удел. Жили бы, служили, как многие другие ваши собратья, признавшие новую власть, — и никто бы вас пальцем не тронул. И претензий бы не имел.

— «Служить бы рад, прислуживаться тошно»[5], — усмехнулся отец Андрей, не понимая смысла начатого следователем разговора.

— Напрасно иронизируете, гражданин Авдеев. Если кто и прислуживает, так это вы. Лично вы! Прислуживаете врагам нашего народа, фашистской пропаганде, разным буржуазным недобиткам. Вы и есть настоящий прислужник! Мы же верно служим: своей власти, рабоче-крестьянской партии, мудрым вождям. У нас ясные цели, ясная программа. А что у вас?

— Бог. Мы с Ним, а Он — с нами, — тихо, но твердо ответил отец Андрей.

— Нет! У вас — вот это уголовное дело, — следователь кивнул на лежавшую перед ним папку с документами, — и моя подпись, которую я сейчас поставлю и велю отвести вас вниз, где не спасет уже никто: ни Бог, ни царь и ни герой.

— Я это знаю. Сейчас ваше время: все происходящее, как и остальное, мы принимаем как святую волю. Мы — смиренные слуги, рабы нашего Господа, а не хозяева жизни…

Следователь рассмеялся:

— «Рабы»! Меня всегда удивляло, почему вас не унижает это гадкое слово? Неужели вам никогда не хотелось быть свободным человеком, а не каким-то «рабом»?

— Разве вы сами не рабы? — тихо спросил отец Андрей, выдержав насмешливый взгляд. — Разве не в рабов хотите превратить наш народ?

Рачинский перестал смеяться: на его лице появилась нескрываемая злоба.

— Мы не рабы! Мы строим новое счастливое общество, новый мир, сметаем на своем пути все, что напоминает о старом…

— …делая рабами системы, где Богу нет места, — не дрогнув, возразил отец Андрей. — Это и есть настоящее рабство. Да, мы — рабы Божии, Его Царства. Но это Царство — не рабства, а любви и свободы от всякого греха, насилия и всего, что несет в себе безбожный строй. Даже такой «счастливый», каким вы его видите.

Батюшка судорожно закашлялся.

— Гражданин Авдеев, вы не поняли главного: идет непримиримая классовая борьба! — следователь наклонился через стол к отцу Андрею. — И пока мы не передавим всех врагов, таких, как вы, будут и тюрьмы, и трибуналы, и приговоры, и концлагеря, и расстрелы. Для своих врагов у нас найдется всего в достатке! Большинство советских людей поддерживает власть большевиков, идет на сотрудничество с органами, чтобы с корнем вырвать из новой жизни пережитки старой, всякую заразу, нечисть, растоптать, уничтожить ее, как гадину. Жаль, что вы, неглупый же человек, неспособны это понять.

«Господи, скорее бы все кончилось…» — подумал отец Андрей, ощущая в изможденном теле приступ нарастающей боли и лихорадки.

— Наверно, думаете, с какой этой беды следователь решил пооткровенничать с вами?

Он вызывающе посмотрел на священника.

— Мне, повторяю, было интересно увидеться лично с человеком, чьими философскими эссе я зачитывался, был даже увлечен. Ведь это ваши размышления о диалектике свободы и рабства печатались до революции в толстых журналах, вызывали горячие обсуждения, дискуссии?

Отец Андрей молча кивнул головой.

— Вот видите! В молодости я был, можно сказать, поклонником вашего писательского таланта, хотя и не мог безоговорочно согласиться со всеми взглядами. Например, с фанатичным исповеданием того, о чем говорили: идеи мифического Божьего рабства и категорического отрицания возможности построения справедливого, свободного общества в наше время. Неужели нельзя жить без этой поповской утопии?

Да, было чему удивиться… Следователь Павел Рачинский исправно выполнял функцию «винтика» той страшной машины, которая молола и перемалывала судьбы миллионов простых людей, поднимая на их костях новое общество, ради которого были уничтожены все основы старого: «до основанья…» Отец Андрей почувствовал, что сидит перед человеком, чья ненависть ко Христу, вере в Него значительно больше, глубже тех примитивных лозунгов, которыми она вбивалась в души и умы миллионов созидателей «светлого будущего», которыми «благословлялись» невиданные за всю историю Руси беззакония.

Павел Михайлович принадлежал к древнему и благородному роду Рачинских, потомки которого, несмотря на свои польские корни, прославились патриотическим служением Российской Империи, дали немало ярких имен общественных деятелей, ученых, за что были жалованы дворянским титулом и многими имениями. Но сам Павел Рачинский, сидевший сейчас перед отцом Андреем, стал первым из рода, кто не любил вспоминать о своей родословной и не позволял никому даже напоминать о ней.

Вскоре после первой русской революции 1905 года он увлекся идеями революционного преобразования России, а затем всего мира, и этот порыв определил его дальнейшую судьбу и служебную карьеру. Полученное им пристойное и глубокое юридическое образование в Петербурге помогло быстро утвердиться в новой власти, пришедшей на смену монархическому строю. Павел Михайлович доказал безоговорочную преданность партии большее! ков: ни одна чистка ни партийных рядов, ни самих органов, когда всем вспоминали и ставили в вину их подноготную, лично его не затронул. Чекистом он стал с первых же дней начавшегося большевистского террора против собственно о народа.

Никто не вспоминал и о том, что Павел Рачинский был вхож в общее за, кружки, даже масонские организации, которые, подобно сектам, в ожидании грозных социальных катаклизмов буквально наводнили духовную жизнь российской столицы и многих крупных городов России. Разочарование значительной части русской интеллигенции в том, что предлагало святоотеческое богословское наследие, скептическое отношение к христианству вообще очень быстро заполнилось всплеском массового интереса к буддизму, древнеиндийским оккультным учениям, гипотезам о существовании некоего «знания», которое дает посвященному в сакральные тайны универсальный ключ-код к синтетическому овладению полнотой любых частных знаний. Вера в чудо, которая испокон веков жила в душе русского

народа, нашла благодатную почву и дала обильные всходы, заслонив собою христианское благочестие, формировавшее духовные устои Крещеной Руси. Протест Церкви против наступающей тьмы был воистину «гласом вопиющего в пустыне...»

Обсуждение модных тем так жадно захватило умы русских интеллигентов, что многие ринулись читать, слушать, горячо обсуждать сообщения об «открытиях» отважных путешественников, отправившихся на поиски следов древних цивилизаций в горы Тибета, легендарной Шамбалы[6], загадочные пустынные места Афганистана, Ирана, куда-то в Алтай и на север самой России. Они твердо верили в реальность «древнего знания», которое было якобы очень надежно скрыто, зашифровано исчезнувшими в других, недоступных обычному человеческому пониманию, таинственных измерениях цивилизациями. Их жрецы якобы знали о грядущих земных катаклизмах, вроде всемирного потопа; опасались также, чтобы эти знания не стали достоянием морально незрелого, неподготовленного общества, способного использовать его не во благо, а во вред людям. В самих же этих интеллектуально высокоразвитых цивилизациях гуманные цели «мировой революции» были давно достигнуты благодаря торжеству «космической гармонии».

Пребывая на высшей степени духовного очищения от человеческих пороков и страстей, овладев тем самым таинственным «универсальным знанием», с его помощью победив время, болезни и саму смерть, граждане этого воплощенного «рая» живут в состоянии «духовного созерцания», наслаждаясь совершенной гармонией с окружающей природой, космосом, общаясь с «высшим миром» на уровне тонких «психических энергий» и даже вступая в контакт на том же «тонком» уровне с наиболее посвященными в сакральные тайны мироздания избранными членами уже нашего общества.

Разговоры о все новых и новых сенсациях, желание самим постичь тайны всеобщей «гармонии» подкреплялись тем, что увлеченные русские интеллигенты в искреннем порыве построить справедливое общество на идеях сенсационных «открытий» и собственных фантазий начали заниматься практическим оккультизмом: зачитываться оккультными книгами, общаться с известными магами, изучать техники восточной медитации, совершать служения «высшим силам», постигать секреты астрологии, спиритизма, знакомиться с кабалистикой, нумерологией и многими другими делами, совершая тяжелейший грех хулы против Духа Святого.

Прямым участником отступления от Бога Истинного был и Павел Михайлович Рачинский. Увлечение оккультизмом даже пригодилось ему на службе в органах ОГПУ-НКВД, когда его пригласили на работу в Специальный секретно-шифровальный отдел ОГПУ, возглавляемый Глебом Бокием[7]. В секретной лаборатории, созданной при этом отделе, трудились люди разных профессий, изучая широкий спектр вопросов: от технических изобретений, связанных с начинавшей развиваться радиоразведкой, до исследования солнечной активности, земного магнетизма и проведения различных научных экспедиций. Изучали все, что имело связь с таинственными оккультными знаниями. В так называемой «черной комнате», оборудованной в том же отделе, они проводили обследования людей со сверхспособностями: знахарей, шаманов, медиумов, утверждавших, что они общаются с потусторонними силами. С конца 1920-х годов Глеб Бокий привлекал подобных «специалистов» непосредственно к работе своего Спецотдела. А в особо сложных случаях дешифровки вражеских сообщений организовывал групповые сеансы связи с духами. Говорят, что большой личный интерес к работе отдела проявлял сам Генрих Ягода — будущий глава НКВД. Как впоследствии выяснилось, кроме Бокия и его подчиненных из спецлаборатории в созданное ими оккультное «Единое трудовое братство» вступил член ЦК ВКП(б) и ближайший соратник Сталина Москвин, а также заместитель наркома иностранных дел Стомоняков, непосредственно курировавший внешнеполитическую

линию Монголия — Сицьзян — Тибет, куда по линии Спецотдела организовывались научные экспедиции.

Погубила Бокия, как свидетельствуют документы, его излишняя самоуверенность. Поводом же к началу расправы над ним стала его фраза, сказанная главе НКВД Николаю Ежову: «А что мне Сталин? Меня Ленин на это место поставил». На первых же допросах он «покаялся» и сдал своих соратников по «братству». Но это «раскаяние» не спасло его от расстрела.

Однако Павел Рачинский, тоже проходивший по этому делу, оказался вне подозрений, был оставлен в органах и даже получил повышение.

— Что вы молчите? — Рачинский уже снисходительно посмотрел на отца Андрея. — Неужели нельзя найти другой — куда более надежной, выверенной научной опоры, — чем ваши обанкротившиеся идеи о Царстве Небесном?

— Почему нельзя? — задумчиво ответил отец Андрей. — Можно. Вполне.

— Вот видите! — рассмеялся Рачинский. — Сами себе противоречите, любезный!

— Можно, — спокойно повторил священник. — До поры, до времени. Все можно. Дом построить на песочном фундаменте тоже можно. Другое дело: долго ли он простоит? До первого ливня. Так во всем, где нет Бога.

— Неубедительно.

— Что же для вас является убедительным аргументом против Бога?

— Успехи, которые уже достигли! Не на песке, не на глине, а на прочном фундаменте идей большевистской партии, ее вождей, твердой вере в коммунистическую справедливость и нашу победу во всем мире. Вот на чем!

— А наша вера держится на Боге-Вседержителе, — спокойно ответил отец Андрей, — на Его высшей Правде, Его заповедях, а самое главное — на Его личном примере служения людям, любви к ним. И вера в Бога у нас не слепая, не фанатичная, как вам представляется, а глубоко осознанная. Рабство же христианское — тоже вовсе не унизительное, а блаженное. Быть рабом нашего Господа — великая милость и честь для христианина.

— Оно и видно, — усмехнулся следователь. — Что-то ваш Бог не слишком к вам благоволит, не спешит на помощь. Вывел бы вас отсюда по одному или всех сразу, коль такой всемогущий.

— Так уже говорили, — откликнулся отец Андрей на дерзкие слова следователя.

— Что говорили?

— Почти те же самые слова, что и вы.

— Кто же?

— Те, кто Его распинал. Смеялись, когда Он уже был на Кресте, и говорили: «Других спасал; пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий»[8]. Злословил даже один из разбойников, который тоже висел рядом распятый: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас»[9]. А Господь победил всех: и тех, кто смеялся, злословил Его, и тех, кто распинал, и саму смерть. Тем же, кто сохранил Ему верность до смерти, сказал: «Не бойтесь убивающих тело, души же

не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне»[10]. Христос — это основа нашего рабства и, как вам не покажется парадоксальным, основа нашей же совершенной свободы. Вы можете делать с нами все, но душа останется свободной. Она не ваша: Божия.

— Я думал, что за двадцать лет жизни в советском обществе вы хоть чуть-чуть поменяли свои радикальные взгляды, — иронично усмехнувшись, сказал следователь.

— Нет, не только не поменял, а, напротив, еще больше укрепился в них.

— Что же укрепило?

Отец Андрей поднял голову и снова встретился в упор с глазами следователя:

— Ненависть новой власти к Богу и желание построить, как вы говорите, справедливое, свободное общество, в котором Богу нет места. Такое тоже было в истории человечества, и не раз, но всегда заканчивалось поражением от Бога, против Которого они восставали, отдавая себя в рабство безбожия, каким бы красивым и заманчивым оно не казалось.

Рачинский откинулся на спинку стула и злобно взглянул на священника:

— Поэтому вы и стали желать скорой гибели советской власти, распускать слухи о нападении Гитлера, искать сочувствующих, подогревать нездоровые настроения, сеять панику. И после этого еще надеетесь на какое-то снисхождение, лояльность к себе?

— Не надеюсь, — твердо ответил священник. — Но и взглядам своим не изменю. Где нет Бога — там все непрочно. Всякий «земной рай» уже в самой идее обречен на поражение. А когда оно случится — это уже дело времени и конкретных исторических, политических и других обстоятельств.

— Что это за разговоры о каком-то антихристе, которые вы ведете с людьми?

— Я отвечаю на те вопросы, с которыми они ко мне обращаются. На их глазах совершается тайна беззакония и богоборчества.

— Кого вы называете антихристом?

— Того всемирного обманщика, который, согласно святым пророчествам, явится перед Вторым пришествием нашего Спасителя Иисуса Христа и Его Страшным Судом над человеческим родом. Есть мнение, что родится этот человек не где-то, а именно у нас, в России. Это не мое утверждение, но я его разделяю.

— Чье конкретно? — быстро спросил следователь и приготовился записывать.

— Епископа Игнатия.

— Значит, у вас есть сообщник, разделяющий эти идеи? Вы с ним лично знакомы?

— Скорее, не он мой сообщник, а я — его.

— Вы знакомы?

— К сожалению, не имел чести.

— Где проживает? Адрес!

— Вы его там не достанете…

— Мы достанем даже из-под земли, если будет нужно. Эмигрант или живет на конспиративной квартире? Что вам о нем известно?

— Известно лишь то, что телом он давно лежит в земле, а своим праведным духом — верим в это — пребывает в милости Бога, Которому всю жизнь служил преданно и свято[11].

— Вы снова лжете следствию, Авдеев! Нам достоверно известно, что свои разговоры об антихристе вы проводили 22 апреля и 21 декабря.

Отец Андрей в недоумении пожал плечами:

— У меня нет определенного календаря или расписания бесед с людьми. Когда спросили — тогда и ответил. Какой это был конкретно день — для меня большой разницы нет…

— Да, Авдеев! — крикнул следователь. — Для вас, ненавистника нашего строя, нет никакой разницы, что большинство советских людей чтят эти дни как святую память о своих великих вождях: товарище Ленине и товарище Сталине[12]. У меня нет ни малейших сомнений в том, что своими разговорами и проповедями вы решили бросить на них черную тень. И не только на них: на всю партию большевиков, на весь наш строй! У нас достаточно доказательств этому.

— У меня не было таких намерений. История сама решит, кого прославить, а кого…

Следователь пробежался по анкетным данным отца Андрея.

— Что ж, на этом, пожалуй, закончим наше очное знакомство. У вас ведь двое сыновей?

Отец Андрей кивнул.

— Надеюсь, они будут более лояльными к той власти, которая о них позаботится, и той стране, которая их сделает настоящими гражданами.

— Я тоже искренне надеюсь на то, что они не оставят Бога, а Господь поможет им в жизни. А где, в какой стране, при какой власти — особого значения не имеет.

Рачинский закрыл папку и отложил в сторону, потом взял ручку, обмакнул ее в чернильницу, готовясь поставить подпись под приговором. Но что-то остановило его.

— Знаете, о чем я сейчас подумал? Мне было бы очень интересно встретиться с вами годков эдак через…

Он пристально взглянул на священника.

— Вы утверждаете, что через пятьдесят лет Советского Союза не станет, вся советская система рухнет и распадется на множество отдельных государств. Не упирайтесь, мы располагаем неоспоримыми доказательствами ваших утверждений. Накинем для большей уверенности еще половину срока вашего «пророчества», то есть двадцать пять лет — и давайте снова встретимся: через 75 лет. Как вам такая идейка? Нравится? Если так, то…

Отец Андрей удивленно посмотрел на следователя, пытаясь понять, шутит ли он. Тот же, заметив удивление, рассмеялся:

— Что случилось, гражданин Авдеев? Вам ли, рассказчику о разных пророчествах, удивляться? Или вы усомнились во всемогуществе своего Бога? Он, помнится, Чермное море, как буханку хлеба, пополам разрезал, и речку Иордан повернул вспять, и манну с неба целыми тоннами целых сорок лет сыпал, и солнце останавливал. Много разных чудес… Что Ему стоит выполнить одну нашу общую маленькую просьбу: свести нас в будущем?

По-прежнему мало что понимая, отец Андрей пожал плечами.

— Может, Авдеев, вы принимаете только свои поповские фантазии, а чужие игнорируете? Или ваши фантазии не простираются дальше тех вражеских слухов, которые вы сеете вокруг себя?

— Почему игнорирую? Надеюсь, вы сами хорошо понимаете, что фантазия фантазии — рознь. Если в ее основе есть хоть какая-то реальная основа — одно дело, а если просто фантазия, оторванная от всякой реальности, ради самой фантазии, то…

— А моя, по-вашему, какая? Реальная или бредовая?

— Чтобы увидеть то будущее, за которое вы взялись, не нужно быть ни пророком, ни прозорливцем. Без Бога в основе оно недолговечно.

— Так в чем дело? Вы даете нашему строю срок существования пятьдесят лет. Я же для большей уверенности к вашему пророчеству набрасываю еще «пол-столько» и последний раз предлагаю вам продолжить наш разговор через семьдесят пять лет. Вы свято верите в то, что ваш Бог всезнающий и всемогущий. Значит, Ему не составит особого труда свести нас в будущем. Пусть Он покажет Свое всемогущество, а вы докажите свою веру. Я же твердо верю в то, что это будущее — за тем строем, который мы созидаем сегодня, который защищаем от врагов: в нем человеческие знания, наука достигнут та ко го высокого уровня, что машина времени Герберта Уэллса[13] будет восприниматься не писательской фантазией, а вполне реально: как, например, аэроплан или автомобиль. Хотелось бы вам побывать в этом прекрасном будущем?

Отец Андрей усмехнулся:

— Не скрою: заманчивое предложение. А как же с этим?

Он кивнул на приговор, лежавший перед следователем для подписи.

— Какая, собственно говоря, разница? Дожить до того времени вы все равно не доживете: вам уже за шестьдесят. Да и у меня, как говорят в народе, «лошадиный возраст»: молодость давно кончилась, а до старости еще пахать. Вместо расстрела вы получите ссылку. Даже с правом переписки. Это в моих силах. Уж каково вам придется в местах не столь отдаленных и сколько вы там протянете — не знаю.

Он снова обмакнул перо в чернильницу, готовясь поставить подпись.

— Итак, принимаете мой вызов? Какое сегодня число?

Рачинский перевернул и оторвал старый листок настольного календаря.

— 10 октября 1938 года. Встречаемся ровно через семьдесят пять лет. Запомните этот день: 10 октября. Если ваши липовые пророчества каким-то чудом все же исполнятся, я склоню перед вами голову как побежденный перед победителем. Если нет — приведу в исполнение приговор: не этот, мягкий, а тот, который вы заслужили по нашему советскому закону. Именем того

великого дела, которому мы служим. Во имя его победы. И во имя истребления того зла, которому служите вы. Итак, решайте, Авдеев…

Отец Андрей твердо перекрестился:

— У Бога нет ничего невозможного. Ничего. Аще Господу угодно, мы обязательно встретимся, гражданин начальник. Да будет воля Твоя, Господи, на нас, грешных…

Следователь еще раз взглянул на священника и быстро сделал несколько записей в его деле и на официальном приговоре.

— Завтра вас переведут в пересылочный лагерь, а уже оттуда — куда определят. Там я бессилен. До встречи в будущем, гражданин Авдеев. Через семьдесят пять лет. 10 октября. Постарайтесь не забыть.

И вызвал стоявший за дверью конвой.

Отец Андрей продолжал сидеть, не вставая.

— Что еще? — взглянул следователь, чувствуя, что у священника была какая-то личная просьба.

— Дерзну просить вашей милости… Нет-нет, не за себя, я готов покорно принять все, в чем… Но со мной сидит немощный человек, наш церковный староста: он очень болен и нуждается в поддержке. В отличие от меня, на нем держится большая семья: дочки, внучки, правнучки… Много голодных ртов.

— Кто там такой несчастный? Бурлаков, что ли? Любитель молочка с пенкой?

Отец Андрей быстро взглянул на следователя, удивившись его осведомленности.

— Да, он самый. Мой первый помощник в церковных делах. Я не знаю, за какие провины он попал сюда, но если это в ваших силах, то…

Следователь не дал священнику договорить: он откинулся на спинку стула и расхохотался.

— Я не вижу в этой просьбе ничего смешного, — немного растерялся отец Андрей. — Алексей Степанович действительно очень болен и нуждается не только в лечении, но и в обычном человеческом сострадании.

— Нет, здесь другое, — успокоившись, ответил следователь. — Вы, гражданин Авдеев, берете на себя роль какого-то оракула, пророка, рисуете мрачные перспективы для нашего строя, рассказываете о грядущей войне с Гитлером, несете всякую околесицу, а того, что у вас, можно сказать, под самым носом, в упор не видите.

Батюшка растерялся еще больше.

— Ваш староста Бурлаков — в общем-то, неплохой человек, но ненадежный. Ему еще предстоит стать настоящим человеком. Советским человеком. Думаю, труд на ударных стройках социализма пойдет ему на пользу. За несколько лет, что он там проведет, и дочки, и внучки, и правнучки — все подрастут. Он тоже другим человеком станет. Настоящим советским гражданином: надежным, преданным, а не двуличным, как сейчас. Общественно полезный труд облагораживает человека. Для вас он, возможно, и хороший человек, а для нас… Как там

в ваших книжках? Нельзя служить двум господам, так?

— В целом — так[14], — по-прежнему ничего не понимая, ответил отец Андрей.

— В ваши годы, — следователь взглянул на священника и снова раскрыл папку с документами по его уголовному делу, — нужно быть и умнее, и осторожнее в разговорах. Даже с самыми, как вам кажется, надежными и верными людьми. Даже с родным отцом и матерью. Вокруг нас — враги, коварные враги, злобные, поэтому партия призывает всех проявлять высокую бдительность. Чтобы вам было немного понятнее, прочту несколько строчек из донесений по поводу вашей деятельности.

Он поправил очки и начал читать:

«Мой долг информировать органы НКВД о том, что местный священник церковнославянской ориентации Авдеев занимается антисоветской агитацией, распространяет провокационные слухи о скором нападении Гитлера и большой войне. Всячески идеализирует царский строй, во время службы в алтаре тайно поминает расстрелянного императора и чтит его за святого мученика. Также тайно молится о врагах народа — арестованных и расстрелянных священниках, монахах, называет их страдальцами за веру…»

Следователь оторвался от чтения:

— Ни о чем, вернее, ни о ком это не напоминает?

И взял новый донос:

«Под прикрытием воскресной школы собирает единомышленников из числа лиц, недовольных советской властью, недобитых буржуев и тайных немецких агентов. Говорит, что война с Гитлером будет наказанием за то, что русский народ отступил от Бога, разрушил церкви и пошел за коммунистами. В канун 20-летия пролетарской революции говорил, что советская власть не вечная, продержится не более полвека, после чего падет вместе с Советским Союзом…»

«Поддерживает постоянную связь с подозрительной личностью из числа деклассированных элементов — бродячим попом или монахом по прозвищу Гедеон, который открыто говорит о том, что скоро начнется война, немцы будут наступать до самой Москвы и Сталинграда, погибнет много людей, а многих заберут в плен и отправят на трудовые работы в Германию. Говорит, что нынешняя советская власть и ее вожди — от дьявола, на них нет Божьего благословения, поэтому все рухнет. Авдеев часто оставляет этого шпиона и провокатора у себя дома, содержит его, кормит и даже позволяет служить вместе с ним, когда в церкви никого нет…»

— Вот еще:

«Довожу до сведения органов, что сегодня вечером в доме священника Авдеева прошла конспиративная сходка отъявленных врагов советской власти из числа бывших эсеров, царских интеллигентов, недовольных советским строем грантские листовки, говорили о том, что нападение Гитлера является последней надеждой повалить советскую власть и возвратить прежнюю буржуазную. Читали нелегальные эмигрантские газеты, стихи, которые порочат советскую власть, ее верных вождей…»

Закончив читать, следователь снял очки и выразительно посмотрел на отца Андрея.

— Вы хотите сказать, что… — прошептал тот.

— Я хочу повторить то, что сказал: следует быть умнее и осторожнее в разговорах с людьми, в том числе с теми, кому вы безоговорочно доверяете. За товарища Бурлакова не переживайте: мы дадим ему шанс доказать свою полную верность советскому государству и его трудовому народу. Вместе с молочком и пенкой. Ас вами еще встретимся. Как условились.

Он закрыл папку и кивнул конвоирам вывести священника.

Отец Андрей возвращался в камеру, не в силах справиться с тем, что сейчас творилось в его душе: буря самых противоречивых чувств, эмоций, мыслей.

«Господи, неужели Алексей Степанович занимался доносительством? — в ужасе думал он. — Быть этого не может! Мы столько лет рядом, трудимся в одном храме, столько всего общего, он человек глубоких религиозных убеждений, веры… Есть, конечно, некоторая разница во взглядах на все происходящее, но в целом у меня не было и нет оснований не доверять ему, подозревать в чем-то. Может, все это дело рук самих органов?»

«С другой стороны, — думал он, — откуда эти подробности? Наши задушевные встречи и беседы дома, мои службы с отцом Гедеоном, поминание императора… Алексей Степанович обо всем хорошо осведомлен, почти всюду неотлучно находится рядом со мной. Неужели это правда?..»

Староста встретил возвращение своего настоятеля нескрываемым удивлением:

— Батюшка! Отец Андрей! Вы… Вас вернули? А мы… А мы уже…

— А мы пожитки пристроили, — добавил арестант, свесивший грязные ноги с верхнего яруса нар. — Не обижайся, батя… Здесь такой закон. Зачем добру пропадать?

— Да-да, конечно, — ответил растерянный отец Андрей, — пользуйтесь… Меня завтра все равно отправят отсюда.

— Пофартило. Значит, вышкарь[15] ссылкой заменят. Радуйся, святой отец, что еще поживешь на белом свете. Держи!

И арестант бросил ему назад вещмешок с одеждой.

После некоторого оживления, связанного с неожиданным возвращением священника, камера снова погрузилась в полуживое дремотное состояние.

— А я… А мне, пока вас туда, что-то вспомнилось, — зашептал староста, лежа рядом с отцом Андреем. — Даже не вспомнилось, а как будто привиделось… Как наяву… Такое…

Он замолчал.

— Знаю, — задумчиво отозвался отец Андрей и прочитал по памяти:

«Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться. При сем и

Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал»[16].

— Правда… — прошептал изумленный староста, приподнявшись на локтях. — Это я и видел… А как вы…

Отец Андрей, ничего не ответив, укрылся с головой старым пальтишком и молча повернулся к стенке.

— Как вы узнали, отченька? — после долгой паузы снова спросил староста. — Как вы догадались, что это…

И вдруг он обнял настоятеля за плечи и горько беззвучно заплакал, сотрясаясь всем телом:

— Меня заставили… Угрожали сослать и детей, и внуков, если только я не… В школе смеются, выставляют перед всем строем, позорят, клюют… Я не виноват, меня заставили… Простите Христа ради…

— Верю, Алексей Степанович… — не сразу ответил отец Андрей, повернувшись и тоже обняв его. — Верю, что заставили, запугали… Сейчас страшное время, не все способны выдержать. Возможно, это поможет нам хоть в какой-то мере оправдаться перед Господом. Ведь Иуду никто не принуждал, не запугивал: он сам согласился продать своего Учителя. Ты меня тоже прости… Сколько нам еще скитаться по этим местам — Господь веси. Прости меня за все… Я тоже слаб и немощен: и телом, и духом… Будем вместе просить прощения у Спасителя, чтобы Он помиловал нас по велицей милости Своей и очистил беззакония наша…

…Отец Андрей умер летом 1941 года, в самый канун войны, не выдержав сурового северного климата, куда его определили отбывать ссылку, а также условий концлагерной жизни. Его похоронили в общей братской могиле, куда свозили покойников со всех окрестных лагерей. Оба его сына, Сергий и Александр, приняли эстафету отца, став священниками, причем старший Сергий до принятия сана прошел всю войну в составе танковой дивизии, штурмовавшей Прагу и Берлин. Успел повоевать и младший, уйдя на фронт добровольцем.

Староста же по решению трибунала был приговорен к ссылке, но, учитывая его чистосердечное раскаяние и сотрудничество с органами следствия, пробыл там недолго и за примерное поведение выпущен был досрочно на свободу. Он дожил пенсионером до глубокой старости, увидев счастливые улыбки не только своих повзрослевших внучек, но и правнуков. Среди друзей и знакомых всегда слыл человеком очень добропорядочным, прекрасным семьянином. С прежней работы он вынужден был навсегда уйти: после ареста и приговора по делу отца Андрея храм закрыли, а вскоре и вовсе разрушили, разбив на его месте городской парк с аттракционами. Но Алексей Степанович не бедствовал: он был хорошим плотником, работящие руки кормили всю его большую семью, обеспечивая довольно-таки сносное по тем временам существование.

Следователь Павел Рачинский, занимавшийся делами обоих — священника Авдеева и церковного старосты Бурлакова — завершил свою жизнь тоже вполне успешно, выйдя на заслуженный отдых в генеральском чине и почете. Он перешел на преподавательскую работу, успел защитить диссертацию и весь остаток жизни передавал опыт молодым следователям КГБ.

Правда, на склоне лет он вдруг проявил живой интерес к набиравшей в те годы популярность и моду уфологии[17], начал читать разную эзотерическую[18] литературу о возможностях тонких «психических энергий», контактов человеческого мозга с «высшим разумом», чем, надо

признаться, удивил близких людей. Он стал с новой силой жадно собирать все, что касалось тайн допотопной цивилизации, паранормальных способностей у разных людей: чтения мыслей, воздействия силой мозга на природу вещей, попыток заглянуть в будущее, переместиться во времени. Используя свои высокие связи, лично встречался с такими неординарными личностями, о чем-то подолгу их расспрашивал. Он собрал все, что было написано о таких уникальных людях и явлениях в доступной в то время печати: научно-популярных журналах «Наука и жизнь», «Техника — молодежи», «Знание — сила», а также публикациях зарубежных изданий. Для чего это все ему было нужно — ни с кем не делился, с головой уйдя в чтение и страшно обижаясь, когда его отвлекали от этого занятия. Близкие люди объясняли этот странный интерес проявлением причуд, частенько случающихся в старческом возрасте. Зная его взрывной характер, старались не трогать и не донимать раздражавшими расспросами.

Однако сам ветеран чувствовал: в нем проснулся тот дух, который водил его в молодые годы по разным оккультным обществам, где жажда грядущих революционных бурь смешалась с ожиданием воплощения тех идеалов, которые, якобы, уже давно воплотились в недоступных уголках земли, спрятанных от непосвященных в тайны сокровенных знаний «космического разума».

Почетный ветеран органов ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ снова уверенно и увлеченно шел проторенными дорожками своих далеких мистических увлечений и поисков. Однако до конца дней Павел Михайлович оставался убежденным коммунистом и свято верил в победу того дела, которому преданно служил. Очень желал дожить до полувекового юбилея Октябрьской революции, за победу которой сражался с разными врагами — внешними и внутренними, — чтобы своими глазами увидеть это грандиозное торжество. Но не судилось: он умер в самом начале 60-х годов. Осенью.

Истрин

Наши дни

Ночь нисколько не принесла облегчения от изнуряющей дневной жары. Раскрытые настежь окна и двери гоняли по квартире вялый сквознячок горячего воздуха, забиравший у жителей раскаленных панельных домов последние силы. Роман Истрин — известный в городе профессор, яркая личность местного бомонда, возглавлявший кафедру в коммерческом институте, — занимал в одной из таких многоэтажек аж четыре просторных комнаты, заставленных дорогой мебелью, застекленными книжными шкафами, стеллажами, полками. И теперь ему казалось, что все это источало нестерпимый жар, от которого не было спасения: ни в душе, ни в ванной, ни в лоджии — нигде.

Истрин лежал в постели, мечась во все стороны, то сбрасывая подушку на пол, то снова подкладывая ее, слегка обдутую сквозняком, себе под голову. Всю ночь он провел в этих метаниях, обливаясь потом, вытирая его мятой простыней по всему телу. Кондиционер в квартире, в отличие почти от всех жильцов этого дома, не был установлен: так настояла жена Романа Андреевича, наслышавшись и начитавшись об их вреде для здоровья. По этой же причине, панически боясь простуд и разных болезнетворных микробов, никто не пользовался даже обычным бытовым вентилятором. А тут еще своим горячим телом к нему липла Эльвира — Эля, как он сам игриво ее называл.

Кем она была в жизни уже немолодого профессора? Ассистенткой на его кафедре, игрушкой на старости лет — таким себе «бесом в ребро», спасением от вечно ворчливой, быстро стареющей жены? Наверное, и тем, и другим, и третьим. Всем понемногу. Роман Андреевич сам не заметил, как невинный кофе при закрытых дверях с молоденькой сотрудницей, которую ему

порекомендовали на работу, быстро перешел в интимные отношения, еще быстрее перестав быть для коллег и близких друзей тайной. А там пошли претензии уже на его личную и, как казалось, вполне свободную и обеспеченную жизнь.

— Ромчик, зайка, ты бы определялся, с кем дальше век свой коротать, — все чаще и настойчивее теребила его Эля. — Я, конечно, могу решить этот вопрос и без тебя… Знаешь как? Очень просто: рожу тебе наследника! Ты ведь о нем мечтаешь? Твоя мадам одних девок нарожала — отрезанный ломоть, это всем народам известно. Где они? С тобой рядом? Фигушки! Я с тобой рядом. Я! Пока одна. Но могу легко произвести новую жизнь. Наследника — под стопроцентную гарантию! У меня хороший знакомый генетикой занимается, к нему попасть — люди в очередь за несколько месяцев записываются. А меня он примет без всякой очереди — и запрограммирует пол будущего ребеночка.

— Ой, Элечка, как же у тебя много разных знакомых, — вяло отмахивался Истрин. — И все хорошие. Хватает ведь сил и здоровья со всеми общаться, дружить… Кстати, что за такая дружба тебя с ним связывает, а? Ну-ка, проказница, признавайся!

— Чистая, как слезинка, — Эля потрепала жидкие кудри, скрывающие быстро лысеющую голову профессора. — Это у нас с тобой шуры-муры, разные амуры, потому что ты сам проказник, каких поискать. Лучше расскажи мне, скольких девочек завлек, совратил, скольким обещал всего такого разного? Ух, соловей ты мой разбойник!.. Неугомонный… И откуда в тебе столько мужской прыти?

— Элечка, прошу тебя… — кокетливо стонал тот, стараясь перевести разговор на другую тему.

Роман Андреевич вырос в очень интеллигентной семье, где понятия морали были не просто словом, а основой теплых отношений. Глава этого семейства — а кроме Романа росли еще старший брат и младшая сестра — был известным ученым-геофизиком, мать — таким же известным педагогом-музыкантом. Их дед, хоть и простолюдин, без высокого образования, но слыл человеком добропорядочным, духовным, начитанным. В такой семейной атмосфере Роман рос очень воспитанным, тихим мальчиком, потом юношей, позже сам стал примерным семьянином, отцом трех дочерей-умниц, успешно устроивших свою личную жизнь за границей.

Когда в нем проснулась тяга к «клубничке», гульнуть на стороне? Заядлым бабником, хлюстом его нельзя было назвать, но сам он не мог долго сопротивляться юным созданиям и самостоятельным дамам, которые то и дело вились вокруг него, особенно когда имя профессора Истрина стало широко известным, принесло ему популярность, славу, денежные дивиденды, гонорары.

Мимолетные интрижки, сплетни — все это, конечно, доходило до жены Романа Андреевича, но та была настолько поглощена заботой о дочерях, внуках и бесконечных загранпоездках в гости ко всем по очереди, а также о собственном здоровье, что ей не хватало времени и желания вникать в любовные похождения супруга, с которым она прожила много лет и которому все-таки верила.

Однако отношения с Элей незаметно для самого Истрина затянулись. Они затягивали его в неведомый водоворот, виток личной жизни, который он не планировал и даже не представлял себе на склоне прожитых лет и успешно сделанной научной карьеры. Роман Андреевич начинал со страхом понимать: просто так из этой любовной забавы он уже не выйдет.

— Фу, горячая, как печка, — он попытался отодвинуться от Эли на самый край постели, но та, наоборот, прижалась к нему всем телом.

— А ты хочешь, чтобы я была холодная, как айсберг в океане?.. — в полусне прошептала она и забросила на него ногу.

— Только не это… Только не сейчас…

Он встал, подошел к холодильнику, достал оттуда апельсиновый сок и осторожно выпил. Жены дома не было: она уехала на целый месяц в Бельгию к младшей дочери, готовящейся к первым родам. Туда же приехали две старшие дочки, уже имевшие опыт материнства. Роман Андреевич мечтал этот период побыть наедине, сосредоточиться на новой статье для серьезного научного сборника, но Эля разузнала, что шеф находится в полном ее распоряжении, и не замедлила появиться на пороге, без всякого приглашения.

— И мне тоже полстакана плесни, — крикнула из спальни Эля.

— А молочка не хочешь? — крикнул в ответ профессор. — Холодненького, домашнего?

— Сока, сказала, налей!

Выпив сразу, без боязни застудить горло, она поморщилась и легла обратно в постель.

— Не вози меня больше в этот хваленый ресторан, — недовольно буркнула она, уткнувшись в подушку. — Не ресторан, а кабак. Харчевня. Говорила тебе ехать в «Империал», так потащил меня в этот хваленый гадючник, свинарник…

— Элечка, — виноватым голосом застонал Роман Андреевич, — это же новый ресторан моего хорошего друга… Зачем ты так? Разве сама не видела, сколько там иностранцев, порядочных людей? Какая харчевня?

— Харчевня! Кабак! И кухня там кабацкая. Не хватало разве что пирожков с ливером, которые на вокзалах бомжам продают. И пончиков. Меня всю ночь тошнило… И сейчас тошнит, только вспомнила…

— Ты не волнуйся, это, скорее всего, от жары, — засуетился вокруг нее Истрин. — Я тебе еще сока налью, попей.

Он встал и хотел снова идти к холодильнику, но Эля его удержала рядом.

— Говоришь, не волнуйся? А вдруг это тебе пора волноваться, котик? Вдруг это не от жары, а от чего-то другого?

— Элечка, лапочка, но мы же…

— Не мы же, а ты же, — остановила его Эля. — Ты же! Это ты у нас неугомонный профессор, настоящий гигант не по возрасту.

— Элечка… — застонал Истрин и схватился за сердце. — Ты меня точно в могилу живым сведешь… Нельзя же так по мозгам… Да еще с раннего утра… Ой… Ох…

Эльвира встала и сама пошла к холодильнику. Возвратившись, протянула стакан с прохладным соком:

— Успокойся, Ромчик… При беременности тошнит не так.

— А как? — промямлил Истрин.

— У твоей жены токсикоза никогда не было? Или она не от тебя понесла?

— Элечка, ну зачем так жестоко?

— Зато ты сама нежность, — она опять плюхнулась в постель и отвернулась. — Попробуй еще раз повезти меня к своему другу-трактирщику…

— Даю слово, — Истрин старался замять неловкость. — Честное пионерское… Или комсомольское. И статейку твою вне очереди напечатаем, чтобы к защите было все, как говорится, «тип-топ». А сегодня поедем и проведем вечерок в твоем любимом «Империале».

— А в Камбоджу поедем?

Тот сделал серьезный вид и отрицательно покачал головой.

— Ромчик, котик, ты ведь обещал… — притворно захныкала Эля.

— Раз обещал, то…

Он сделал многозначительный жест:

— Не поедем, а полетим! Самолетом через Эмираты вжик — и на месте.

— Ура-а-а! — завизжала Эля и бросилась ему на шею.

Истрин снова охладил ее радость:

— Но только после твоей защиты. Отметим наш успех уже не в «Империале», а на берегу лазурного океана. В окружении туземцев. Зачем нам еще кто-то? Правда?

— И в Бразилию полетим?

Тот смиренно кивнул головой.

— Котик, если бы ты знал, как я хочу увидеть Рио, окунуться в атмосферу бешеного бразильского карнавала, самой потанцевать с темпераментными бразильскими мужчинами: загорелыми, полуобнаженными, страстными… Подышать дымом бразильских сигар, послушать у костра бразильскую гитару… Обещаешь?

— Куда же я денусь? — Истрин потерся лысиной о голые плечи Эли.

— А как насчет всего остального? — она кивнула на свой гладкий животик. — Может, все-таки тошнит не от вчерашних помоев? И я тебе все-таки не игрушка для развлечений.

— Элечка… — захныкал профессор.

— Ой, нытик, пошел вон! Без тебя тошно. Дай еще подремать.

И отвернулась к стенке.

Роман Андреевич надел тапочки и тихонько прошел в лоджию, выходящую прямо на восток. Там уже занимался розовый восход.

«Хоть бы тучку, хоть бы дождичек…» — вздохнул Истрин, глядя на безоблачное небо.

Он облокотился на подоконник и, глядя на поднимающийся раскаленный солнечный диск, тихо продекламировал:

Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень
В этот жаркий, безоблачный день!
Все бы легче народу неволю терпеть,
Все бы легче «Дубинушку» петь...[19]

Чьи это были стихи — он не знал. Помнил, что их часто любила читать его покойная мать, а она унаследовала это от своего родителя, деда Романа Андреевича. Хотя фамилия самого деда была вовсе не Истрин: род Истриных шел уже не по материнской, а по отцовской линии.

Мысли вяло цеплялись одна за другую, ни на чем не останавливаясь.

Снова подумал о своих похождениях с Элей.

«Да, заигрался ты, товарищ профессор… Нужно как-то красиво расстаться с этой игрушкой. Отдать ее в другие руки, что ли? Подходящие женихи на кафедре есть. Тот же Женька: скоро кандидатскую защитит, перспектива закрепиться в Европе или Канаде, ни семьи, ни хвостов никаких нет. Надо подумать… Свозить их куда-нибудь, организовать хороший пикничок, потом уложить в постельку, а там ей некуда будет деваться, пусть ищет другого и обещает ему родить наследника… Ох, и вляпался я с этой Элей, будь она трижды неладна! Сказано: старый дурень...»

Он стал вспоминать, как Эльвира попала к нему. Истрину неожиданно предложили возглавить экспериментальную кафедру, но под задуманные программы нужны были гранды, и немалые. Тогда и пошли настойчивые звонки от влиятельных людей с предложением взять на работу опытного менеджера. Конечно, она тоже нуждалась в поддержке нового шефа: защита диссертации, соответствующий научный статус, но все это с лихвой окупалось, учитывая ее навыки «раскрутки» перспективных проектов. И просили за нее вовсе не посторонние люди, а с большим влиянием, к тому же не от себя лично, а от людей, находившихся еще выше рангом.

Эля не вошла, а впорхнула: и в жизнь нового коллектива, возглавляемого Романом Истриным, и в жизнь самого профессора. Она оказалась действительно толковым работником: дела сразу пошли в гору, появились заинтересованные инвесторы, первые гранды. Характера она тоже была открытого, со всеми находила общий язык, словно притягивала к себе некой силой. Попал под нее и сам Истрин, быстро перейдя со своей подчиненной сначала на дружеское, потом на фамильярное общение, а там и...

Понимая, что между ними не может быть ничего серьезного — Роман Андреевич по возрасту годился ей в отцы, — он делал попытки разорвать отношения с Эльвирой не то, чтобы совершенно, а возвратить их в прежнее деловое общение, но странное дело: сам же возвращался к тому, что их теперь крепко связывало, в слезах просил у своей Элечки прощения, вымаливал у нее новой ласки, давая над собой неограниченную власть, и теперь из этой нелепой ситуации не видел выхода.

«Да, нужно обмозговать, попробовать вариант с Женькой, — снова закрутилась мысль. — Не думаю, что он устоит: и как молодой мужик, и вообще… Без моей протекции, помощи ему еще долго в ассистентах мыкаться, а про заграницу вообще можно забыть. Помогу парню, если, конечно, все правильно поймет и сделает. Потом пусть решает сам: строить с Элей серьезные отношения или же сбыть ее кому-нибудь другому».

Надо сказать, Роман Андреевич ко всем своим природным и развитым способностям имел еще одну, которая помогла ему добиться в жизни немалого: он был тонким интриганом. Была ли эта черта его характера врожденной, переданной от кого-то по наследству или же развита им самим с годами — никто не мог сказать определенно, даже родная мать, которая частенько приговаривала, встречая своего сыночка из школы со следами тумаков от ровесников:

— В кого ты такой уродился, Ромка? У нас в роду все мужики как мужики, ты же неизвестно в кого пошел.

И принималась вытирать ему сопли.

В школе по успеваемости он был на хорошем счету, но слыл противным ябедой, подстрекателем, сталкивавшим лбами даже хороших друзей. Став студентом, Рома развил это качество, а с годами превратил в настоящее искусство для достижения личных целей. Поговаривали, что научную идею, давшую старт всей его блестящей, стремительной научной карьере, он ловким способом выманил у близкого друга — одаренного, но неопытного в интригах простого парня из глубокой провинции. Ничего не сумев доказать, тот возвратился в свою глухомань, где с горя и на безденежье быстро «дошел до ручки»: спился.

В голове еще крутились мысли о том, как лучше избавиться от Эли, но их незаметно вытеснили другие, причинявшие Истрину в последнее время не меньше тревоги и внутреннего дискомфорта, чем порочная связь с молоденькой сотрудницей, сковавшей его свободу. Он стал ощущать странное, ничем для себя необъяснимое внутреннее раздвоение, словно в его душе поселился еще один человек. К тому же не чужой, не посторонний, а наоборот: очень близкий, даже родной и вместе с тем совершенно ему незнакомый. Чаще всего его присутствие Истрин ощущал ночью, когда погружался в странные сновидения, больше напоминавшие ему путешествия в прошлое. Словно перевоплощаясь в того незнакомца, Роман Андреевич вдруг начинал видеть себя в далекой эпохе 30-х годов, где его ждали встречи с уже вовсе незнакомыми людьми, среди которых были и священники, и простолюдины, и следователи в одежде и кабинетах, обставленных в духе той эпохи: с портретами Сталина, партийными лозунгами, папками с допросами, донесениями сексотов, рыскавших повсюду в поисках врагов народа…

Для рационального, расчетливого ума, находившего всему логическое объяснение, внутреннее присутствие еще кого-то, к тому же все более настойчивое, навязчивое, больше напоминавшее признаки начинавшегося психического расстройства, вызывало в душе Истрина не только беспокойство, но и страх. Его положение в обществе, авторитет были настолько весомыми, что, расскажи он обо всем, — и сразу поползли бы разные нехорошие слухи, способные подорвать все, чем он гордился. Роман Андреевич панически боялся этого, просыпаясь каждый раз после своих навязчивых снов в разбитом состоянии, опустошенным, нервным, не в силах избавиться от этого наваждения никакими снотворными средствами.

Единственный человек, от которого не укрылось его беспокойство, была Эля: казалось, она не только чувствовала, что с ним происходит, но будто сама подглядывала эти навязчивые сны, вместе с ним окуналась в мистику его расстроенного внутреннего состояния.

— Если хочешь, — как-то сказала она, — я сведу тебя с одним человеком. Правда, сама точно не знаю, чем он занимается, — у него закрытая лаборатория и небольшая частная клиника, — но он наверняка сможет помочь тебе.

— Давай лучше сразу в психушку? Зачем зря время терять? — невесело усмехнулся Истрин. — Там у тебя никого из хороших знакомых нет? В смысле не из пациентов, а из опытных

психиатров или психотерапевтов?

— Милый мой, в наше время связи нужно иметь везде, в том числе и в психушке. Без связей ты пропащий, никому не нужный человечек, букашка, на которую наступили — и нет ее.

Сегодня всю ночь Истрина снова, уже в который раз, преследовала эта навязчивая мистика: толпы людей, храм, свечи, потом городской парк… В том парке он, Роман Андреевич, в странной роли бородатого человека, встречается на пустой аллее с молодым интеллигентным горожанином. Они долго и тихо беседуют… О чем? Истрин не может вспомнить. Помнит лишь, что его собеседник — это кадровый сотрудник советского НКВД, переодетый в штатское офицер…

— Провались все пропадом, гори синим огнем… — Роман Андреевич потер виски, чтобы освободиться от нехорошего состояния.

«Может, в церковь пойти? — подумал он, пытаясь понять пугающие видения. — И что там делать? Рассказать попу? Позора не оберешься…»

Роман Андреевич испытывал полное безразличие к вопросам церковной жизни. Его ум был настолько выверен безупречными логическими рассуждениями и выводами, что все попытки родной бабушки привить ему интерес к христианству, вере во Христа оказались безуспешными. Пока она имела на него некоторое влияние, Рома через «не хочу», со слезами и хныканьем, плелся за ней в церковь, изнемогая от продолжительных служб, не находя в них для себя ничего интересного, понятного, полезного. А едва войдя в самостоятельную жизнь, вовсе забыл дорогу в храм, только крайне редко, после долгих уговоров, уступая просьбам тогда еще живой бабушки сходить туда, он шел, но, опять-таки, без всякой внутренней нужды: лишь бы отвязалась. Молиться он тоже не умел, не чувствуя в молитве никакой нужды и даже смысла.

«Что они просят у Бога? Здоровья? — иронизировал он, наблюдая за молившимися в храме верующими. — Шли бы к врачу. Для чего, спрашивается, врачи, поликлиники, больницы, стационары? Просят счастливой жизни? За нее нужно самим бороться, утверждаться, много всему учиться, трудиться. С неба ничего просто так не упадет, разве что сосулька с крыши…»

Сзади неслышно подошла Эля и обняла Истрина за плечи:

— Что, опять ночные кошмарики?

Тот молча кивнул.

— Может, все от этой проклятой жары? — Эля откинула назад слипшиеся от пота волосы и начала махать на себя красочным рекламным журналом. — Здоровые, молодые люди не выдерживают, а…

— Без тебя знаю, что я давно не молодой и не слишком здоровый, — буркнул Истрин.

— Ну что ты, котик, — она рассмеялась. — Ты хоть мужчина и не первой свежести, это правда, но фору дашь многим добрым молодцам. Да и на здоровье грех жаловаться, есть куда больнее тебя — и ничего, не стонут.

Они замолчали. Истрин знал, что жара тут ни при чем: эти состояния начали посещать его гораздо раньше.

— Эля, — тихо сказал он, — ты в церкви давно была? Давай вместе сходим?

— Куда-куда?! — не сразу ответила Эльвира.

— В церковь. Что тебя так удивило? Многие туда ходят.

— Не удивило, а рассмешило, — расхохоталась она. — Зачем ты туда собрался, котик? Венчаться со мной или исповедаться в грехах? Ну-ка, давай признавайся, ты меня начинаешь пугать по-настоящему. С тобой все в порядке? Головушка не «бо-бо»?

Роман Андреевич обиженно надул губы и отвернулся.

— Напрасно дуешься, — Эля снова стала мирной, — лучше меня тебя никто не поймет. И нигде, даже в церкви, куда ты собрался…

— Но ведь она мне почему-то снится! — Истрин схватил Эльвиру за руку. — Наша, городская! Не такая, как сейчас, а… Не такая. И люди там не такие: печальные, скорбные, плачут о чем-то горько…

— Ну да, сейчас они там радостные, веселые, — махнула рукой Эля. — Зайди в любую церковь, посмотри на лица тех старух, что лоб свой бьют: словно с кладбища возвратились или же на кладбище собрались. Сплошная «радость»! Да что старухи! Глянь на лица остальных: ни улыбки, ни светлого пятнышка. Чего-то себе под нос бормочут, выпрашивают какой-то милости или подачки с неба. Нет, милый, уволь от такого похода: меня туда никогда не тянуло и не потянет.

— А куда тебя вообще тянет, кроме как не в постель? — резко спросил Истрин.

— Не хамите, товарищ профессор! — насмешливо отреагировала та. — По-моему ты мне первый начал строить похотливые глазки, рассказывать сальные шуточки, намекать на свое богатырское мужское достоинство…

— Прости, дорогая, — он погладил Элю и обнял ее, — просто все это уже так достало меня, что я сам не знаю, куда и к кому идти, чтобы мне помогли во всем разобраться, что внутри меня самого творится.

— Я, кажется, сто раз говорила, к кому: это мой хороший знакомый, который занимается проблемами мозга. Понимаешь? Не психики — у тебя с ней более чем нормально, — а мозга. Ведь что такое сон? Организм, тело спит, а мозг бодрствует, что-то бегает в его извилинах. Плюс, конечно, фактор некой мистики, связи с чем-то потусторонним. Хочешь, я расскажу тебе историю, очень похожую на твою? Ну-ка сядь.

Она усадила Истрина на маленький стульчик, а сама удобно примостилась у него на коленях, обняв за шею.

— Со мной в универе училась одна девчонка, Лариской ее звали, Ларкой. Бедная, как церковная мышка. Всегда плохо одевалась, плохо питалась: денег ни на что не хватало. Родители ее, горькие пьянчужки деревенские, сами пропивали все до копейки. А девчонка она была башковитая, да и внешними данными Бог не обидел. Ее бы приодеть, подмарафетить — и девка первый сорт! Всем нам по-человечески было ее жалко, помогали, чем могли…

— К чему эта история? — хмыкнул Истрин. — Хочешь мне предложить вместо себя? Или сразу удочерить?

— Не спеши, сейчас будет самое интересное. Стала ей сниться всякая чушь, вроде как и тебе.

Почти каждую ночь одно и то же, одно и то же: родная деревня, но в каком-то другом, незнакомом ей, времени. Все вокруг нее очень старое, древнее, кругом незнакомые люди. Но среди них есть одна красивая женщина, чем-то очень похожая на саму Ларку. Больше того: стало сниться Лариске, что та тетка — это она сама, Ларка. Потом стала она узнавать в людях, которые ей виделись, своих далеких предков: этот — ее прадед, та — какая-то пра-прабабка, еще одна — пра-прататетка. Короче, перепугалась она не шутку, думала, что у нее, «тихо шифером шурша, крыша едет, не спеша». Ни учеба ей на ум не идет, ни личная жизнь — ничего. Все мысли — только вокруг этих навязчивых снов. Собралась на консультацию к психиатру, но вдруг вспомнила одну деталь: та красивая женщина, бывшая тоже Ларкиной какой-то пра-пра-пра по отцовской линии, настойчиво вела ее в одну и ту же избу, а там — к печке, где усаживала за самовар, а сама начинала рыться в углу за печным выступом. Ларка зовет ее тоже за стол, а та ноль на массу: роется и роется, роется и роется, как крот. И при этом загадочно Лариске улыбается.

— И чем закончилось это романтическое семейное чаепитие? — улыбнулся Роман Андреевич. — Наверное, все же консультацией психиатра или назначением специального лечения в психушке. Не угадал?

— Чем закончилось? А вот чем. Ларка вспомнила, что по рассказам своей покойной бабки они поселились в той деревне, где теперь жили, переехав из другой — соседней, полностью заброшенной. Даже мыши оттуда сбежали. Вместе с бродячими котами и собаками: всем нечего было есть. Лариска мозгами пораскинула, да и мотнулась в тот затерянный мир. Говорит, пошла сама, с собой никого не стала брать, чтобы ее не посчитали за сумасшедшую. А когда пришла на место, то мозг, который ей по ночам не давал покоя, сам безошибочно привел на то самое место, которое часто снилось: в ту самую хату-развалюху. Зашла вовнутрь: там видит и ту печку с выступом и лежанкой. Все, конечно, почти разрушено, в саже, копоти, паутине: избушка, печка, ни окон, ни дверей. Взяла она валявшуюся железяку — то оказался ржавый рогач, каким горшки доставали, — и давай им что было силы долбать земляной пол: за тем выступом, где тетушка в снах зачем-то усердно ковырялась. Долбала-долбала, перемазалась вся по уши, хотела уже все бросить и возвращаться назад, как…

— Наткнулась на клад, — прочитал ее мысль Истрин. — Красивая сказка. Хоть ничего нового, а все равно душевно, особенно в твоем изложении.

— Представь себе! — хлопнула его по спине Эля. — Ржавая железная коробка, типа ларца или маленького сундучка, а в нем — золотишко: монетки, украшеньица разные. От кого, откуда — Ларка особо не стала вникать. Раз ей так открылось — значит, судьба. Она с умом всем распорядилась и…

— И?.. — теперь удивленно взглянул Истрин.

— Помнишь среди моих контактов на фейсбуке[20] есть Ларри Скоффилд из Британии? Я тебе о ней рассказывала: бизнес-леди, совладелец крупной компании по производству детского питания.

— Что-то припоминаю… Она, вроде, тоже финансировала наш проект по одному из грандов.

— Вот-вот! Так эта госпожа — Ларка и есть! Понял, чем обернулись ее ночные похождения и кошмарики? Вот это я понимаю: сон в руку, а не гадание на кофейной гуще или стояние с кислой миной в церкви со свечкой и выпрашивание милости у природы. Не выпрашивать, а брать надо в свои руки то, что подсказывает судьба.

— И что же ты советуешь мне брать? — теперь без всякой иронии спросил Истрин.

— То, что тебе больше всего бросается в тех снах, на чем ты останавливаешь внимание. Ведь наверняка есть такие детали?

— Конечно, есть. Я же рассказывал, что там все невероятно перемешано: наша церковь, какие-то толпы людей, отдельные личности… Муть разная, короче говоря. Хотя…

— Вот-вот! Давай на этом хотя остановимся. Сосредоточься и максимально все вспомни.

Истрин прикрыл глаза.

— Каждый раз, когда я встречаюсь в старом городском парке с тем господином из НКВД, он достает из своего портфеля одну папку и дает мне на подпись какие-то бумаги. Я не знаю, что это за папка, что за бумаги и для чего нужна моя подпись, но я заметил ее номер, код: фонд Р37, опись 1, дело № 8660. Да-да, именно так: фонд Р37, опись 1, дело № 8660. И типографским способом: «Личное дело». Мне даже казалось, что тот офицер специально достает эту папку так, чтобы я увидел ее маркировку.

Он вдруг обхватил Эльвиру и прижался к ней всем телом, задрожав:

— Если бы ты знала, как мне страшно… Эти видения, эти встречи в парке… Потом каждый раз, когда мы там встречаемся, ко мне подбегает страшная бездомная собака: вся в болячках, язвах. Она как будто ждет меня, чтобы…

— Укусить? — засмеялась Эля.

— Хуже, Элечка! Хуже! Чтобы ласкаться, тереться об меня, всего облизывать, скулить… Это так страшно! Я не могу понять, почему она все время лезет ко мне, а не к тому, кто… Боже, как мне страшно!

— Успокойся, уже сам скулишь. Постарайся лучше вспомнить еще что-нибудь, кроме той драной собаки.

— Зайка, я не могу! От нее такой ужасный запах! Она воняет даже не собакой, не псиной… Немытым человеческим телом, как у цыганок или попрошаек, которые обитают на вокзалах и в разных ночлежках… От нее вонь, как… Такое ощущение, что это вообще не собака, а…

— Фу, прекрати сейчас же! — передернуло Элю. — Меня без твоей программы «В мире животных» тошнит!

Профессор проглотил подкативший к горлу комок и, немного успокоившись, продолжил:

— Помню, там есть еще какие-то записи, в том числе на кого личное дело заведено, но вот этого я уже не помню, хоть убей, Элечка…

— Это мы всегда успеем, — задумчиво сказала она. — Так, значит, фонд Р37, опись 1, дело 8660. Уже зацепка. Идем дальше. Говоришь, ваши встречи с тем господином происходят всегда в одном и том же месте — старом городском парке…

— Даже на одной и той же аллее и лавочке, почти в одно и то же время, ближе к вечеру, когда там никого нет.

— А этого парка сейчас тоже нет?

— Давно, Элечка. Я помню, как с мальчишками мы бегали туда шалить, в прятки играть, потому что повсюду росли большие деревья, раскидистые такие, густые, с большими кронами, там было удобно прятаться…

— Погоди-погоди, о своем босоногом детстве ты мне тоже как-нибудь потом расскажешь. Когда его уничтожили?

— Давно, еще в середине 60-х годов. А на его месте построили разные административные здания, потом их соединили в одно и переделали для городского комитета партии, позже отдали в распоряжение административных органов: суд, прокуратура, конторы разные.

— Что там теперь?

— Разная мелочевка: офисы, фирмочки, магазинчики — как обычно, ничего интересного.

— Но хоть что-то старая власть оставила себе? Особнячок все-таки нехилый отгрохали.

— Говорю же: ничего интересного, достойного твоего внимания. Остался там, если не ошибаюсь, госархив, куда свезли уцелевшие бумаги из бывших райкомов, горкомов, прежних государственных органов.

— И ты говоришь: ничего интересного?! — Эля спрыгнула с колен. — Старые архивы — это, по-твоему, ничего интересного?

— Я не пойму, какая связь между…

— Действуем так, — остановила Эля. — Ты сможешь получить доступ, чтобы узнать, есть ли там интересующая нас папка?

— Думаю, получится. У меня есть друзья историки, а они там частенько роются.

— Отлично. Займись этим, не откладывая на завтра или послезавтра.

— Элечка, пожалей старика, такая жара…

— Сегодня же! Не откладывай на завтра! А я все-таки организую тебе встречу с тем специалистом по мозгу. Лишним не будет. Потом попробуем все состыковать. Если найдем связь — найдем и ответ на твои ночные головоломки. Пошли одеваться, пора по делам.

Эля ушла в спальню, оттуда на кухню варить кофе, с которого привыкла начинать день. Истрин остался в лоджии, наслаждаясь повеявшим с запада ветерком. Он задумался над тем, что рассказала Эля, на чем настаивала.

— Что же, попробуем, — тихо сказал Роман Андреевич и так же тихо снова стал декламировать строчки из любимого стихотворения своей родительницы:

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз…

Покатилися слезы из глаз.

Истомилася грудь. Лямка режет плечо.

Надо «ухать» еще и еще!

От Самары до Рыбинска песня одна;

Не на радость она создана:

В ней звучит и тоска — похоронный напев,

И бессильный, страдальческий гнев.

Это — праведный гнев на злодейку-судьбу,

Что вступила с народом в борьбу

И велела ему под ярмом, за гроши,

Добывать для других барыши…

Отец Дмитрий

Отец Алексей зашел в дом своего брата, отца Дмитрия, и нашел его лежащим под двумя толстыми шерстяными одеялами. Всплеснув руками, он в ужасе воскликнул:

— Братец, я сейчас упаду в обморок! Люди от жары сбрасывают с себя все, до нижнего белья, везде ищут уголок прохлады, а ты напялил столько шерсти! Тебе не холодно?

— Я бы еще что-нибудь натянул, лишь бы избавиться от озноба. Третий день трясет… — из-под одеяла подал голос отец Дмитрий.

— А что же не сказали? — он обратился теперь к жене брата, матушке Ксении. — Телефона, что ли, нет? Может, нужно к врачам обратиться или даже на дом их вызвать?

— Справимся с этой хворью без всяких врачей: с Божьей помощью и проверенными народными средствами, — бодро ответила матушка. — Как будто первый раз у него простуда или он сильно бережет свое здоровье. Гоняет на машине с открытым окном, как юноша, — вот и результат; да еще под ливень угодил, промок до нитки.

— Оксаночка, да этот ливень теплее душа был, какая от него может быть простуда? — отец Дмитрий встал, здороваясь с братом.

— Какая? А вот такая, с которой мы теперь лежим. Спасибо родственникам, что не забывают: намедни малинового варенья передали, сушки разной, сала…

— Сала? Настоящего, украинского? — потер руки отец Алексей.

— А какое оно еще может быть у нас на Полтавщине? Немецкое, что ли?

— Зачем немецкое? Китайское, например. В любой супермаркет зайди — на полках одни китайские продукты: крупы, масло, грибы, консервы…

— Пусть берут, кому хочется. А у нас свое, натуральное. Слава Богу, землица наша за труд добром отвечает, родит каждый год, родственники и нам подбрасывают, а то с этими политиками теперь все так быстро меняется, что и не знаешь, чем тебя «порадует» завтра. Жили мирно, без всякой вражды. Чего не хватало? Земли? Так все туда сойдем, ляжем, ничего с собой не прихватим: ни славы, ни богатства, ни званий. Господи, образумь нас и помилуй!

Матушка Ксения, Оксана, была коренной украинкой с Полтавы. Со своим будущим супругом, отцом Дмитрием, познакомилась, когда вместе учились в Киеве: она — на регента, а молодой семинарист Дмитрий Авдеев — на приходского батюшку. К тому времени открытые гонения коммунистов на Церковь ушли в историю, началось бурное возрождение заброшенных, уничтоженных храмов, монастырей, широкая просветительская работа на духовной ниве, что сразу востребовало пополнение рядов священников: грамотных, подготовленных, способных вести работу с людьми в новых условиях. Там, в Киеве, и свел Господь судьбы простого русского парня, наследника целой династии священников, и такую же простую, работящую, скромную украинскую девушку Оксану. На родине невесты — Полтавщине — их повенчали, благословив молодую семью, а служить поехали в родной город отца Дмитрия, где было немало пустующих приходов.

Семья получилась очень крепкой, дружной, благочестивой. Бог послал супругам детишек — двух мальчиков-погодков, которые мало-помалу стали надежной подмогой отцу во время служения в храме.

Личная же жизнь брата батюшки, отца Алексия, не сложилась удачно. Его супруга, в прошлом соседка и одноклассница, поняла, что матушка — это не ее призвание, и, собрав в чемоданчик личные вещицы, быстро упорхнула, оставив на попечение супругу дочку и сына, лишь изредка наведываясь к ним в гости да задабривая родных чад коробками конфет, пирожными и разными безделушками.

Отец Алексей безропотно принял этот удар судьбы, кротко отвечая словами премудрого Пророка на намеки от некоторых мирян тихо наладить новую семейную жизнь:

«Камо пойду от Духа Твоего? И от лица Твоего камо бежу? Аще взыду на небо — Ты тамо еси, аще сниду во ад — тамо еси. Аще возму криле мои рано и вселюся в последних моря — и тамо бо рука Твоя наставит мя и удержит мя десница Твоя…»[21]

Благочестие, заложенное с малых лет, не позволяло ему перешагнуть через незыблемые церковные каноны и совесть священника. Он оставался безбрачным, и никто не мог бросить на него тень подозрения в связях, порочащих пастырскую честь.

Оба они — и отец Дмитрий, и отец Алексей — были сыновьями протоиерея Александра Авдеева, доживавшего свой век в глубокой старости, болезнях и немощах, несших на себе следы нелегких жизненных испытаний. Овдовев, перенеся три обширных инсульта, он оказался в инвалидной коляске, лишившись возможности не только самостоятельно ходить, ухаживать за собой, но даже разговаривать. Поэтому жил под опекой младшего сына Алексея и двух внуков в их доме.

Старший же брат отца Александра, отец Сергий, уже давно отошел ко Господу, оставив у многочисленных горожан самую теплую и благодарную память — как ревностный служитель Матери-Церкви и истинный пастырь Божий.

Сыновей, способных продолжить святое дело своего родителя и династию священнического рода Авдеевых, у покойного отца Сергия не было, но все три дочки стали матушками, о которых никто, из знавших их, не мог сказать никакого худого слова.

— Ксюша права: не бережешь ты свое здоровье, братец, — отец Алексей присел рядом.

— Лучше бы свое поберег, — простуженным голосом ответил отец Дмитрий, беря с тумбочки таблетки и стакан воды. — Тем более что кроме тебя за детьми присматривать некому. Ради

них бы поберегся.

— Вот здесь ты прав, брат. Нужно было тебя послушать и ехать учиться в Киев: глядишь, и я бы нашел себе такую же заботливую матушку, а не… Прости, Господи, что снова осуждаю.

— Ишь чего захотел! Думаешь, в Киеве такие невесты на каждом шагу ждут? Они и там нарасхват. Тут, брат, фактор удачи большую роль играет. Плюс настойчивость, решимость. А ты не из турнирных бойцов, нет. Ленка тебя в школе за нос чуть не с первого класса водила, на других девчонок ты боялся даже взглянуть. А я свою матушку добивался, завоевывал ее строптивое сердечко, можно сказать, с боем. Крепость была неприступная, но в конце-концов не выдержала осады, сдалась на милость победителю. Да, родненькая?

— Это тебе так кажется, батюшка, — парировала та, не отрываясь отдел в комнате. — Турнирный боец нашелся… Казак удалой… Лучше скажи: таблетки принял? Чай с малиной, что я тебе поставила, выпил? Ингаляцию на травах, что настояла, сделал?

Отец Алексей рассмеялся, а отец Дмитрий, услышав строгий голос матушки, быстро полез с головой под одеяло:

— Ой-ой, сдаюсь на милость победителю! Сейчас все сделаю, сейчас!

И шепотом попросил брата:

— Подай мне со стола малину и кастрюльку с отваром, не то придется вызывать на подмогу армейский спецназ, сами не справимся.

Сделав все, на чем настаивала матушка, отец Дмитрий снова сел рядом с братом, вытираясь от бежавшего градом пота.

— Ну как, легче хоть малость? — помог ему вытереться отец Алексей.

— Сам попробуй — и узнаешь.

— Нет уж, благодарю почтенно, я лучше отведаю вот это…

И он налил себе стакан прохладного узвара[22], сваренного матушкой по старому украинскому рецепту.

— Нет, правда: чего я не женился на украинке? — отец Алексей выпил до дна и налил еще. — Ради одного такого узвара женился бы. Не узвар, а нектар! Об украинском сале вообще молчу…

— Это правильно: лучше вообще молчи, — поддержал брата отец Дмитрий. — Молчание — великая добродетель. Тебе только об украинке мечтать…

— Да я же не про украинку, а про узвар, — рассмеялся отец Алексей.

— Понятно… В таком случае узвар для тебя в нашем доме всегда есть. Сало тоже. Узвар на кухне, сало в холодильнике. Там же, кстати, натуральный украинский борщ, вареники, галушки… Угощайся.

Они помолчали.

— Не знаю, как тебе сказать… — отец Дмитрий стал задумчивым.

— Что? — встревожился брат. — Проблемы со здоровьем?

Тот махнул рукой:

— Как будто поговорить больше не о чем. Нормально со здоровьем, нормально. Болячки разные — тоже нормально, все живое чем-то болеет, не только люди. Я о другом…

— Говори, я все-таки родной брат, а не дядька с улицы.

— Потому и хочу поговорить с тобой, как с родным братом. Успокойся, ничего страшного. В последнее время мне как-то странно вспоминается наш покойный дед. Отец рассказывал, что его сгноили в ссылке по какому-то доносу.

— Помню, конечно. В смысле не деда помню, а рассказы нашего отца о нем. Настоящий мученик, страдалец был, Царство ему Небесное. В нашем соборе долго служил, при нем его закрывали. Только как ты его можешь вспоминать, когда нас с тобой в те годы еще и в проекте не было? Может, просто думаешь о нем, о его нелегкой жизни?

— Нет-нет, брат: вспоминается он мне так ясно, будто я знал его лично… Меня не покидает странное чувство, словно мы с ним надолго расстались, потом снова встретились, и теперь нам есть о чем друг другу рассказать, особенно деду.

Отец Алексей пожал плечами:

— И о чем вы беседуете? Вернее, что он тебе рассказывает?

— Я не могу это точно сформулировать. Иногда это бывает в полусне, иногда в храме, когда я вынимаю частички за упокой… По-всякому. Мне кажется, что дед хочет о чем-то предупредить… Или чему-то наставить… Со мной такого раньше никогда не было.

— А с твоим здоровьем это никак не может быть связано? Только без обид, — обнял его по-братски отец Алексей.

— Ты что, думаешь, я того?..

И отец Дмитрий покрутил указательным пальцем возле виска.

— Я же сказал: без обид. Перегрузки, напряжение, нервотрепки… Плюс твои бесконечные простуды, температура…

— Да успокойся, с головой пока, слава Богу, все нормально. Это состояние у меня не вчера и не с прошлой недели. Раньше. Не могу сказать, что оно вызывает какую-то тревогу или страх — нет. Скорее, чувство трепета, когда встречаешься с чем-то неизведанным, высшим.

Они помолчали еще.

— Мне, брат, трудно что-либо сказать… Я лично ничего подобного не испытывал и не переживал. Если это признаки сонного состояния, то ведь сам знаешь, что доверяться снам — все равно, что гнаться за собственной тенью и пытаться поймать ее. Если же это признаки расстройства — нервного или еще какого, — то…

— Говорю же, что психически я вполне здоров, а все происходящее и для меня самого непонятно. Вот скажи, тебе, например, фамилия Рачинский ни о чем не говорит? Павел Рачинский.

— Ровным счетом ни о чем и ни о ком, — пожал плечами отец Алексей. — Разве что в армии со мной служил земляк с такой фамилией, но того Иваном звали, наводчиком танка был.

— Нет-нет, именно Рачинский Павел. И не танкист, а…

Он замолчал, что-то вспоминая.

— Артиллерист? — усмехнулся отец Алексей. — Там тоже свои наводчики есть.

— И не артиллерист, — задумчиво сказал отец Дмитрий. — Тот Рачинский, о котором мне рассказывает покойный дед, Павел Рачинский, он то ли следователь НКВД, то ли какой-то опер тех лет… Скажу больше: мне иногда кажется, что я чувствую и его странное присутствие, словно вижу духом.

Отец Алексей стал серьезным:

— А вот это, брат, уже похоже на диагноз и действительно настораживает.

— Да погоди ты! — остановил его брат. — Скоро будешь похож на мою матушку. Только чхну, кашляну — сразу: «Ой, воспаление легких!» Только где-то кольнет — немедленно гонит меня по всем врачебным кабинетам. Я ведь с тобой делюсь, как с братом. Был бы наш батя в состоянии поговорить — ему бы открылся. Ты уж прости…

— Это ты меня прости, брат. Как-то странно мне все это, вот и насторожился. Так что тот Рачинский? Почему ты его вспомнил? Или он о себе напомнил?

— Мне почему-то кажется, что он имеет прямое отношение к судьбе нашего деда: его аресту, допросам, ссылке… Отец вообще был немногословен на эту тему, но, помнится, рассказывал, как он, будучи подростком, ходил с мамой добиваться свидания с арестованным дедом, как они передавали ему теплые вещи и… кажется, речь шла о молоке… То ли дед нуждался, то ли кто-то из тех, кого вместе с ним арестовали за религиозную — вернее, антисоветскую — пропаганду. Тогда ведь все, кто заикнулся о Боге, попадал в разряд врагов советской власти, им «шили» любой бред: от распространения враждебных слухов до обвинений в шпионаже и подготовке покушений.

— Деду нашему тоже «пришили» 58-ю статью, у отца даже сохранилась справка о посмертной реабилитации, — согласился отец Алексей. — Я удивляюсь, как его не расстреляли, а сослали на север… Хотя большой разницы не было, от чего принимать смерть: от пули или от холода, голода, болезней и унижений… Одним словом: мученики Христовы.

— Странно, — продолжал отец Дмитрий, — но я словно воочию вижу того человека, по фамилии Рачинский, сидящим в своем кабинете. Вижу стол, покрытый зеленым сукном, над ним портрет Сталина, еще один напротив, но какого-то другого вождя… Папки, выложенные из сейфа… На них — фамилии, цифры, что-то красным карандашом подчеркнуто…

Он потер виски, вспоминая еще какие-то детали.

— Камеру вижу… Похоже, что тут раньше был монастырь: длинный коридор, по обе стороны — двери, двери, двери… В самой камере низкий потолок, ободранные кирпичные стены, сколоченные нары, на них — люди, много людей… Лежат, сидят на корточках, некоторые прижались спина к спине, чтобы согреться… Вижу уголовников, интеллигентных людей, молодых, старых… Грязно, жуткая антисанитария, в углу — ведро параши… Знаю, что тут есть человек, очень близкий нашему деду. А кто — не могу понять. Почему-то он ассоциируется с

молоком. Может, молочником был? Коров держал, продавал молоко?.. Ничего не могу понять, чтобы связать в одну цепочку.

— Вот это мне уже знакомо, — оживился отец Алексей. — По себе знаю: когда о каком-то продукте начинаешь навязчиво думать, или же он тебе представляется, — верный знак: именно его витаминов не хватает организму. Не так давно, например, стал крутиться в моей голове…

— Погоди, — остановил его брат. — Ты не хочешь меня понять. Или не веришь, о чем я рассказываю. Продукт, нехватка витаминов тут ни при чем. Здесь что-то другое. Я странным образом чувствую внутреннее состояние нашего деда в тот период. Мы ведь не можем заглянуть в души людей, идущих на смерть за Христа и веру. Из разных житий и воспоминаний знаем лишь то, что они шли на смерть решительно, без малейших колебаний, многие даже с радостью. Прикоснуться к тайне внутреннего мира этих мужественных людей нам не дано — она принадлежит Богу. А тут…

Он перекрестился.

— А тут я словно сам пережил это состояние, поняв, что Сам Господь невидимо укрепляет тех, кто ради Него готов принять любые страдания. Ты же помнишь, у нас сохранилась дедова Псалтирь, которая ему передана по наследству. Сколько поколений не просто читали, а жили этой великой книгой, ее слогом! Отец вспоминал, что Псалтирь для деда была ежедневным насущным чтением, а духовной пищей. От чего угодно он мог отказаться, только не от Псалтири. И тут я внутренним состоянием деда первый раз прочитал: «Десница Господня вознесе мя, десница Господня сотвори силу. Не умру, но жив буду, и повем дела Господня. Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. Отверзите мне врата правды, вшед в ня исповемся Господеви. Сия врата Господня, праведнии внидут в ня…»[23] Ты понимаешь? Дед не читал, а твердо знал, что идет во врата Правды, что Господь не предаст его смерти в нашем тварном понимании. Поэтому ничего не боялся: ни камеры, ни следователя, ни приговора, ни концлагеря, ни самой смерти — ничего! И теперь хочет открыть мне «дела Господня». Не могу поднять, осилить эту тайну…

— Наверное, по-настоящему еще не пришло время, — задумавшись над рассказом брата, сказал отец Алексей. — Ведь всему свое время, так? Раз ты прикоснулся к этой тайне, которая не дает покоя, — придет время, когда она откроется без разных намеков и символов, вроде того молока. Будем молиться, чтобы Господь дал силы и разума.

Пока братья тихо беседовали, матушка Ксения накрыла на кухне, позвав всех за стол.

— Вот тебе плоды твоих мечтаний, — улыбнулся отец Дмитрий. — И украинское сальце, и украинский чесночок, и борщец по полтавскому рецепту, и вареники. И узвар.

— Украинской горилки не хватает, — улыбнулся отец Алексей.

— Ой, совсем забыла! — засуетилась матушка еще больше. — И это «лекарство» нам успели передать для здоровья и бодрости. По чуть-чуть никогда не повредит.

— Матушка, не беспокойся, дорогая! — остановил ее отец Алексей. — Я за рулем, да и печень в последнее время шалит. Воздержусь не только от горилки, но и от сала.

Пообедав, братья снова удалились в спальню и продолжили беседу.

— Жаль, что дед ушел из жизни так рано, — задумчиво сказал отец Дмитрий. — Глядишь — и

нас бы, своих внуков, дождался. Я бы очень хотел встретиться с ним. Иногда возникает столько вопросов, что не хватает ни собственного опыта, ни ума, чтобы на все ответить.

— Я тоже хотел бы увидеть нашего деда, и хотел бы, чтобы увидел все, что сейчас творится. Люди подходят, спрашивают, как быть, как молиться, за кого молиться, — а у меня ответов нет. Мне кажется, если бы дед наш покойный поднялся из могилы и увидел все своими глазами, то пришел бы в ужас. Тогда как-то все понятнее было: кто с кем воюет, за какую идею, во имя чего идет на смерть… Красные — белые, безбожники — верующие: все понятно.

Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землей.
Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней![24]

И все остальное, что касается того времени, тоже, вроде, понятно. Архипелаг ГУЛаг, «враги народа»: страшно, дико, больно, но понятно. Гитлер и Сталин, фашизм и коммунизм, миллионы жертв советских людей — и это понятно, хотя тоже больно. А как объяснить, за какую идею гибнут люди в наше время? Откуда в наше мирное и благополучное время появилось столько «горячих точек»? Там ведь сражаются и идут на смерть вовсе не за веру и не за свою родную землю? Да такого не было, наверное, со времен преподобного Сергия, когда брат на брата, князь на князя шел, как на заклятого врага!

— Это хорошо, что тебе многое из прошлого понятно, как Божий день, — задумчиво сказал отец Дмитрий. — Мне же — не все, особенно когда начинаю думать о нашем деде и таких, как он, кто не отрекся от веры, не пошел на сделку с совестью, не испугался шантажа, угроз, арестов. Например, до сих пор не могу понять, каким образом одни крещеные люди могли объявить «красный» террор другим — крещеным в той же церковной благодати? Как могла произойти метаморфоза, что вчера ты был чадом Матери-Церкви, а сегодня за ведро бражки, под гармошку, под частушки пошел срывать кресты с куполов, рубить топором и жечь святые иконы, вытаскивать за бороду тех, кто тебя крестил, благословлял, молился за спасение твоей души?

— Многие считают все это делом рук масонов, хотя спроси их, кто такие масоны, — ничего толком не расскажут.

— Конечно, масоны! — воскликнул отец Дмитрий. — Кто же еще? Мы ведь всегда святыми были и такими до сих пор себя считаем. Других-то легче обвинить, чем себя. Зачем признавать, что Господь попустил нам сполна вкусить то, к чему давно была готова русская душа: разменять Христа на бутылку водки. Масоны… Не было бы масонов — обвинили бы негров или вообще инопланетян. А деда нашего допрашивал наш по крови, по крещению. Наш! И «настучал» на него в органы НКВД тоже кто-то из очень близких деду людей. Он сдал его, написав кучу доносов.

— Ты так говоришь, как будто… — удивленно посмотрел на брата отец Алексей.

— Не как будто, а точно знаю! Каким-то внутренним чутьем, которое меня сводит с покойным дедом, ощущаю дух того времени, его атмосферу, чувствую рядом тех людей, которые вершили судьбу деда. Как бы мне хотелось встретиться с теми палачами, следователями, извергами лично! Нет, не для того, чтобы отомстить или высказать все, что наболело: хочу посмотреть им в глаза. Историю вспять не повернуть и дорогих нам людей не воскресить. Но встретиться с личностями той эпохи я бы желал… Мне судьба деда не дает покоя. Ничего о нем не знаю, кроме воспоминаний отца, а он рассказывал, не вдаваясь в детали ареста. Жаль… Может,

удастся получить доступ к архивам?

— Вряд ли, — усомнился брат. — Многие из них до сих пор закрыты для свободного доступа. Получил справку о реабилитации — и хватит. Власть восстановила историческую справедливость в отношении всех незаконно репрессированных, а что нас ждет в будущем — Господь знает. Может, еще более страшные репрессии и гонения за веру…

— А мое мнение хочешь знать? — спросил отец Дмитрий. — Ко мне ведь тоже с разными вопросами подходят. Влипнут в экран телевизора, насмотрятся разных новостей, наслушаются, а потом голова пухнет разными страхами: одним антихрист мерещится, другому конец света видится, третий нору поглубже ищет, куда бы от всего этого спрятаться…

Отец Алексей вопросительно посмотрел на брата.

— Я даю один-единственный совет. Вернее, два. Первый: выключите все, что промывает ваши мозги разными новостями, — телевидение, радио, Интернет, не смейте читать газетных публикаций. Ничего! Выключите новости, но включите душу, сердце. И второе: призываю не обсуждать всевозможные политические новости, не мнить себя полководцами, стратегами, великими знатоками политических интриг. Нужно заставить себя молиться.

Как только зачесался язык «перетереть» последние новости — сразу за молитву. Псалтирь, любое душеполезное чтение, но не чесание языком: кто прав, кто виноват, кого безжалостно сметать, а кому кричать «ура». Кто я, когда Господь долготерпит все народы? Кто я, чтобы желать кому-то погибели, страданий, боли, когда Господь пострадал за всех нас? Молиться нужно, а не судить и не умничать обо всем, что творится в мире! Умников хватает и без нас. Господь ждет от человека «сердце сокрушенно и смиренно»[25]. Молитвы ждет Господь! К тому же молитвы не теплохладной — дескать, мы люди маленькие, повлиять на ситуацию не можем. Можем! Молитва праведника может переставить горы, свернуть их.

Но нужна такая молитва, чтобы она рвалась из глубины души, и не только в храме, а всякий раз, когда в душе проснется боль за тех, кем готовы пожертвовать разные безумцы ради своих же безумных идей. Я объясняю всем, кто приходит ко мне с недоумениями и страхами, что нужно не просто встать у Креста, зажечь свечку и отойти в сторонку с чувством исполненного долга, а самому взойти на Крест и там вылить свою скорбь, боль за тех, кто сегодня страдает. Нужна молитва, которая жгла бы душу, возносилась огнем к небу, отсекала всякое желание совать нос не в свое дело, не давала бы покоя ни днем, ни ночью и разрывала сердце от сострадания страждущим. Нужно молиться так пламенно, как молились Богу вавилонские отроки. Они ведь не роптали на свои мучения, никого не судили, но исповедовались пред Господом, вымаливая грех отступивших от Бога отцов: «Праведен еси о всех, яже сотворил еси нам… Яко согрешихом и беззаконновахом… И ныне несть нам отверзти уст…не предаждь убо нас до конца… И не остави милости Твоея от нас, Авраама ради возлюбленнаго от Тебе…»[26] Кричать в небо вместе с праведным Давидом: «Востани, векую спиши, Господи!»[27]

— Думаешь, теперь люди способны на такую дерзновенную молитву? — усмехнулся отец Алексей.

— Думаю, способны, если в сердце есть хотя бы искорка живой веры. Нужно заглянуть в свою душу, ужаснуться от ее мертвенности, двуличности, продажности, боязливости, затхлости, пробудить ее, постараться понять, что чаша гнева Господнего проливается не просто так: якобы Богу хочется посмотреть на наши страдания. Нет! Мы сами, своим лицемерием, своей бездушностью накликаем беды, от которых потом сами же ужасаемся, приходим в трепет и всюду во всех начинаем искать виновных, когда искать никого не нужно: это мы сами. В самих

нас — начало и конец тех бед, которые ужасают. Такой вот науке, брат, я учу своих людей. Некоторым не нравится, они начинают осуждать уже и меня. Пусть судят. Я знаю, что если тоже начну делить людей на «своих» и «чужих», то зайду в тот душевный, моральный, нравственный тупик, из которого уже многие не видят выхода. Христос не выбирал, кто для Него «свой», кто «чужой». Он видел, как гнали праведников и как погибали грешники, поэтому Сам страдал и шел на Крест за всех. Если не поймем это — так и будем страдать от собственного бессилия.

Отец Дмитрий вздохнул.

— Еще я им постоянно напоминаю, что христиане не имеют права никого осуждать: ни тех, кого они считают своими, ни тех, кто видится нам врагами, достойными презрения и уничтожения. Иначе сольемся с теми, кто считает осуждение и унижение врага достойным делом. «Удержи язык твой от зла, и устне твои, еже не глаголати льсти. Уклонися от зла и сотвори благо. Взыщи мира, и пожени и»[28], — вот что я постоянно напоминаю людям, чтобы они не наполняли свои без того больные души злом и «благородной», как некоторым кажется, жаждой мести. Эти порывы — вовсе не удел христианской души.

Вздохнул и отец Алексей.

— Признаюсь тебе, брат: мне почему-то всегда казалось, что Церковь дала ответы на все нравственные вопросы. Живи церковной жизнью, ходи в храм, участвуй в благодатных Таинствах, приноси покаяние, духовно развивайся, совершенствуйся… Что непонятного? Осталось только исполнить то, чему учит Церковь, святые отцы. А сейчас убеждаюсь: есть еще вопросы, которые требуют нашего осмысления.

— И всегда будут, — поддержал его отец Дмитрий, — а нам нужно быть готовыми: и к вызовам времени, и к их церковному осмыслению. Ведь Церковь — это не застывшая догма, а целостный живой организм, которому нужно выразить себя на каждом новом этапе развития общества. Даже невооруженным глазом видно, как оно становится, с одной стороны, все более циничным, жестоким, безжалостным, но с другой — еще более хрупким, ранимым, беззащитным, уязвимым. Беззащитным перед нарастающей агрессией сил всеобщего зла.

— Хорошо, брат, — задумчиво остановил его отец Алексей. — А как же быть Церкви? Она не может, не имеет права стоять в стороне и безучастно наблюдать за беззаконием, если оно происходит на ее глазах. В основании Церкви — Сам Христос, а не чей-то президент или выдающийся политик.

— Что делать? Прежде всего, не втягиваться в эту самую политику, не давать себя туда втягивать, с собою заигрывать. Иначе Церковь перестанет быть Церковью в ее возвышенном призвании Христом, а превратится в комфортное для власти ОГПУ, священники же и вся церковная иерархия — в начальников политотделов на местах, политруков, комиссаров в рясах, агитаторов и пропагандистов «святого» курса той или иной власти. В истории Церкви такое уже случалось и всегда заканчивалось скорбно.

Призыв Церкви к покаянию незыблем во все времена, при всех политических недоразумениях и даже конфликтах. Призыв же к святости — главное кредо ее земной миссии. Это очень трудная миссия, но она выполнима, потому что ее выполнил Христос, показав Своим личным примером, что значит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»[29]. Если мы начнем искать некий свой путь, то незаметно для себя же превратимся в озверевшую толпу, которая будет кричать, как кричали Пилату: «Распни, распни Его!»[30] Будем не рыдать, не содрогаться, а радоваться, глядя на страдания тех, против кого нас

настроили. Разве не понятно, что любые общественные потрясения выворачивают души людей, показывают каждому, что там, внутри каждого из нас, и кто мы вообще перед Богом с нашим «липовым» благочестием и «возмущенным разумом»? Святой Пророк просил Бога, умолял Его: «Искуси мя, Боже, и увеждь сердце мое, истяжи мя, и разумей стези моя: и виждь, аще путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен»[31], а нас, грешных, Господь испытывает Сам, чтобы понять, чего мы стоим и какой участи заслуживаем, когда предстанем перед Его праведным судом.

Они еще поговорили о наболевшем.

— Со здоровьем все-таки не шути, — сказал отец Алексей, прощаясь с братом. — Могу тебе помочь встретиться с одним врачом, которого мне настоятельно рекомендуют. Я и сам не знал, что специалисты такого уровня есть в нашем городе. У него частная практика, попасть можно только по проверенному знакомству.

— Как же ты попал в число таких «проверенных» и доверенных? — усмехнулся отец Дмитрий.

— Я еще никак не попал. Но среди моих прихожанок недавно появилась молодая женщина: очень добрая и отзывчивая. Таких сейчас мало. Точно не могу сказать, где работает, но мне помогла закончить роспись, обещает купить целый комплект колоколов. Можешь представить, какая это сумма. Она-то рекомендует мне того специалиста. Будет нужда — сведу, пусть глянет, проконсультирует.

— У меня, брат, свой «консультант» всегда под боком: родненькая Оксаночка. И средства, которыми она меня потчует, тоже эффективные. Оклемаемся, послужим еще аще Богу будет угодно недостоинство наше…

Михаил

Вообще-то по паспорту его звали не Михаил, а Марат: на этом имени своему сыну-первенцу настоял отец. Михаилом стал гораздо позже, в Крещении. А в кругу самых близких своих единомышленников он слыл «монахом Михаилом». Кто его посвятил в монашество и посвятил ли на самом деле — толком никто не знал, в том числе и сам Михаил. Он жил в созданном им иллюзорном мире — иллюзорном настолько, что даже он сам не мог провести четкую грань между тем, кем был в реальности, и тем, кем себя представлял, начитавшись уйму книжек из разных областей знаний.

Высокий, поджарый, с темной густой бородкой и затянутым сзади хвостиком таких же смоляных немного курчавых волос, Михаил даже внешне стремился подчеркнуть собственную исключительность, некоторыми эпатажными манерами смущая многих прихожан. Его движения, стояние в храме на службах, поклоны, общение с людьми напоминало в нем не живого человека, а механического робота: тяжелого, неуклюжего, нерасторопного. Осенял он себя крестным знамением тоже по-особенному, словно поднимал пудовые гири, — и только тогда, когда ему подсказывал «дух». По этой же подсказке, а не по уставу Церкви, он клал земные поклоны и делал еще много чего такого, что одним казалось каким-то чудачеством, другим — проявлением психического расстройства, третьим — вершиной христианского благочестия, свидетельством состояния бесстрастия, которого якобы достиг этот «подвижник». Между прочим, к врачам его все же водили и показывали, но те не нашли ничего серьезного для него самого и опасного для других.

— Это его образ жизни, — констатировали специалисты. — Лично его он устраивает, ему в нем вполне комфортно, а если ломать через колено, то можно нанести серьезные психические и

психологические травмы. Тогда проблем не избежать.

Кто знал Михаила близко, не удивлялся, что он пришел именно к такому странному образу жизни. Вырос он под опекой очень религиозной, близкой к настоящему фанатизму, матери, мечтавшей видеть единственного сына только священником — и никем больше. Отца он почти не видел: тот подолгу отсутствовал дома, уезжая с бригадой очень далеко за «длинным рублем», но, пока возвращался, успевал пропивать все до копейки, оставляя семью «на бобах».

Наверное, у Михаила была своя детская, потом и юношеская мечта, но влияние матери, стиль ее воспитания вытеснили все, что могло бы сыну помочь разумно реализовать себя. Тяга юноши к знаниям незаметно переросла в настоящую книжную всеядность, а та, в свою очередь, в неудержимое всезнайство. Не имея глубоких фундаментальных знаний в чем-то одном, при отсутствии дисциплины ума, контроля за его развитием, юноша ринулся с головой во все сразу, пичкая себя весьма поверхностными сведениями из истории разных народов и экзотических философско-мистических учений, астрономии и металлургии, древних языков и животноводства, высшей математики и боевой подготовки войск спецназа, традиционной и нетрадиционной медицины, а также еще многого чего, что не имело между собой ни логической связи, ни последовательности, ни просто нужды.

Возможно, эта неукротимая тяга к знаниям нашла бы определенный выход, закрепилась и оформилась на чем-то более-менее конкретном, если бы не упрямство, питавшее свои силы в глубинах тайной гордости души самого Михаила. По причине этой внутренней болезни он нигде не мог задержаться, в том числе и в семинарии, где, казалось, имел неплохую возможность упорядочить уже накопленные знания и обогатить себя новыми, которые необходимы будущему пастырю. Его отчислили. Скитания по монастырям, проба себя на разных послушаниях тоже ничего не дали. Самоуверенность Михаила, его неуступчивость, претензии на всезнайство, желание не только отстаивать, но и навязывать другим свое мнение неизбежно вступали в конфликт с тем, на чем была основана монастырская жизнь: смиренномудрии, послушании, безоговорочном подчинении старшим и других добродетелях. Побыв немного в одном месте, он переезжал на другое, но и там не задерживался, — и так без конца, пока окончательно не осел у себя дома возле матери, вымаливающей у Господа милости своему непостижимому для других чаду. К сорока годам он не имел ничего, что имеет нормально развивающийся мужчина: ни определенного занятия, ни профессии, ни семьи, ни обязательств. Перебивался случайными заработками в качестве подсобника «на подхвате», в основном же жил на скромную пенсию матери да на тех скудных копейках, что оставались от заработков отца.

Друзей у него тоже не было: разве что несколько таких же странных личностей, собиравшихся после службы в церкви, чтобы о чем-то пошептаться да поделиться привезенными из разных поездок брошюрками. Михаил был лидером этой компании: к его мнению прислушивались, с ним о чем-то постоянно советовались, знакомились с его трудами, которые он сам считал «философско-историческими».

Выраженная внешняя религиозность сочеталась в нем с невообразимыми внутренними исканиями и мечтаниями. Большую часть времени он посвящал «научному» писательскому творчеству, изводя на него горы бумаги, много сил и умственной энергии. После безуспешных попыток найти понимание и поддержку среди серьезных ученых, посчитавших его «опусы» настоящим бредом, Михаил еще больше зарылся в свои изыскания, будучи твердо уверенным в правоте и безошибочности сделанных им «открытий».

В таком неудержимом состоянии метущегося духа и ума он заметил среди прихожан молодую женщину, почти свою ровесницу, скромно стоявшую неподалеку. Люди, давно знавшие

Михаила, уходили от близкого общения с ним, не выдерживая его навязчивых советов, поэтому Михаил сам подходил к тем, кто впервые появлялся в храме, где служил отец Алексей, предлагая себя в качестве человека, сведущего в духовных вопросах.

— Зовите меня просто Ева, — предложила женщина, приятно улыбнувшись Михаилу, когда тот подошел к ней и в привычной для него манере завязал разговор: вперившись в собеседника немигающим стеклянным взглядом, широко расставив ноги, он обставлял свою речь немыслимо заумными оборотами, малопонятными словами и терминами. — Я и не думала, что встречу здесь такого интересного собеседника. Мне почему-то казалось, что в церковь в большинстве своем ходят люди скучные, серые, зацикленные, замкнутые, даже злобные.

Эти слова сразу вдохновили Мишу: он расправил плечи, еще шире раздвинул ноги и, неуклюже переминаясь, улыбнулся в бородку, растерянно ответив:

— Все по милости Божьей…

«По милости Божьей» — это была любимая фраза ко всему, что касалось его лично, хотя внутренне он ждал, чтобы его поведение, взгляды все же были замечены со стороны. Не то, чтобы вызывали горячие похвалы, но непременно были замечены. Высокое самомнение требовало общественного признания.

— Миша, как с вами интересно! — восторженно воскликнула Ева. — Вы ведь позволите мне обращаться именно так, по-дружески, без лишних формальностей? Мне почему-то кажется, что мы обязательно подружимся. Вы этого хотите, Миша?

— По милости Божьей, — смущенно ответил тот, полностью передавая инициативу разговора новой собеседнице.

Та моментально сообразила, что перед ней человек, не имеющий опыта общения с женщинами, но имеющего кучу комплексов и зажатого со всех сторон рамками сформировавшегося поведения, стереотипов и наборов готовых фраз.

Они обменялись телефонами, стали сначала созваниваться, а потом встречаться. Михаилу внутренне импонировало то, что ему уделяет внимание такая необычная молодая женщина: с удовольствием поддерживающая предлагаемые им темы для разговора, часами слушающая его «вдохновенные» монологи и принимающая, как подарок, брошюрки весьма сомнительных авторов и издательств. Внешне она тоже была эффектной: всегда подтянутая, в строгом длинном платье, с аккуратной косыночкой, покрывающей ее такую же строгую прическу. К тому же, казалась состоятельной дамой: на своем спортивном BMW она выезжала с Мишей за город, где в уютных кафе они проводили долгие беседы. Ева баловала Мишу изысканными блюдами, не давая ему даже заикнуться об оплате счетов.

— Миша, если бы вы знали, как я благодарна Богу, судьбе, что встретилась с вами! — щебетала она. — Я ваша должница навек. Кроме того, моя нынешняя работа позволяет без всякого ущерба позволить себе такие маленькие радости и шалости. Я так настрадалась от одиночества, непонимания… Уж кто-кто, а вы должны меня понять…

Их отношения, конечно же, не остались незамеченными. Кто-то из видевших Мишу и Еву в кафе, зашептал его матери:

— Нин, красивая пара… Может, даст Бог, что сладится?

Мишина мама сама воспрянула духом, заметив, что сын стал задерживаться по вечерам, а

дома подолгу с кем-то разговаривать по телефону.

— Сынок, так хочется дождаться внуков, понянчить их, — робко начинала мать, на что Миша, целиком поглощенный просветительством Евы, отвечал стандартным:

— По милости Божьей, мама…

— Да, сынок, — дергала та его за рукав, — только ты сам-то не плошай — помнишь мудрую пословицу? Когда же, наконец, приведешь познакомиться?

— По милости Божьей…

Мать махала рукой и уходила в сторону, чтобы не мешать сыну, вечно озабоченному возвышенными идеями и мыслями.

В тот вечер они засиделись.

— Михаил, — взволнованным голосом сказала Ева, слегка прижавшись к нему, — мы бы могли быть еще ближе. Я свободная женщина, и к тому же…

— Можно спросить вас? — тот уставился на нее своим «фирменным» окаменевшим взглядом, при этом на лбу вздулись выразительные вены. — Я давно хотел спросить вас, Ева… Меня это очень интересует и беспокоит…

— Что же? Я догадываюсь, о чем вы… Спрашивайте, Михаил, у меня от вас нет никаких тайн…

Она притворно вздохнула и потянула из бокала через тоненькую трубочку прохладный сок.

— Как только я увидел вас, познакомился, мне захотелось заняться с вами…

Он тоже пригубил сок, но прямо из бокала. Ева удивленно посмотрела на него:

— Миша… Михаил… Что я слышу? Помнится, Ева искусила Адама, но не наоборот, а вы предлагаете мне… Я вам так доверилась…

— Нет-нет, Ева, прошу понять меня правильно, — взволнованно перебил Миша.

— Куда же правильнее? — хмыкнула та. — Я в принципе не против, это даже нормально, когда мужчина и женщина…. Но не так быстро, Михаил! Мне страшно…

— Не бойтесь, Ева! — с жаром возразил он. — Вам обязательно понравится, мы будем вместе… Прошу вас: не спешите с отказом…

Он осекся.

— Смелее, Михаил, смелее… Возможно, вы правы: нам пора быть больше, чем друзьями.

Он механически налил себе полный бокал сока и тут же осушил его.

— Меня, Ева, очень интересует, вы… занимаетесь штангой?

Сок, который Ева набрала в рот и уже глотнула, от испуга, удивления и раздирающего смеха — всего сразу — вылился у нее через нос, она судорожно закашлялась, после чего откинулась на спинку кресла, в котором сидела, и громко расхохоталась.

— Чем-чем? — немного упокоившись, переспросила она. — Штангой?! Я не ослышалась?

— Да, штангой, — невозмутимо повторил Миша. — Многие женщины во времена Ивана Поддубного, я читал, хотели подражать ему и занимались штангой.

— Миша, дорогой, — всплеснула руками Ева, — но ведь мы живем не во времена Поддубного! Сейчас другая эпоха, другие запросы, другая мода. Если вам так хочется заняться штангой, я могу рекомендовать вас в один элитный фитнес-клуб[32], где есть все: от штанги до эротического массажа. Хотя последнее, судя по всему, вас не интересует.

— Мне почему-то казалось, что вам будет интересно заниматься штангой, если мы… если я… по воле Божьей…

Он запутался в мыслях.

— Я вам обещаю, что мы вместе съездим в тот клуб, и если вам понравится, то мы сможем…

— Так вы готовы заняться со мной штангой? — радостно воскликнул Миша.

— С вами я готова заняться не только штангой, а… хоть на край света! Но сейчас у меня для вас есть другая хорошая новость.

Ева достала из сумочки несколько листочков, исписанных с обеих сторон мелким, очень неразборчивым корявым почерком.

— Я прочитала то, что вы прошлый раз дали мне… Несколько раз прочитала. И должна спросить вас так же откровенно, как и вы меня…

Михаил налил сок и судорожными глотками выпил его, весь превратившись во внимание.

— Только не обижайтесь… Мы ведь договорились быть откровенными, поэтому я не имею права с вами лукавить, когда…

Она провела по листочкам ноготком с безупречным маникюром.

— Прочитав этот ваш титанический труд, погрузившись в ваши мысли, я сделала свой вывод: вы, Миша, настоящий гений!

Вены снова надулись на лбу Михаила, он окаменел.

— Без всякого сомнения, вы — гений, научный самородок! Говорю не ради лести или чтобы не огорчить, а имея некоторый научный опыт. Я ведь ассистирую очень большим ученым, поэтому сама должна научно развиваться. Можете мне поверить, ваша работа произвела сильное, неизгладимое впечатление. Конечно, она требует дальнейшего развития, упорядочения использованных источников, библиографии и многого другого, но основа, оригинальный подход, выводы — это успех. Скажу больше: ваш труд — это настоящий научный прорыв!

— По милости Божьей… — засмущался Михаил. — А те ученые, которым я показывал, считают, что в моих исследованиях нет ничего оригинального. Больше того, их считают антинаучными, бездоказательными…

— Не верьте, Миша! — Ева схватила его за руку. — Вы — самородок, гений!

— По милости Божьей… — еще больше смутился Михаил и от охватившего трепета допил

остаток сока прямо из стоявшего перед ними графина.

— Да, по милости, — поддержала Ева. — Но и свой труд, свои старания вы тоже не умаляйте. На такие оригинальные, смелые выводы, которые сделали вы, Михаил, дерзнет не каждый ученый. Меня особенно впечатлило, как вы связали распад Византийской империи с изменением климата на земле и с глобальным потеплением… Потрясающе! Признайтесь: вы занимались космосом?

— Ну, не то, чтобы… — смущенно ответил Михаил. — Но интересовался астрономией, стремился, так сказать, вникнуть с Божьей помощью.

— У вас получилось! Бесспорно!

— Другие ученые, которым я давал читать, считают, что…

— Не слушайте их, Михаил! Они вам просто завидуют, боятся конкурента!

— Вы считаете?

— Ни секунды не сомневаюсь. Скажу по секрету: я хочу показать это исследование одному крупному ученому и прошу вашего согласия.

— В столице? — оживился Михаил.

— Зачем в столице? У нас, в нашем городе. Или вы думаете, что у нас нет толковых людей, способных достойно оценить научный подвиг?

— Да я вроде всех…

— Нет, не всех! — не дала закончить Михаилу Ева. — В нашем городе есть очень уважаемые ученые, но, как и вы, не желающие светиться в лучах славы. Кроме того, они работают над такими темами, которые, можно сказать, не нуждаются в широкой огласке. Большей частью это экспериментальная научная работа, а эксперимент, сами понимаете, штука изменчивая: сегодня удался, а завтра нет.

— Вы думаете, этому человеку будет интересно увидеть мой скромный труд?

— Я просто уверена в этом! Кроме того, вы прямо-таки виртуозно связали сразу несколько тем: космос, Византию, открытия в области генетики, немецкую классическую философию, дрессировку домашних животных… У меня просто слов нет! Позвольте же мне показать это своему другу-ученому. Думаю, он сможет оценить еще более достойно. Кроме того, он имеет выход в широкий научный мир, а это, вы должны понимать, поможет вам регулярно публиковаться, участвовать в научных конференциях, выступать с докладами, общаться с очень интересными людьми. И учтите: ваш научный труд будет достойно вознагражден материально. Ведь вы нуждаетесь в средствах? Или где-то работаете?

— В настоящее время я стараюсь развиваться дома: чтение, штанга…

— Стоп! — остановила Ева. — О штанге больше ни слова! Давайте о науке! Вы согласны, Миша, чтобы я передала эти листочки?

— Раз вы так считаете… Хотя многие другие мне говорили, что…

— Не обращайте внимания на завистников! Слушайте умных людей. Итак…

Ева вопросительно посмотрела на Михаила. Тот же вопросительно взглянул на пустой графин, где был раньше прохладный сок.

— Вот и отлично! — обрадовано сказала Ева, аккуратно сложила листочки, спрятала их в сумочку и заказала еще свежего апельсинового сока.

…Уже дома Ева — она же Эльвира, Эля — набрала по мобильному телефону нужный номер.

— Мне кажется, я нашла, кого ты искал, — сказала она, растянувшись на постели. — Ну и нюх у тебя, Граф! Это не просто находка, а живой ключ к решению нашей проблемы.

— Смотри, не потеряй этот «золотой ключик», не то я тебя…

— Нет, все нормально, он у меня на крепкой веревочке. Редкий, конечно, дуралей, но буду терпеть, пока сама не свихнусь на его шизофренических идеях и разговорах.

— А разве ни на что другое он не ведется? — рассмеялся голос в трубке. — С твоими талантами…

— Мои таланты против дураков бессильны. Делаю, что могу. Мне удалось взять несколько страничек его писанины.

— Что-то интересное?

— Ой, готовый диагноз для психиатра. Едва хватило сил дойти до конца первого абзаца. Бред сивой кобылы. Делай с ними, что хочешь. С такой чушью, прости, даже в сортир пойти стыдно.

— Окей. Я найду применение. А теперь о твоем старом хлюсте, обольстителе и совратителе молодых ассистенток. Думаю, мне уже пора с ним лично познакомиться.

Эльвира засмеялась:

— Граф, неужели в тебе проснулась ревность?

— Нет, во мне проснулось предчувствие нашей встречи совсем по другому поводу. Привезешь те странички, я обработаю их уголки чем надо и запечатаю в отдельную папку. В таком виде передашь ему. Твоя задача сейчас вот в чем: придумать хороший повод, чтобы он открыл и обязательно прочитал всю эту галиматью. Желательно с чашечкой кофе и вкусным пирожным. Без салфетки рядом… Пальчиками будет удобнее, хоть так в школах не учат.

— Понимаю, к чему ты клонишь, — в голосе Эльвиры послышалась тревога. — Хорошо понимаю. Граф, ты меня под криминал не подставишь? Тот почитает, лизнет свои пальчики — и Богу душу отдаст. Такого не будет? Что-то мне страшновато от этой затеи с пирожным без салфетки. Может, я просто познакомлю вас, ты пообщаешься и выудишь все, что нужно? С твоими-то способностями, интуицией…

В трубке снова послышался смех:

— Не бойся. Это не яд, а легкий психотропный препарат, который поможет ему увидеть еще более явственно то, что он и так уже начинает видеть и что вызывает беспокойство о своем состоянии. Немного заблокируются те участки головного мозга, которые контролируют нас во сне, и откроют больше возможностей для власти подсознательных процессов. Ничего страшного. Никакого криминала. С этими проблемами, да будет тебе известно, ко мне каждый

день обращаются за помощью, особенно на фоне нынешних информационных стрессов. Людям буквально «рвет крышу», сносит голову. «Зомбоящик» — телевизор — делает свое дело ловко, поэтому нам, дорогая, безработица не грозит. Делай смело то, что я тебе говорю. Это ему только на пользу пойдет.

— А если не выдержит мой «вундеркинд» и тоже полистает свои листочки? Без пирожного. С ним что будет?

— С ним? Раз ты говоришь, что он живет в своем сумасшедшем мире, то уйдет туда еще дальше. Ну, покажут психиатру… Что страшного? Нашла, о чем беспокоиться. Или ты на него все же глаз положила?

— Оставь, Граф, не унижай меня до такой степени, — хохотнула Эля. — А психиатру его показывали, он мне сам говорил.

— Тем более нечего бояться. Врачи, если его привезут в психиатрию, воспримут возбужденное состояние как нарастающий кризис и уложат в больницу. Похожих на него психов, которые «тихо сам с собою», сейчас предостаточно. Не бери дурного в голову. Ложись отдыхай, а завтра пораньше жду в офисе.

— Если бы ты знал, Граф, как мне надоело строить из себя святошу и быть в обществе этого шизоида… — вздохнула она.

— Терпи. Тебе за это хорошо платят.

И отключился.

Эльвира хотела позвонить еще кому-то, но едва нашла в себе силы раздеться, и мгновенно заснула.

Фонд Р37

Роман Андреевич целый день не находил покоя, ожидая важного звонка, от которого зависело разрешение в архив. Накануне он обратился к своему старому товарищу — тот работал доцентом на кафедре истории, — чтобы все устроить. Они встретились. По-дружески обнявшись, разговорились:

— Рома, признайся, как другу: зачем тебе весь этот геморрой? Других тем у тебя нет, что к нам решил сунуть свой нос, покопаться в архивной пыли? Ты ведь вовсе не историк! Аллергию на старости лет заработать хочешь?

Истрину не хотелось объяснять причины своего интереса.

— Коля, в кои веки обратился с просьбой…

— Сразу видно, что ты недорабатываешь со своей новой пассией, — расхохотался тот. — О твоих любовных похождениях уже легенды ходят. Гигант, старичок-разбойничек… Ишь ты, в архив ему захотелось! Делом займись, Рома, делом!

Тот сделал обиженную физиономию.

— Старик, ты хоть понимаешь, куда суешь нос? Это ведь тебе не в пробирки и колбы заглядывать, а…

Он осекся.

— Я навел справки относительно того фонда Р37… Кстати, скажи-ка мне, любезный, откуда тебе известно о его существовании?

— От верблюда, — буркнул Истрин. — Что за дурацкая манера? Терпеть не могу лишних расспросов. Ты не следователь, а я у тебя не на допросе. Не можешь или не хочешь помочь — так и скажи. Иди ты…

— Погоди-погоди, не кипятись! Значит, говоришь, я не следователь, а ты не на допросе? Интересно, интересно… Прямо-таки в тему.

— Какую тему?

— Такую. Раз ты не хочешь ответить на мой вопрос, я тоже не могу быть с тобой до конца откровенным. Скажу одно: этот и некоторые другие папки входят в число закрытых архивных фондов, а доступ к ним имеют…

— Погоди-погоди, бумажная ты душа! — заволновался Истрин. — Что значит «закрытые»? Мы в какое время живем? В 30-е годы прошлого века или в начале двадцать первого? Какие могут быть тайны?

— Могут быть, Рома, могут… А фонд Р37, между прочим, касается как раз той эпохи, которую ты назвал: конец 30-х годов, время массовых политических репрессий, канун Великой Отечественной войны.

— Ну и?.. — вопросительно посмотрел Истрин.

— Вот и… Сам думай.

— Что думать? Столько десятков лет прошло! Какие могут быть секреты? От кого?!

Друг-историк пожал плечами и усмехнулся:

— От кого? Например, от меня. Или от тебя.

— Коля, да это же бред! — он схватил друга за плечи. — Ты, конечно, прости, может я действительно сую нос не в свое дело, но нутром чувствую, что мне нужно посидеть в архиве, порыться в этих папках. Не спрашивай, зачем. Я и сам толком не могу понять.

Историк поднялся с места, готовясь уйти:

— Тогда договоримся так: раз ты сам не знаешь, зачем хочешь влипнуть в историю тех лет, вот тебе телефончик, — он протянул Истрину записанный номер. — Ответит человечек из службы госбезопасности, который курирует те самые закрытые архивные фонды. Он мой добрый знакомый, его люди время от времени обращаются к нам за консультациями. Я хлопотал за тебя, он обещал помочь, но… Но только после того, как ты ему сам вразумительно объяснишь, зачем ты, ученый-микробиолог, лезешь в архивы истории, что там хочешь найти. Постарайся убедить его, Рома. Лично меня ты не убедил. Будь здоров и не забудь передать привет семье.

Не долго раздумывая, Роман Андреевич позвонил на этот номер.

— Да-да, я в курсе, — учтиво отозвался незнакомый голос, — Николай Васильевич звонил мне и хлопотал за вас. Честно говоря, он так и не объяснил причину вашего интереса к этим

материалам. Надеюсь, что услышу от вас самого. Давайте встретимся, познакомимся и немного поговорим не по телефону. Я знаю за городом одно весьма уютное местечко, где делают настоящий китайский чай: наилучшее средство спасения в такую невыносимую жару. Приглашаю вас в этот райский уголок. Там и обсудим все детали. Когда встречаемся? Я вам перезвоню.

Теперь Истрин с нетерпением ждал звонка, сильнее и сильнее распаляясь желанием окунуться в эти таинственные архивные папки. Незнакомец сдержал обещание: перезвонил и, заехав за Романом Андреевичем в условленное место, забрал его на своей служебной машине. Через полчаса они уже сидели возле одного из лесных притоков городской речки, наслаждаясь тишиной, уютом, вечерней прохладой и тонким ароматом обещанного китайского чая.

— Признаюсь, — сказал новый знакомый, представившийся Владимиром Петровичем, — после служебной командировки в Китай я просто влюбился в эту страну, в ее культуру, традиции, кухню. Особенно в их знаменитые чайные церемонии. Это, уважаемый Роман Андреевич, не просто чаепитие, а целая философия, почти религиозный обряд, культ. Жаль, что мы, цивилизованные европейцы, славяне, так далеки от этого искусства.

И он пустился в рассказ о Китае, взглядом прощупывая собеседника перед тем, как начать атаковать, задав тот же самый вопрос:

— Откуда вам известно об архивном фонде Р37? Что вы о нем знаете?

Истрин стал мямлить насчет предчувствий, интуиции, на что Владимир Петрович снисходительно улыбнулся и снова спросил:

— Ваша ведь фамилия Истрин? Вы известный ученый, так?

— Ну, насчет известности не мне судить, — скромно парировал Роман Андреевич, — а вот фамилия моя точно Истрин.

— А вам известна ваша родословная? Кстати, у многих народов, в том числе китайцев, знать свои родовые корни считается не только весьма почетным, но и обязательным. Я лично считаю, что это только делает им честь. Чего не скажешь о нас. «Иван, не помнящий родства», — к сожалению, это мы…

— Можно сказать, это и ко мне относится, — Роман Андреевич вытер вспотевшую от горячего чая лысину, лоб и затылок. — Кроме того, в нашем роду, насколько я знаю, не так уж много личностей, которыми можно сильно гордиться.

— Не надо скромничать, — улыбнулся Владимир Петрович. — Я твердо уверен в том, что потомки вашего рода непременно будут гордиться своим выдающимся предком Романом Андреевичем Истриным.

Тот вспотел еще больше, ожидая развязки начатого разговора.

— Значит, вы Истрин. Но это по матушке. Ведь Истрины — ветвь другого рода: к нему, образно выражаясь, привита ветвь, к которой ваша мама непосредственно не принадлежит, а связана с ней Своим замужеством…

— Вы правы. Но я никак не могу понять, какое это имеет отношение к моей просьбе почитать архивные материалы…

— Не спешите, Роман Андреевич. Я хочу помочь вам осознать мотивы этого желания и подготовиться к встрече с прошлым вашего рода. Чтобы у вас потом не было разочарования или, не дай Бог, чего больше…

Истрин испуганно и удивленно посмотрел на собеседника.

— У одного из китайских мудрецов есть очень интересное изречение, которое имеет отношение к нашему разговору. Его можно перевести примерно так: «Прежде чем тронуть прошлое, хорошо подумай, чтобы оно не разорвало тебя, когда проснется». Существует много разных интерпретаций этой мысли, но суть остается одна: может, лучше вообще не копаться в своем прошлом, чтобы не нажить себе проблем в настоящем и будущем. Как вы считаете?

— Погодите, — насторожился Роман Андреевич, — вы сказали: «Лучше не копаться в своем прошлом». Это касается всех или меня лично?

— Всех, — спокойно ответил Владимир Петрович, с удовольствием потягивая из глиняной чашечки ароматный чай и следя за реакцией Истрина. — И вас лично. Это ведь народная мудрость, а раз так, то…

— Ах, вот оно что… — тот направил на себя стоявший рядом вентилятор. — А я уж подумал было, что…

— Правильно подумали, правильно. Итак, ваша фамилия — Истрин.

— Я могу показать паспорт. Меня сотни людей знают…

— Успокойтесь, дорогой Роман Андреевич, мы вас тоже знаем как прекрасного человека, преданного своему делу. А девичья фамилия мамы вам известна?

— Конечно! В девичестве она Бурлакова. Антонина Алексеевна Бурлакова. На это у меня тоже есть куча бумаг, которые…

— Не нужно никаких бумаг, все верно. Очень хорошо, что вы помните фамилию и другой родовой ветви, к которой принадлежите. Значит, «Иван, не помнящий родства», — это не совсем про вас.

— Кстати, мама была человеком очень добропорядочным, интеллигентным, всю жизнь преподавала музыку, больше сорока лет трудового стажа…

— И маму вашу знаем, — успокоил Истрина собеседник, — именно так, как вы сказали: большая труженица, человек высокой порядочности, культуры и совести.

— Я все же не могу взять в толк, какое отношение имеет покойная мама и все наше родство к моей просьбе?

— Не будем спешить, Роман Андреевич. Это вредно. А что вам известно об отце вашей мамы — вашем родном дедушке Алексее Степановиче Бурлакове?

Истрин недоуменно пожал плечами:

— Что известно? В принципе, очень мало: то, что он действительно мой родной дед, ну и… Мама говорила, был хорошим плотником: золотые руки имел, всю семью содержал. А время было трудное…

— Знаем. И какое было время — тоже хорошо знаем. Интересное. Непростое. И как людям в то время жилось, знаем: и непросто, и несладко. Хотя, кому как…

Истрин вдруг засмеялся:

— Вспомнил: мама говорила, что от деда у всех нас, его потомков, сохранилась любовь к молоку. Мы без него жить не можем, как вы, наверно, без этого китайского чая. У деда, если не ошибаюсь, даже прозвище было: «Молочник». Не помню, то ли мама говорила, то ли…

— Не ошибаетесь, — задумчиво сказал Владимир Петрович. — Так его многие звали: «Молочник». И не только друзья, но и…

— А кто еще? — снова испуганно взглянул Истрин.

— Итак, о своем мастеровом предке вы больше ничего не знаете? — уклонился тот.

Роман Андреевич развел руками и отрицательно покачал головой.

— У мамы хранились старые фотографии наших пращуров, в том числе деда. Даже не знаю, куда они делись. Мама незадолго до своей кончины навела решительный порядок во всех личных бумагах, альбомах, многое уничтожила за ненадобностью. Наверное, и те старые фото: ими никто из нас не интересовался. Помнится, там был и наш дед в окружении близких ему людей. Родственники ли, просто знакомые — мне не ведомо. Еще там, помню, были духовные особы: священники или даже монахи — все они стояли возле нашей городской церкви. Мама рассказывала, что дед имел отношение к церкви, кем-то прислуживал там. Дьячком, наверное.

— Вот видите! А вы говорите, что мало знаете. Скромничаете, Роман Андреевич, скромничаете… Кстати, вы разрешите мне спросить вас кое о чем очень личном?

Собеседник пристально посмотрел на Истрина, отчего у того по спине пробежал неприятный холодок.

— Можете не отвечать, если хотите…

«Неужели им известно о моих отношениях с Элей?» — ужаснулся Истрин, и себе же ответил:

«А для кого они являются тайной? Ни для кого! Но какое тут преступление? Сейчас столько людей занимаются этим, что…»

Он не успел для самоуспокоения развить эту спасительную мысль, как Владимир Петрович неожиданно спросил о другом:

— Как вы сами относитесь к Церкви? Вы — верующий человек?

Истрин на секунду забыл, что держал в руках горячий чай, неосторожно отпил его и стал вытирать мягкой салфеткой обожженные губы:

— Ах ты…

— Это не лимонад, а чай, — снисходительно улыбнулся Владимир Петрович, — с ним тоже нужно быть очень и очень осторожным. Как и во всем остальном…

«Наверное, им все же известно о моих шашнях с Элей», — подумал Истрин и, взяв себя в руки, спокойно ответил:

— Вы спрашиваете, верующий ли я человек? А как вы сами считаете, могу ли я им быть? Родился в советское время, когда о религии если и говорили в полный голос, открыто, то лишь негативное. Мама всю жизнь проработала в школе, образцовый педагог, заслуженный учитель. Отец — ученый-геофизик, пользовался в коллективе уважением, к тому же коммунист. Моя юность, молодость и часть зрелого возраста тоже прошли в советское время: я всегда был примерным учеником, активным пионером, комсомольцем, агитатором. Потом пошла научная карьера. Увлекался не философией, не какими-то абстрактными теориями о смысле жизни, а очень материалистическими темами, где разным богам нет места — за ненадобностью. Да и в личной жизни разные божественные вопросы меня мало занимали. Я считаю, что человек является сам творцом собственной судьбы. Меня воспитывали на таких принципах и жизненных примерах, других я не знаю.

— Да, но ведь вы сами говорите, что ваш дед имел отношение к церкви, — осторожно напомнил ему собеседник.

— Во-первых, это утверждаю не я, поскольку появился на свет, когда деда уже не было, а передаю воспоминания мамы, — быстро отреагировал Истрин, почувствовав, что его хотят на чем-то поймать, — а во-вторых…

— А во-вторых, простите меня, Роман Андреевич, — снова перехватил инициативу Владимир Петрович, — что поинтересовался такой тонкой и деликатной темой. Я вижу, что вы настоящий ученый, который твердо стоит на фундаменте знаний и научного опыта. Я ведь спросил вас не из праздного любопытства, а чтобы подготовить к предстоящей встрече с вашим дедом. Чтобы от этой встречи у вас не возникло разочарования или даже психологического осложнения…

— Вы хотите сказать, что папки, которые закрыты в архиве, связаны с моим дедом? — удивился Истрин.

— Не просто связаны, а имеют к нему непосредственное отношение. Поэтому я позволил себе спросить вас, откуда вам известно об архивном фонде Р37. Это ведь закрытые материалы, не подлежащие широкой огласке.

Истрин недоуменно пожал плечами.

— Давайте, Роман Андреевич, подойдем к вашему интересу немного с другой стороны. Скажите откровенно, было бы приятно вам, очень интеллигентному, культурному, воспитанному человеку, крупному ученому, узнать, что кто-то из ваших близких предков — а родной дед, безусловно, относится к ним — был, к примеру, матерым уголовником-рецидивистом?

— Мой дед?! Этого не может быть! — ужаснулся Истрин.

— Успокойтесь, дорогой Роман Андреевич. Я же говорю: к примеру.

— Да не дай Бог! Лучше об этом вообще не знать!

— Значит, вы по-настоящему мудрый человек, о котором говорит китайская пословица, — улыбнулся Владимир Петрович. — А если бы ваш предок страдал каким-либо другим выраженным моральным пороком? Например, был заядлым выпивохой, дебоширом? Вам бы доставило радость узнать об этом?

— Пусть он будет кем угодно, — с жаром ответил Роман Андреевич, — я не хочу ничего знать о

разных мерзостях. В конце-концов, это его личная жизнь, а не моя. Почему я должен терзаться тем, что натворил он? Увольте меня от этих сравнений и странных намеков.

Поговорив еще немного, Владимир Петрович собрался расстаться с Истриным.

— Еще раз нижайше простите. Повторю: мой долг подготовить вас ко всему, что может открыться в тех материалах. Мы так поступаем и с другими, кто обращается с подобными просьбами, потому что прошлое, если его неосторожно разворошить, может выстрелить в уважаемого человека, например, каким-нибудь компроматом или же травмировать психику. Зачем это нужно? Вы слишком уважаемый для общества человек, чтобы мы отказали вам, но и слишком ценный, чтобы мы не подумали, как уберечь вас от возможных отрицательных последствий. Поэтому часть архивных фондов остается закрытыми, а все, кто получает к ним доступ, проходят через наш контроль. Поймите правильно: таков порядок, не нами установленный. Хотя мне так и осталось непонятным, откуда у вас проявился интерес к фонду Р37.

Истрин вздохнул и стал задумчивым.

— Признаюсь, мне самому непонятно, откуда все это во мне взялось: и шифр того архива, и желание попасть туда, что-то найти… Все слишком безотчетно, неясно, необъяснимо даже для меня, прожженного материалиста и безбожника. Знаю одно: мне нужно побывать там, открыть те папки, что-то почитать…

— Что же, как говорится, кто ищет — тот всегда найдет, — на прощанье Владимир Петрович крепко пожал Истрину руку. — Соответствующее разрешение на ваше имя будет оформлено. Думаю, нескольких дней вполне достаточно, чтобы самому во всем обстоятельно разобраться, полистать интересующие документы, покопаться в них и найти ответы на возникшие недоумения, вопросы. Возможно, потом прояснится все остальное. А дальше…

Он задумался.

— А дальше не будем терять связь. Мой телефон у вас, я в вашем распоряжении. Любое сомнение, любая тревога — всегда с радостью готов помочь вам. И не забывайте древнюю китайскую мудрость: «Прежде чем тронуть прошлое, хорошо подумай, чтобы оно не разорвало тебя, когда проснется». Будет очень прискорбно, если это случится с вами…

Секретные папки

Роман Андреевич не стал затягивать с визитом в архив и уже через пару дней был там. Он приготовился к работе основательно, положив в кожаный кейс пачку бумаги, блокнот, портативный цифровой фотоаппарат. Однако эти приготовления оказались лишними: работница архива, выдававшая папки спецфонда, попросила Истрина оставить перед входом все, что он взял с собой, предупредив, что запрещается делать копии с документов в любом виде. Сначала она внимательно проверила его личные документы, затем попросила расписаться внизу инструкции, подтверждающей, что тот ознакомлен с установленным режимом работы, после чего пригласила в маленькую комнатку, сказав:

— Подождите немного, Роман Андреевич. Сейчас вам все принесут. Надеемся, что вам будет удобно работать.

Истрин огляделся. Прямо над дверями висела выразительная табличка: «В зале ведется видеонаблюдение!» Небольшое зарешеченное окошко выходило в тихий внутренний дворик,

откуда не доносился шум со стороны центральных улиц, запруженных машинами. В комнатке было уютно, прохладно, даже несмотря на отсутствие кондиционера: толстые кирпичные стены не давали дому прогреваться настолько, насколько прогревались сборные конструкции и бетонные «коробочки» спальных районов.

Кроме стола, за которым сидел Роман Андреевич, был еще один такой же и один чуть поменьше, возле самого окна: на нем стоял графин с водой и несколько чистых стаканов. Там же была кнопка вызова дежурного работника, обслуживавшего посетителей архива. Вскоре он сам подошел к Истрину с зашнурованной картонной коробкой:

— Здесь то, что вы запрашивали: фонд Р37, опись 1, дело № 8660. Не буду мешать. Продуктивной вам работы. Если потребуется наша помощь — можете вызывать.

Истрин остался сам. Он осторожно взял коробку и тихо прочитал:

— «Только для служебного пользования. Хранить вечно. Фонд Р37, опись 1, дело № 8660. Колчинское отделение межрайонного управления НКВД».

Роман Андреевич смотрел на коробку и не спешил расшнуровать. Он вдруг испытал страх, словно держал не архивное дело, а неразорвавшуюся мину, поставленную на боевой взвод: одно неправильное движение — и неминуемый взрыв. Вспомнилось предостережение знакомого, благодаря которому он попал сюда: «Прежде чем тронуть прошлое, хорошо подумай, чтобы оно не разорвало тебя, когда проснется».

«И впрямь, зачем это нужно? — подумал Истрин, испытывая сильное волнение. — Какое мне может быть дело до того, что, возможно, лежит пятном на покойном деде? Сын за отца не отвечает, а за деда подавно...»

Но искушение заглянуть вовнутрь оказалось сильнее. Он аккуратно развязал тесемки, которыми была стянута верхняя крышка, а затем осторожно открыл саму коробку. Пахнуло тленом годами залежавшихся бумаг.

Внутри было четыре папки: одна довольно пухлая, остальные — поменьше. Истрин достал пухлую и снова тихо прочитал, ведя пальцем по выцветшим чернильным буквам:

— «Бурлаков Алексей Степанович».

Истрин вздрогнул и прочитал снова, потом еще и еще раз.

«А вдруг однофамилец? — подумал он и потер виски, ощутив там сильную пульсацию крови. — Мало ли на свете Бурлаковых? Не сошелся же свет клином на моем деде?..»

Ни с того, ни с сего в голове зазвучали слова любимого мамой стихотворения о нелегкой бурлацкой доле:

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз...

Покатилися слезы из глаз.

Истомилася грудь. Лямка режет плечо.

Надо «ухать» еще и еще!

От Самары до Рыбинска песня одна;

Не на радость она создана:

В ней звучит и тоска — похоронный напев,

И бессильный, страдальческий гнев.

— Что за наваждение? Что за… — прошептал Роман Андреевич, снова, как и после тревожных снов, пугаясь внутреннего трепещущего состояния и неведомого страха.

Он развязал тесемки и раскрыл первую хранившуюся там папку. На левой внутренней стороне картонной обложки был вклеен конверт, откуда выглядывали уголки старых пожелтевших фото. Истрин достал все сразу — и сомнения оставили его: на фотографиях был родной дед, Алексей Степанович Бурлаков. И фото в большинстве своем были те же самые, что хранила мать в семейном альбоме: старые, пожелтевшие, выгоревшие от времени, потрескавшиеся, местами порванные.

Вот он, отец матери: еще молодой, крепкий, с широкой бородой, в холщевой русской рубахе-косоворотке. Видно, что фотографировался в ателье, готовился. А здесь он с разными людьми: какими-то священниками, богомольцами, на фоне прежнего городского храма, тоже известного по старым фото. А здесь — с военными людьми, еще до революции. Здесь — во главе шествующего по городским улицам крестного хода: с большим фонарем, внутри горит толстая восковая свеча. Вот он уже с семьей, детишками, и тоже в мастерской городского фотографа. В одной из маленьких девочек Роман Андреевич безошибочно узнал свою будущею маму…

На сердце защемило.

Он присмотрелся: некоторые лица на этих фото были обведены химическим карандашом, возле отдельных стояли разные знаки — вопросительный, восклицательный, галочка, жирная точка, многоточие…

«Почему это все хранится здесь под крепкими запорами? — стал размышлять Роман Андреевич, разложив перед собой, как пасьянс, все фото. — Какое отношение к непонятным архивным секретам имеет мой дед? Только потому, что был, возможно, слишком верующим человеком? Каким-нибудь церковным активистом? Помнится, мама несколько раз говорила, что он был даже в почете. Ну и что с того? Собирать досье на всех, кто тогда был верующим, — не хватит ни папок, ни архивов».

Истрин обратил внимание, что папка, которую он взял первой, имела свою опись: в ней было указано количество подшитых и опечатанных бумаг, фотографий и других документов, а также даты и номера допусков тех лиц, которые этими материалами уже пользовались. Последняя дата была сравнительно недавней: за несколько дней до визита самого Истрина.

«Ишь ты! — усмехнулся он. — Не только я сунул сюда свой нос… Интересно, кому еще охота подышать плесенью?»

Согласно описи, в папке хранилось восемь фотографий — все они лежали перед Романом Андреевичем — и около двух десятков разных бумаг, оформленных как документы. Истрин аккуратно положил фотографии на место в конверт и, надев очки, раскрыл первый подшитый документ. Он был на официальном бланке управления НКВД с грифом «Секретно»:

«Уполномоченным СОО Бусиным принято к производству дело о преступной деятельности гр. Авдеева Андрея Михайловича, выразившейся в том, что он, будучи связан с кулачеством, занимается антисоветской обработкой верующего крестьянства. В феврале 1929 года

предсказывал скорую гибель советской власти… Отмечаются признаки уголовного преступления, предусмотренного статьей 7-67…»[33]

Истрин перевернул страничку и стал читать дальше:

«Уполномоченный следственно-оперативного отдела Колчинского окротдела ГПУ, рассмотрев следственное дело за № 209 по обвинению гражданина Авдеева Андрея Михайловича, нашел:

Принимая во внимание все вышеизложенное, также то обстоятельство, что добытых следствием материалов недостаточно для представления суду, но в то же время он является заведомо контрреволюционным лицом, систематически занимающимся антисоветской деятельностью, в силу чего должен быть признан социально опасным,

Постановил:

Руководствуясь приказами и инструкцией ГПУ, объявленной в приказе за № 19-23, возбудить ходатайство перед Особым Совещанием при Коллегии ГПУ о применении к гр. Авдееву Андрею Михайловичу, родившемуся в 1872 году в с. Антиповка, сыну попа, окончившему полный курс духовной семинарии, военнообязанному, проживающего в качестве священника, под судом и следствием ранее не состоявшему, административной высылки в концлагерь на срок по усмотрению Особого Совещания…»

И чуть ниже вклейка:

«Выписка из протокола заседания Особого Совещания при Коллегии НКВД от 16 августа 1938 года.

Гр. Авдеева Андрея Михайловича определить в Тындинский концлагерь на четыре года, считая срок с 8 мая, по статье 58/10 УК. Дело сдать в архив».

Еще одна маленькая справка подтверждала выводы следствия:

«Группировал вокруг себя верующих, устраивал нелегальные собрания для совершения религиозных обрядов, крестил детей, распространял провокационные слухи о неизбежной войне с Германией, контрреволюционно истолковывал положение о выборах».

— Зачем они подсунули мне эту муть? — Истрин недоуменно развел руками, собираясь закрыть папку и положить назад. — Причем тут мой дед? Он не был ни следователем, ни палачом НКВД, ни…

Роман Андреевич вдруг осекся.

«Но кем-то он все-таки был, раз тут фигурирует его имя…» — подумал он и остановился. Потом выложил еще одну папку, поменьше первой, и снова углубился в чтение. Это были доносы в органы НКВД за подписью агентов, завербованных под разными кличками и псевдонимами.

«Знаю Илиодора, как бродячего монаха, который дружит с попом Авдеевым, ходит по окрестным деревням, занимается молениями и проводит антисоветскую агитацию. Говорит: “Хотели в колхоз, вот теперь и ходите наги и босы, аки бродяги. И голодаете. А они разъезжают в автомобилях, объедаются в ресторанах. Бога забыли, вот Он от вас и отвернулся. Кайтесь…", — пишет один, подписавшийся: «Патриот».

«Ходит по квартирам, просит хлеба. Однажды зашел во двор жилкопа по улице Фрунзе, начал

усердно молиться Богу, чтобы поскорей освободил народ от гнета советской власти, так как жить так дальше невозможно», — дает письменное показание еще кто-то.

«Под видом молений, — Роман Андреевич продолжал читать дальше, — проводил антисоветскую агитацию. Говорил, что в царское время жить было гораздо лучше, люди признавали Бога, молились Ему, и Господь помогал им. А сейчас перестали Бога признавать, поэтому Бог отвернулся от людей, жить стало невмоготу…»

Внизу — закорючка: «Балтийский моряк».

«В квартире монашки Матрены собрал молебен и в проповеди сказал: “Советская власть долго существовать не может по той причине, что ведет войну против Бога. Вера опять вернется, возобновятся в храмах богослужения…"»

«Говорил, что при советской власти все честные люди должны быть готовы к арестам и тюрьме и даже к невинной смерти. Сталинская конституция провозгласила свободу, а на деле до свободы далеко. Вот, например, свобода вероисповедания и религиозных отправлений. Где она? Ведь на деле не успел еще подумать, что надо помолиться Господу, как тебя уже посадили. Причем сажают столько, как ни в одной другой стране. И только за то, что ты верующий. Следует объединяться и добиваться своих прав сообща. Бог с нами, а власть, если она не от Бога, рано или поздно будет уничтожена. Нужно твердо стоять в Слове Божием и поддерживать тех, кто выступает на борьбу с властью дьявола…»

И уже аккуратным почерком: «Молочник». Рядом — дата: 9 января 1937 года.

Он же: «Говорил, что нынешняя советская власть, отрицающая веру, есть власть антихриста, нужно поднимать народ, чтобы уничтожить ее… Приближаются выборы. Нужно выбирать побольше служителей церкви, чтобы защищать интересы людей, чтобы снова открыли храмы. И просить Бога освободить народ от ига советской власти, что об этом сам усиленно молится. При такой власти детей приходится крестить в погребах…

Народ перестал молиться, верить в Бога, перестал ходить в храмы, вместо этого люди пьянствуют, гуляют, поют срамные песни, за это Бог на людей прогневался и отдал русский народ на покаяние и издевательства советской власти, власти антихриста… Безбожники ничего хорошего для верующих не сделают…»

Истрин с досадой захлопнул папку:

— Доносы, приговоры, протоколы… Зачем я сюда пришел? Читать доносы разных «моряков», «патриотов», «молочников»? Причем тут мой дед? Только время зря потерял…

И тут, словно вспышка молнии, его озарила догадка:

«Молочник!»

— Молочник! — вскрикнул Истрин, но снова начал теряться в догадках и сомнениях. — И что с того? Кто объяснит, какая тут связь с моим дедом? С молочником, сталеваром, бригадиром?.. Какая связь?!

Он встал, подошел к столику с графином и налил воды. Отпив немного, чтобы успокоиться, возвратился назад.

«Будем рассуждать логически, — он постарался собраться с мыслями, подавив охватившее

волнение. — Есть некто «молочник» и есть определенно Алексей Степанович Бурлаков, мой родной дед, который жил в те годы. Если это одно и то же лицо, то должны быть какие-то подтверждающие документы. Без них любые догадки останутся догадками, а бумажки — бумажками».

Он достал все папки, хранившиеся в коробке, и внимательно прочитал все, что было написано на каждой. Дойдя до предпоследней, он вздрогнул. Там было написано:

«Агентура 5-го особого оперативного отдела. Сов. секретно».

И чуть ниже: «Молочник».

Дрожащими от волнения руками Истрин раскрыл и эту папку. Здесь тоже был вклеенный конверт с такими же фотографиями, только преимущественно самого деда. Первый подшитый документ — ордер на его арест по подозрению в участии в контрреволюционной организации под прикрытием церковной общины. За ним — протокол допроса. Роман Андреевич начал с жадностью вчитываться в каждое слово:

«Следователь: Следствие располагает сведениями, что вы вместе с попом Авдеевым под видом разных молений проводили антисоветскую агитацию.

Ответ: Я с Авдеевым работаю с 1913 года на должности старосты прихода, поэтому мы часто бываем вместе, в том числе и во время церковных служб, но никакой враждебной агитации не проводили.

Следователь: Но у следствия есть сигналы о том, что поп Авдеев занимался агитацией не только тайно, собирая у себя людей, но и открыто, в церкви, призывая во время проповедей защищать права верующих и не отдавать органам власти ни церкви, ни церковные дома.

Ответ: Да, священник допускал в своих проповедях негативные слова о партии большевиков, народных вождях, всей нынешней политике, на что я неоднократно просил его быть более осторожным и не говорить этой клеветы.

Следователь: Таким образом, гражданин Бурлаков, вы являетесь соучастником враждебного подполья и должны понести заслуженную кару как враг советского народа.

Ответ: Хочу повторить, что мы не проводили никакой вражеской агитации.

Следователь: Вы лжете! Почему не информировали органы государственной безопасности о высказываниях Авдеева? Вы уклоняетесь от линии партии, призывающей разоблачать врагов нашего народа и шпионов!

Ответ: Я с первого дня одобрял политику партии большевиков. Я просил нашего священника не поддерживать вражески настроенных лиц, а также их разговоры на территории храма и в городе…

Следователь: Гражданин Бурлаков, вы даете противоречивые, ложные показания, чем усугубляете свою вину. Вы обязаны были немедленно информировать органы о таких лицах и распространяемых ими разговорах, слухах, провокациях. Почему это не сделали? Значит, вы являетесь соучастником заговорщиков.

Ответ: Моя власть на приходе не выше священника, я не имею права противопоставлять ему свое мнение.

Следователь: Хотите уйти от ответственности? Вы обязаны были информировать органы государственной безопасности обо всем, что представляет опасность для советского строя и общества! Признавайтесь, вы — завербованный шпион?

Ответ: Я всегда был на стороне советской власти, поддерживаю ее политику. У меня большая семья, а работа в церкви является моим единственным доходом. Прошу понять мое положение и не подозревать…»

Истрин читал и читал, погружаясь в атмосферу того страшного времени, словно сам становясь ее живым свидетелем, одним из подозреваемых, или доносчиков, или сексотов… Ему стало дурно. Он отодвинул от себя папку и допил остаток воды в стакане. Едва хватило сил дочитать подпись под протоколом допроса:

«Старший следователь следственной части УГБ НКВД, старший лейтенант госбезопасности П. Рачинский».

— Что же вы так с моим дедулей, товарищ Рачинский? — прошептал Роман Андреевич, переводя дух. — Я бы вам знаете что сделал?..

Он снова стал читать. Все остальные документы, следовавшие за протоколом допроса, наполненным обвинениями, угрозами и шантажом, были с ним логически связаны: согласие церковного старосты Алексея Бурлакова на тайное сотрудничество с органами НКВД под агентурным псевдонимом «Молочник», скрепленное собственноручной подписью, а уже за ним — доносы, доносы, доносы… В несколько строчек — очень короткие, как выстрел; обстоятельные, — на два-три тетрадных листочка; на клочках бумаги, мятые, свернутые несколько раз, — для того, наверное, чтобы надежно спрятать.

Охваченный ужасом от открывшейся правды, Истрин заставил себя читать дальше:

«Мой гражданский долг информировать органы НКВД о том, что местный священник церковнославянской ориентации Авдеев занимается антисоветской агитацией, распространяет провокационные слухи о скором нападении Гитлера и большой войне. Всячески идеализирует царский строй, во время службы в алтаре тайно поминает расстрелянного императора и чтит его за святого мученика. Также тайно молится о врагах народа — арестованных и расстрелянных священниках, монахах, называет их страдальцами за веру, утверждает, что скоро их будет еще больше, если не поднимемся всем миром против безбожной власти…»

«Под прикрытием воскресной школы собирает единомышленников из числа лиц, недовольных советской властью, недобитых буржуев и тайных немецких агентов. Говорит, что война с Гитлером будет карой за то, что русский народ отступил от Бога, разрушил церкви и пошел за коммунистами. В канун 20-летия пролетарской революции говорил, что советская власть не вечная, продержится еще не более полувека, после чего падет вместе с Советским Союзом, а после этого все союзные республики станут отдельными государствами…»

«Поддерживает постоянную связь с подозрительной личностью из числа деклассированных элементов — бродячим попом или монахом по прозвищу Гедеон, который открыто говорит о том, что скоро начнется война, немцы будут наступать до самой Москвы и Сталинграда, погибнет много людей, а многих заберут в плен и трудовые работы в Германию. Говорит, что нынешняя советская власть и ее вожди — от дьявола, на них нет Божьего благословения, поэтому все рухнет. 21 января, в годовщину кончины вождя революции Ленина, смеялся над его священной памятью, называл его тело мумией, а мавзолей дьявольским сооружением. Авдеев часто оставляет этого шпиона и провокатора у себя дома, содержит его, кормит и даже

позволяет служить вместе с ним, когда в церкви никого нет…»

«В доме священника Авдеева прошла конспиративная сходка отъявленных врагов советской власти из числа бывших эсеров, царских интеллигентов, недовольных нынешним строем и политикой партии большевиков. Говорили о том, что нападение Гитлера является последней надеждой повалить советскую власть и возвратить прежнюю буржуазную. Читали нелегальные эмигрантские газеты, стихи, которые порочат нашу народную власть, ее верных вождей…»

«Священник Авдеев снова тайно собирал у себя дома кулаков из соседних деревень, а также недобитых белогвардейцев и настраивал их против городских властей. Говорил, что после того, как без разрешения у верующих забрали Варваринскую церковь и отдали под клуб, нам нужно собирать народ и ночевать во дворе своей, чтобы и ее не забрали. Здесь же читались листовки о конце мира и о том, что товарищ Сталин — это предтеча самого антихриста…»

Истрин почувствовал, что еще немного — и он лишится всего: терпения, рассудка, голова его лопнет, а кровь, пульсировавшая, стучавшая там молотом, выльется рекой на эти, и без того залитые кровью и страданиями тысяч невинных, оболганных, запуганных людей, страшные документы. Он вызвал работника архива и, поблагодарив, возвратил всю коробку. Потом, превозмогая сильную головную боль, направился в парк, что находился неподалеку. Здесь ему стало немного легче. Истрин присел на лавочку и задумался.

«Выходит, мой дедуля самых честных правил был обычным сексотом на побегушках у энкавэдэшников? Предположим. Даже не предположим, а смиримся с этим, как бесспорным фактом. Дальше что? Какое это отношение имеет лично ко мне? Почему эта тема, эти образы лезут и лезут в мою и без того забитую голову? Откуда эта навязчивость? Или кому-то хочется бросить на меня тени далеких предков? Кому? Знатоку и любителю китайского чая? Так он сам ведь предупреждал меня, намекал разными пословицами да поговорками, байками, явно не был заинтересован, чтобы я совал сюда свой нос. Тогда кому? Зачем?..»

В этих беспокойных раздумьях, метаниях в разных догадках Роман Андреевич не сразу понял, откуда до его обоняния дошел странный, не характерный, для ухоженного городского парка гадкий отталкивающий запах, напоминающий чье-то давно немытое тело, почти трупный…

Истрин огляделся по сторонам, но не заметил ничего, что могло бы наполнять воздух этим невыносимым смрадом. Тогда он нагнулся и увидел возле своих ног собаку: точь-в-точь такую, какую видел в мучавших его снах, когда эта бездомная тварь радостно бросалась к нему, чтобы ее погладили, почесали…

Роман Петрович вскочил с места и громко закричал:

— Пошла вон!!! Прочь, не то я тебя!..

Он схватил валявшийся камень и замахнулся на собаку, но та вдруг перестала ласкаться, ощетинилась и злобно зарычала, готовясь напасть. Истрин тогда запрыгнул на лавку и закричал еще громче, пытаясь отогнать от себя это мерзкое животное.

К нему подошла работница парка, подметавшая соседнюю аллею.

— Вам плохо, гражданин? — спросила она, тронув его за руку. — Может, вызвать скорую?

— Нет, мне хорошо, — он спрыгнул на землю и уставился на женщину. — Лучше прогоните или пристрелите эту мерзкую тварь. Не парк культуры и отдыха, а какие-то джунгли с гиенами…

— Мужчина, — удивленно посмотрела уборщица, — кого вы хотите застрелить? Тут кроме вас никого нет.

— Как этого никого? — взорвался гневом Роман Андреевич. — А это кто? Это что?!

Он злобно швырнул камень в ту сторону, где только что видел эту страшную вонючую тварь. Но там никого не было…

— Как же так?., — теперь он растерянно посмотрел на женщину. — Я ведь сам, своими глазами… Не понимаю… Куда она делась?..

Уборщица с сочувствием тронула Истрина за трясущуюся руку:

— Не волнуйтесь. Такое бывает, особенно в вашем немолодом возрасте. Сейчас такая жара, а мы не хотим себя поберечь. При такой высокой температуре нужно сидеть дома в прохладе, а не по городу ходить. Я вам расскажу одну историю. Мне самой, например, буквально позавчера…

Но Истрин не стал слушать, что случилось с этой женщиной позавчера. Он хотел полного покоя. И полной тишины. Поэтому пошел в сторону выхода из городского парка, то и дело оглядываясь по сторонам. Неужели ему и впрямь все померещилось? Но той страшной собаки нигде больше не было видно…

Дедов зовет

Они засиделись, не замечая времени: два старых друга, два профессора. За тихой неторопливой беседой была распита бутылка дорогого армянского коньяка, начата новая, и теперь перед ними стояли фарфоровые чашечки с давно остывшим кофе да янтарные грозди португальского винограда с остатками легкой закуски.

— Да, Женька, старики мы с тобой стали, настоящие старики, — вздохнул один.

— Это, дружище, с какой стороны посмотреть, — подмигнул ему второй и кивнул на выпитый коньяк. — Нынче не всякий молодой после такой дозы сохранит свежую голову и бодрость. Уж я-то знаю, на что способна нынешняя молодежь. Ни на что! Ни на что доброе, достойное подражания, восхищения, примера. Идет настоящее вырождение нации, полная деградация. Если не думать о будущем всерьез, не предпринимать никаких радикальных мер, то еще пару таких поколений — и на отечественной истории можно поставить жирную точку, а саму ее навсегда захлопнуть как прочитанную книгу.

— А ты тогда для чего со своими великими изысканиями? О тебе легенды ходят! — рассмеялся первый. — Впору присвоить еще одно ученое звание: «магистр-чародей». Кстати, давно хотел спросить: за что это тебя прозвали Графом? Титул, что ли, прикупил?

— Неплохая идея, — с усмешкой отреагировал тот. — Дворец собственный есть, во дворце всего полно. Чем не граф? Пора подкрепить все это соответствующим документом с гербовой печатью. Кстати, знаешь, мои предки в дворянах ходили. Вот и мне нужно дворянином стать, чтобы оправдать доверие публики, которая откровенно завидует и аж бесится от зависти. Да, Степа, дорогой ты мой! Поэтому, наверное, и прозвали Графом. Но я не обижаюсь: быть Графом, пусть даже без соответствующих документов, не так уж плохо. Пусть боятся, пусть завидуют, раз по-другому жить не умеют.

Граф — он же Женька, он же Евгений Васильевич Амелин, — был известным в научных кругах страны и даже за рубежом профессором экспериментальной медицины, руководителем центра проблем головного мозга. В его распоряжении, кроме исследовательского центра, находилась также небольшая клиника, занимающая старинный особняк в тихой городской зоне. И центр, и клиника были негосударственными учреждениями, числились на содержании учредителей-акционеров, в том числе и самого Амелина, которому принадлежало больше половины акций. Кроме того, их деятельность финансировалась за счет крупных грандов, пожертвований благотворителей и благодарных пациентов, среди которых были состоятельные люди: бизнесмены, политики, общественные и творческие деятели, а также их близкие родственники.

Евгений Васильевич жил рядом, в большом особняке, о роскоши которого по городу ходили легенды: изысканная мебель, антиквариат, бассейны, фонтаны, зимний сад, целый парк эксклюзивных иномарок в подземном гараже, прислуга, кухня, охрана… Его гостями были люди из самого высокого общества, приезжали иностранцы, да и сам он часто вылетал за рубеж, объездив и повидав весь мир.

Его же собеседником, с которым он коротал вечер, был тоже профессор, видный ученый-теоретик, но из другой области: Степан Степанович Харламов, по его собственному выражению, впитал любовь к философии с молоком матери, которая вела курс истории философии в крупном гуманитарном университете, слыла человеком незаурядного ума, интеллекта, энциклопедических знаний, что, видимо, с пеленок определило судьбу ее единственного сына Степы.

— Говоришь, завидуют? — Степан Харламов затянулся сигаретой. — У меня своих завистников хватает. Подхалимов тоже. А дураков вообще не перечесть! Откуда только берутся?.. Да, дружище, ты прав: обмельчали люди. Были гигантами, а стали людишками, муравьями…

— Нет, Степа. Я говорю, что не просто обмельчали, а вырождаются. Это намного опаснее.

Харламов хмыкнул:

— Все рано или поздно вырождаются, это неизбежный закон эволюции всего живого: зарождение, развитие, расцвет, закат и…

— Сказано: философ, — снисходительно улыбнулся Амелин. — Роетесь в своих бумажках, как черви в дерьме, и думаете, что все должно быть по вашим законам. А у нас, Степа, свои законы, которые вашим дадут приличную фору. Нет, я согласен: все когда-то отмирает, умирает, загнивает, но ведь всему живому можно продлить срок существования, а кое-что даже возвратить вспять. Ты имеешь дело с бумажками да книжками, а я — с живой материей, причем, настолько высокоорганизованной, тонкой, развитой, что могу и поспорить с тобой.

— Спорь — не спорь, а…

— Нет, дорогой, могу! И очень даже доказательно. Погоди…

Амелин поманил к себе неотлучно стоящего невдалеке помощника:

— Сережа, не в службу, а в дружбу: приведи нам из третьей палаты… Ты знаешь…

Тот кивнул и удалился.

— Хочешь испортить весь вечер? — Степан Степанович удивленно посмотрел на Графа. — Кого

ты решил позвать? Случаем, не из своих пациентов палаты № 6? Что за черный юмор? Никогда за тобой раньше не замечал.

— Во-первых, не из палаты № 6, а из третьей, — невозмутимо ответил тот. — Во-вторых, не пациентов, а одного пациента, с которым, надеюсь, тебе будет интересно познакомиться, пообщаться. А потом продолжим начатую полемику. Большая просьба: пообщайся с ним на разные темы, копни его интеллект поглубже. Мне это самому интересно. Ты ведь у нас не просто Степа, а дядя Степа-великан, гигант мысли!

На просторную открытую веранду, где они сидели и беседовали, вошел высокий подтянутый мужчина спортивного сложения средних лет. На нем были джинсовые шорты, стильная футболка, поверх которой, чуть выше груди, на цепочке висели очки для чтения.

— Проходи, сынок, составь компанию двум скучным старикам, — ласково пригласил его хозяин и велел помощнику подать еще одну чашку кофе. — Прости, что оторвал тебя от чтения. Что-нибудь интересное?

— Перечитываю Сапковского[34], — спокойно ответил тот, поздоровавшись с друзьями и присев за столик.

— Снова за «Ведьмака» взялся? — всплеснул ладонями Граф. — Я думал, что ты уже давно вырос из детства, чтобы зачитываться сказками.

— Там хороший польский, — спокойно ответил незнакомец, — хочу проверить свои знания.

— О, вы читаете в оригинале? На польском? — изумился философ.

— Не только, — ответил за незнакомца Граф. — Мы еще знаем арабский, французский, испанский, немного классическую латынь. Английский — само собой. У меня скоро предстоит поездка в Варшаву на международный симпозиум, хочу взять с собой Альберта. Кстати, познакомься, дружище: это мой воспитанник Альберт.

— Очень, очень приятно, — Степан Степанович расплылся в улыбке, протянув руку для знакомства. — Как я рад видеть людей, которые выделяются на фоне теперешней серой массы стремлением к знаниям, расширению кругозора. Дружище, я должен попросить у тебя прощения за то, что так нехорошо подумал…

Он осекся.

— Когда ты познакомишься с Аликом ближе, то удивишься еще больше и обретешь новые представления о нынешней молодежи, — рассмеялся Граф.

Профессор Харламов восхищенно посмотрел на Альберта:

— Позвольте спросить, а чем вы еще интересуетесь, кроме модной фантастики и языков?

Завязался оживленный разговор. Философ не скрывал удивления и восхищения, слушая рассуждения Альберта о древних и современных мыслителях, при этом тот свободно цитировал их труды. Потом речь зашла об искусстве, его тенденциях: и здесь собеседник показал развитый интеллект, знание творчества многих художников, писателей, поэтов, скульпторов, музыкантов. Потом коснулись истории, политических взглядов: всюду Альберт демонстрировал не только глубокие знания, но и прекрасную манеру общения, оставался тонким психологом, чувствующим настроение своего визави, угадывая, о чем тот хотел спросить.

— Браво, молодой человек, браво! — Харламов хлопал в ладоши, не переставая удивляться разносторонним знаниям Альберта. — Мое восхищение! Чувствуется хорошая школа, чувствуется блестящее образование, воспитание, дисциплина ума. Ах, как нашему обществу не хватает таких образованных, культурных, воспитанных людей! Как вы не похожи на своих ровесников, у которых уровень интеллекта и развития — ниже плинтуса. Наверное, учились в столице? Или вообще за рубежом?

— Будем считать, что так, — снова ответил за него Граф. — Хотя любой человек, стремящийся к знаниям, сегодня имеет столько возможностей, что не воспользоваться ими может лишь настоящий лентяй и лоботряс, не желающий шевельнуть пальцем для того, чтобы найти в этой жизни достойное место. Можно отучиться в столице и остаться круглым болваном, а можно достичь очень многого, живя, как поется в одной старой песенке, «далеко-далеко, где кочуют туманы».

— А почему вы тут, мой юный друг? — вдруг спохватился Харламов, вспомнив, откуда пригласили этого удивительного нового знакомого. — Неужто болезнь?

Альберт спокойно взглянул на хозяина и улыбнулся, ничего не ответив.

— Спасибо тебе, сынок, — тот обнял Альберта, тоже не став ничего объяснять. — Иди отдыхай, завтра ты мне нужен свежим и бодрым. Не загружай свой мозг лишним.

Альберт встал и в сопровождении помощника, который привел его сюда, удалился.

Харламов удивленно пожал плечами:

— Я так ошарашен, удивлен, что даже не знаю, о чем тебя спросить, прежде чем…

— Спрашивай самое первое, что пришло на ум, — смело сказал Граф. — Валяй!

— Самое первое?.. Не знаю… У меня все самое первое, самое главное и самое… непонятное. Кто этот милый юноша? Кем он тебе доводится? Ты ведь называл его сыном. Я не ослышался?

— Нет, не ослышался. Это мой сын.

— Но ведь у тебя…

— И что с того? Есть сыновья по плоти — их у меня двое, и оба оболтусы, — и есть сыновья по… Скажи мне откровенно, Степа: разве те книжки, которые ты строчишь, печатаешь, носишься с ними по всем своим коридорам, кабинетам, — разве они тебе не стают родными, как дети?

— Женька, конечно же! А как может быть иначе? Вкладываешь в них столько труда, энергии, нервов, здоровья, личного времени… Дети и есть, ты прав.

— Таким для меня стал и Альберт. Я очень хотел тебя познакомить с ним раньше, но это как та же книга, которая уже в типографии, ждет своего рождения, а у тебя просят почитать рукопись. Неинтересно, правда? Нетерпится дождаться самому, взять первый экземпляр, потрогать глянцевую обложку, ошутить запах свежей типографской краски… А уже потом красиво презентовать, дарить друзьям, коллегам. До сегодняшнего дня Алик не был готов к встрече. А когда зашел разговор об упадке человечества, его измельчении, я почувствовал, что пришло время для знакомства: и с Альбертом, и с моей тайной…

— Тайной? — быстро отреагировал Харламов. — Неужели это твой внебрачный сын?

— Степа, какой же ты циник… — махнул рукой Граф. — Вроде, философ, целый профессор, великий моралист, а мыслишь, прости меня, так цинично, узколобо, примитивно…

— А как прикажете, достопочтенный Граф, мыслить, когда ты…

— Давай лучше еще по стопочке? — предложил Амелин. — Боюсь, что без «допинга» ты запутаешься в своих догадках еще больше.

Они выпили. Граф закурил сигарету и не спеша начал рассказывать:

— Я начну с конца, то есть с твоего последнего недоумения, чтобы было легче объяснить все остальное. Итак, тебе интересно знать, кто такой Альберт, кем он мне доводится и почему здесь.

Харламов утвердительно кивнул.

— Постарайся, Степа, не упасть с кресла, но я скажу больше: Альберт — это человек будущего, почти новый Адам…

Вместо ожидаемого изумления Харламов громко рассмеялся:

— Эк, ты хватил, Женечка! Если этот милый юноша — новый Адам, то ты, выходит, новый Творец, Господь? Или Бог отправился в летний отпуск, не выдержав этой жарюки, а вместо Себя оставил тебя? На полставки!

И засмеялся еще заливистее. Но Амелин оставался невозмутимым.

— Нет, я, конечно, не претендую на право быть Творцом, — ответил он, — но кое-что из Его ошибок мы стараемся исправить.

— «Мы» — это кто? — успокоившись, поспешил уточнить Харламов. — Николай Вторый?

— Мы — это я со своими партнерами по науке, коллегами, которые понимают, за что взялись и как это делать. Итак, если ты хочешь ерничать дальше, то давай-ка еще по стопочке на сон грядущий — и разбегаемся. А если готов слушать и вникать, то я продолжу с твоего позволения.

— Женька, прости, пожалуйста, — тот обнял друга. — Ты так неожиданно свалил все в одну кучу: Альберта, Адама, Бога, себя самого, — что мне показалось, ты шутишь. Прости. Я готов тебя внимательно выслушать.

— Итак, кто такой Альберт… Я подобрал его на улице года два назад…

— Погоди, — снова не выдержал Харламов. — Что значит «подобрал»? Он что, вещь какая-то, которую можно вот так взять и подобрать?

— Хуже, Степа, гораздо хуже. Любую вещь, которую мы находим на улице, мы подбираем все же за какой-то надобностью, а этот человек был никому не нужен. Совершенно никому. Даже себе самому. Он не жил, а существовал: для чего, во имя чего — сам не знал. Кто-то давал ему кусок хлеба, кто-то угощал водкой, еще кто-то делился «травкой» — так и тянул день за днем, ночуя то в парке, то на вокзале, то в разных подворотнях, иногда прямо неподалеку отсюда, от моего центра. Собственно говоря, тут я его и заприметил. В этот момент он был еще в состоянии более-менее связно говорить. Так и разговорились. Выяснилось, что он воевал,

прошел через разные «горячие» точки, служил по контракту наемником. В обычной же мирной жизни места ему не нашлось, поэтому пошел на самое дно. Многие ребята с непростой судьбой, как его, часто оказываются в такой безвыходной ситуации.

Мы встретились еще раз, потом снова. Я увидел, что передо мной был неординарный человек: профессиональная подготовка, которую он прошел в войсках спецназа, и боевой опыт развили в нем много положительных качеств, прежде всего, острый ум, умение мгновенно все трезво оценивать и принимать правильные решения, психическую и психологическую выносливость, развитую интуицию. Кроме того, он имел великолепное физическое развитиеи умел правильно использовать свои возможности в любых условиях и ситуациях.

И что еще немаловажно: он преодолел те психологические барьеры, которые недоступны многим из нас, из-за чего развиваются разные комплексы, страхи, мании, психические болезни. Он не знал, что такое страх. Ему было безразлично: убить кого-то или умереть самому, у него не было страха смерти, страха крови, жалости к противнику, какого-то слюнтяйства, робости, нерешительности. И тогда я понял: это именно тот человек, которого я искал для своих научных экспериментов.

— Женя, — поморщился Харламов, — ты говоришь о нем, как о каком-то подопытном животном… Нельзя же так грубо…

— Степа, если бы я был чистым теоретиком, вроде тебя, бумажной крысой, рылся в разных бумажках, — это одно дело. Я же занимаюсь экспериментальной наукой. Понимаешь? Экспериментальной! И касаются эти научные опыты не каких-то железяк, пробирок, бумажек, а человеческого мозга.

— Жень, ты не обижайся, — Харламов заерзал к своем кресле, — но для твоих эсперимента, наверное, есть ведь разные кролики, мышки, рыбки, на которых можно…

— Нельзя, Степа, — остановил его Амелин. — Нельзя! Потому что мозг человека уникален, не сравним ни с кроликом, ни с рыбкой — ни с чем. Так человек создан: Богом ли, природой, эволюцией — это отдельная тема.

— Не хотел бы я стать жертвой твоих людоедских экспериментов, — совсем жалобно пискнул Степан Степанович. — Представляю, как это все…

— Нет, Степа, не представляешь! Ты даже близко не можешь себе представить, с чем я имею дело, — точно так же, как ты не можешь себе представить, кем был Альберт, когда я его впервые увидел и подобрал на улице: оборванцем, бомжом, от которого шарахались все нормальные люди, даже милиция.

— Прости меня, Женечка, дружище… Все это так странно…

— Помяни мое слово, Степа, — Амелин вдруг засмеялся, — когда ты все поймешь, то сам захочешь стать моим подопытным кроликом.

— Нет уж, уволь от такой перспективы…

— Так вот, — продолжил Амелин, — когда я понял, что Альберт- — это тот человек, которого давно искал, то предложил ему сотрудничество. Конечно, не «за так»: я взял его на свое обеспечение, помог восстановить силы, расположил к полному доверию. И лишь после этого…

Амелин задумался.

— Степа, задам тебе, как великому философу, один наивный вопрос. Как ты думаешь, наш мозг способен мыслить самостоятельно?

Харламов снова залился громким смехом:

— Наш мозг?! Женька, конечно же, нет, не способен! Мы думаем не мозгом, а задницей, особенно когда нам приходят такие оригинальные мысли. Ишь, до чего додумался! Оказывается, вот к чему привели тебя твои эксперименты!

Амелин плеснул ему коньяка:

— Выпей и возьми себя в руки. Я тоже всегда считал, что одна из основных функций нашего мозга — это его способность думать, вырабатывать, генерировать мысли: не чьи-то, а свои собственные. А когда натолкнулся на мнения других ученых, то всерьез задумался.

— Вот видишь! — хлопнул его по плечу Харламов. — Сам ведь себе и противоречишь! «Задумался». Не задним же местом! Головой, мозгами, извилинами, которые шевелятся в этой самой «думальне»!

— Погоди, не спеши. Есть такое мнение — оно, кстати, подтверждено научно, — что наш мозг подобен огромному коммуникатору, компьютеру или телефонной станции, где все провода подключены к трем главным порталам[35], откуда, собственно, и поступает импульс первичной информации, заряда для работы мозга. А уже мозг сам решает, принимать ему этот сигнал или отклонить, отвечать на звонок или пусть трещит себе дальше.

Первый такой портал — это мы сами, люди: наша сумма знаний, жизненного опыта, разных впечатлений, ощущений, воспоминаний, каких-то реакций, ассоциаций и много чего еще. Есть даже такая пословица: «У кого что болит, тот о том и говорит». То есть наша сущность подбрасывает в мозг пищу для размышлений по тому или иному поводу. С двумя другими порталами дело обстоит сложнее.

Амелин задумался.

— Женька, никак сам подключаешься? — хохотнул друг. — Может, хватит сюрпризов на сегодняшний вечер?

— Погоди, — тот оставался сосредоточенным. — Скажи мне, ты никогда не испытывал такого ощущения, будто тебе в голову кто-то хочет вложить чужие мысли, что-то навязать?

Харламов перестал смеяться:

— Да сколько угодно! И, между прочим, очень часто. Бывает, в голову такое лезет, такое прет, что сам пугаешься: откуда взялось? Прямо наваждение. Недавно, например, посмотрел я один фильм, товарищ посоветовал, и…

— А хорошее в голову просится? Но тоже не твое, а как бы со стороны?

Харламов пожал плечами:

— И хорошие мыслишки посещают. Даже оригинальные, особенно когда над чем-то корпишь, бьешься, терзаешься. И тут тебе раз! — словно подарок с неба: и выход, и подсказка, и идейка интересная.

— С неба, говоришь? — задумчиво переспросил Амелин.

— Ты же спрашиваешь, вот и отвечаю.

— Нет-нет, старина, все правильно. Просто уточняю, а ты подтверждаешь мои наблюдения, которые касаются природы двух других порталов, не имеющих начала в нашем собственном «я».

— Все-таки решил и меня сделать своим подопытным кроликом? — Харламов опять повеселел. — Чуть понятнее можно, как с телефонной станцией и телефонистками?

— Было бы можно, Степа, объяснил бы. Но для меня самого тут столько всего непонятного, что… Хотя за ниточку, проводок одного портала я ухватился. Помогла моя сотрудница, которая владеет какими-то древними ведическими[36] знаниями.

— Какими-какими?! — изумился Харламов. — Ведическими? Женька, а шаманов, астрологов, хиромантов, цыганок у себя в штате не держишь? Ты хоть знаешь, что такое веды?

— Степа, я занимаюсь серьезной наукой. Серьезной настолько, что я вижу себя в ней словно висящим над бездонной пропастью. Есть такие тайны, что я бессилен постичь их научными методами. И если мне готовы помочь люди, владеющие нетрадиционными или малоизученными знаниями, пусть даже на первый взгляд псевдонаучными, я готов прислушаться к их мнению, а если необходимо, то и сотрудничать. Поэтому прошу не переводить все, чем с тобой делюсь, на анекдот, шутку. Эта женщина помогла найти мне ключ, шифр к одному из двух порталов, через который я уже с помощью своих методик воздействовал на мозг Альберта и загрузил его той суммой знаний, навыков, установок, которые помогли превратить его из социально опасного типа, наркомана, бомжа в того человека, которого ты видел и с которым общался.

Харламов обомлел.

— Как это «загрузил»? Как в контейнер или мешок?

Амелин рассмеялся:

— Скорее, как в компьютер, который имеет неограниченный объем памяти. Не гигабайты и терабайты, а бесконечность. Поэтому я могу туда заливать знания какие угодно и сколько угодно. Теперь мне это почти под силу. Осталось кое-что уточнить, опробовать, объяснить с чисто научной точки зрения. Чтобы, как ты выражаешься, не пахло шаманством, цыганщиной и другими нехорошими вещами.

Степан Степанович вконец растерялся. Амелин сел поближе к нему.

— Объясню тебе еще проще. Вот ты — ученый, гигант научной мысли, блестящий ум…

— Ну, это уж слишком, Женечка…

— Ладно, скажем скромнее: обладаешь незаурядным умом. Как ты всего добился?

— Точно так же, как и ты, и многие, кто занимается наукой: трудом, обогащением себя знаниями, открытием новых. Не воровством же, не плагиатом.

— Вот-вот, это я и хочу сказать: много учился, корпел над книжками, грыз гранит науки,

прежде чем сказать свое собственное слово. То есть шел веками проверенным способом, который называется как?

— Конечно же, аналитический. Что ты меня как студента-первокурсника спрашиваешь?

— Говорю же, чтобы легче понять все остальное. Итак, мы оперируем аналитическим мышлением, идя от частного к общему, от периферии к центру. А есть метод прямо противоположный этому: синтетический, когда, владея неким универсальным знанием, мы можем применять его, как ключ, чтобы сразу постичь любые частные.

— Ну, братец, это уже из области фантастики, — рассмеялся Харламов. — Расскажи мне еще про Атлантиду или инопланетян.

— Зачем? Могу рассказать тебе, например, о египетских жрецах, которые владели доступом к этому древнему знанию и получали его не так, как-мы, — многолетней зубрежкой, долбежкой, опытами, пробами, ошибками, — а сразу, благодаря тайнам особого духовного озарения. После этого им не стоило особого труда совершать дела, которые нас поражают до сих пор, не вписываются в рамки нашего опыта, знаний, законов, и которым мы не можем найти вразумительного научного объяснения. Раз ты вспомнил Атлантиду, то вспомни и Шамбалу: никто научно не доказал реальность их существования, но и не опроверг. На нашей планете есть много реальных объектов, появление и назначение которых превышает всяческий человеческий ум и знания. А ведь они были для чего-то созданы. Кем-то. И есть много таких же таинственных мест, личностей…

Харламов вздрогнул и испуганно посмотрел на Амелина:

— То есть ты хочешь сказать, что…

— Да, Степа, именно это и хочу сказать: я приближаюсь к тому, что с помощью тайны трех порталов смогу любого бомжа, отъявленного уголовника, мерзавца превратить на вполне добропорядочного человека, с высоким интеллектом, культурой, манерами поведения. Впрочем, наоборот могу тоже. Но тебя, моего лучшего друга, это не касается.

— Погоди, — Харламов не мог прийти в себя, — значит, этот молодой человек, Альберт, может…

— Степа, не может, а уже есть! Альберт — это, если хочешь, предтеча нового общества, даже новой человеческой расы, если угодно. В этом обществе не будет воров, убийц, мафии, торговцев героином, разных дельцов и обманщиков. А исчезнут они — не будет войн, не будет обманутых, разочарованных, голодных, нищих, оборванных, озлобленных. Люди будут наслаждаться полнотой жизни, наполнять себя знаниями, культурой. Разве это плохо? Скажи мне как мудрец-философ.

Харламов от волнения вспотел.

— Я не мог даже предположить, Женя, что Альберт…

— Кстати, он вовсе не Альберт, а… Впрочем, для тебя это не имеет никакого значения. Он стал совершенно новым человеком, даже по имени. Как, Степа? Говоришь, что хотел бы таких людей побольше? Представь, если таким будет все общество! А, как тебе?

Харламов не знал, что ответить.

— Наверное, Женя, это уже будет не просто общество, а настоящий рай… Но ведь все счастливы быть не могут? А кто-то, возможно, и не захочет, чтобы его мозг подключали к каким-то проводам или каналам, наполняли знаниями, информацией. Кто-то восстанет против насилия над его волей. Ведь твои эксперименты — это все-таки насилие над природой мозга, пусть даже с согласия того, в чьей голове он находится. Сам-то как думаешь?

— Ты прав, Степа: счастья на всех не хватит. И не только его: еды, воды, земли — тоже. Думаю, можно будет с помощью тех же разумных технологий сначала довести население планеты до того самого «золотого миллиарда», о котором так много разговоров[37]. Только прошу тебя, дружище, не заводи ненужную мораль: дескать, как можно, это так негуманно!.. А гуманно наблюдать, как на нашей планете сотни тысяч людей ежегодно умирают от голода, эпидемий, природных и техногенных катастроф? Гуманно ли уничтожать друг друга войнами, накапливать на голову человечества целые горы смертоносных вооружений, тратить на это астрономические суммы в миллиарды долларов? Люди новой генерации, подобные Альберту, будут думать не об уничтожении, а созидании. И уже в этом обществе можно будет культивировать то, что ты назвал земным раем.

— Мне уже хочется дожить до того райского времени, — мечтательно сказал философ. — Но, как говорится, рад бы в рай, да годы не пускают.

— Продолжительность жизни тоже будет подвластна тем, кто до конца раскроет тайны мозга. Поэтому, Степа, не спеши в могилу. Глядишь, еще успеешь вкусить райских яблочек!

Они говорили еще долго о перспективах и возможностях общества новой генерации людей. Войны, голод, болезни — все уйдет в прошлое, станет достоянием учебников по истории.

Неожиданно Харламов оживился:

— Ты не рассказал мне еще об одном, третьем источнике, который включает работу нашего мозга. Первый — это наша собственная природа, второй тебе помогла нащупать какая-то ведунья. А третий? О нем что известно?

— Практически ничего. Кроме того, что тот, кто сумеет постичь его тайну, получит власть над всем: здоровьем, благополучием, талантами, умом, жизнью, смертью — абсолютно над всем.

— Женечка, ты, случаем, не решил потеснить Бога? Ведь если ты сможешь сделать, о чем говоришь, то переплюнешь не только доктора Фауста[38], но и Самого Творца. Тебе не кажется?

— Степа, трудно быть Богом. Помнишь такую книжку[39]? Нет, я не претендую ни на чьи права, но если существует какой-то Творец, то мы поможем Ему исправить некоторые недоделки, которые Он совершил во время сотворения мира. Согласись: создать мир и человека за считанные дни — можно ведь многое упустить, будь ты хоть семи пядей во лбу, хоть Самим Богом. В человеке очень много внутреннего несовершенства, он обречен на болезни, старение, смерть, и все это, в большинстве случаев, по моему глубокому личному убеждению и наблюдениям, — тоже от несовершенства головного мозга. Животные, как и люди, обладающие мозгом, ведут себя намного благороднее: заложенные в них природные инстинкты руководят всем их поведением — от появления на свет и до самой смерти.

— Дружище, — снова всплеснул руками Харламов, — ты еще сравни человека с телеграфным столбом. Животные… Разве у них такая душа, как у человека?

— Степа, — Амелин снисходительно посмотрел на друга, — ты, случаем, в церковь не ходишь? Душа — глубоко антинаучный термин. Это попы любят рассуждать о душе и прочей чепухе. А я, Степа, — ученый! Ученый-практик, исследователь! Мне знакома каждая клеточка, каждая извилинка мозга, я его рассмотрел, просканировал вдоль и поперек — и нигде не увидел никакой души. Вот не видел я ее, Степушка! Пусть я дурак и слепой, но приборы, что у меня в руках: электронные микроскопы, лазерные сканеры, другая высокоточная техника — от них не скроется ничего. Через мои руки прошли тысячи людей — и ни в одном из них я не видел никакой души, даже следа ее присутствия. Все видел: болезни, опухоли, сложные мозговые процессы — но не душу. Поверь: это антинаучное понятие. Любая тайна рано или поздно поддается научному объяснению, а через это объяснение — научному воздействию, как ты сам видел на примере Альберта. Но душа — поповщина чистой воды. Я не верю в ее существование, поэтому смело иду путем научных объяснений и научных экспериментов. И верю, что обязательно найду ключ к третьему порталу информации, которая воздействует на мозг. Скажу по секрету: я близок к раскрытию этой тайны. И поможет мне…

Он строго взглянул на Харламова:

— Не будешь смеяться? Обещаешь?

— Женечка, да какой может смех после всего, чем ты меня напугал?..

— Мне поможет мой покойный дед.

Степан Степанович поперхнулся кофе.

— Ну да… Ты его воскресишь, омолодишь, потом зайдешь в его мозг, а потом…

— Дурак ты, Степа, хоть и профессор. Никого я не собираюсь воскрешать. Мой дед был мудрым человеком и позаботился о том, чтобы его не беспокоили в могиле. Ты его хоть немного помнишь?

— Деда Пашу? Отлично помню. Огурчиком до последнего дня оставался: подтянутый, аккуратный, без всяких стариковских «мозолей» на животе и маразма. Вот это был человек! Достойно прожил и достойную память оставил.

— Да, ты прав. Однако мне, кроме доброй памяти, он оставил еще кое-что…

— Ну, это самой собой… Был при больших чинах, в почете, поэтому…

— Опять понесло тебя не в ту степь. Он ведь увлекался интересными вещами, из-за чего близкие друзья, знавшие об этом, смотрели на него, как на чудака. Дед хотел… заглянуть в будущее.

— И что с того? — удивился Харламов. — Кому не интересно? Мне, например, тоже. Я не вижу в этом никакого чудачества. В каком-то смысле даже естественно.

— Да, но его увлечение было настолько серьезным, глубоким, что он оставил мне кое-что из своих записей. Тогда, в силу своего возраста, я не мог понять его мысли. Мне нужно было повзрослеть, поумнеть. Теперь же, когда пришло время, я считаю их больше, чем размышлениями по поводу, а дедовским заветом мне, его прямому наследнику и потомку.

— И что же в нем, если не секрет?

— В нем он указал путь к разгадке тайны, над которой я пока что безуспешно бьюсь: тайны третьего портала воздействия на мозг.

Харламов окончательно растерялся.

— Женя, прости меня… В твоем рассказе так все переплелось… Дед, помнится, был кадровым военным, служил в органах государственной безопасности. Ты же занимаешься экспериментальной научной деятельностью, к тому же в такой тонкой, малоизученной сфере, что я не могу понять, как связать все в один узел, привести к одному знаменателю? Дед, органы КГБ, мозг человека, какой-то портал информации, таинственные знания, египетские жрецы, твоя сотрудница-колдунья… Прости меня, но я…

Амелин обнял друга:

— Степа, я тоже мучительно пытаюсь найти логику между всем этим, внутреннюю связь, чтобы добраться до главного. Пока известно лишь то, что еще где-то в конце 30-х годов, перед самой войной, дед, занимаясь расследованием уголовных дел на «врагов народа», вел дело на одного арестованного священника. Что-то их связывало до ареста: может, были просто знакомы. И они договорились встретиться, чтобы продолжить спор о том, что ждет нашу страну через семьдесят пять лет. Дед был ярым большевиком, участником революции, поэтому свято верил в дело бесповоротной победы ее идей во всем мире, в торжество СССР, а тот священник, напротив, предрекал неминуемую гибель советского строя и еще кое-что.

Харламов улыбнулся:

— Жаль деда Пашу: выходит, проспорил пари. Вчистую проспорил! Придется тебе, Женька, выставлять за него.

И рассмеялся.

— Погоди ты со своим ослиным юмором, острослов. Итак, они, то есть мой дед и его подследственный священник, договорились лично встретиться и лично во всем разобраться. Оба твердо верили, что это возможно. Верили настолько крепко, что даже назначили конкретную дату своей встречи.

Амелин сделал паузу, посмотрев на друга. Тот же заерзал в кресле:

— Женька, ты на меня уже столько страха нагнал, что я не знаю, как доберусь домой…

— Доберешься. Назначенная встреча должна произойти очень скоро: 10 октября.

— Этого года?! — изумился Харламов.

— Да, этого. Через два с небольшим месяца. Открою тебе еще одну тайну: во мне с каждым днем зреет предчувствие, что участником этой встречи стану я. Причем, не посторонним, а прямым, непосредственным участником: дед через меня будет общаться с тем, кто… Впрочем, это тебе не нужно знать. И через эту загадочную встречу мне должен открыться ключ к тайне третьего портала. Дедов завет — это ключ к разгадке моей главной научной тайны, за которой… Степа, мне самому бывает страшно, когда я думаю, чего можно будет добиться, раскрыв ее, — настоящих чудес!

Харламов, не говоря ни слова, налил себе коньяка.

— Женя, — тихо попросил он, выпив одним махом, — я, наверное, поеду домой… Мне тоже страшно… За тебя, за себя, за твоего деда, за наши бедные мозги… Отпусти меня, пожалуйста… Не грузи больше никакими тайнами и сюрпризами. На сегодня хватит.

— Хватит, так хватит, — Амелин распорядился проводить гостя к выходу и дать охрану.

Оставшись один, он налил себе немного коньяка и выпил.

— Хватит, так хватит… — задумчиво сказал он. — А я хотел открыть тебе еще одну тайну дедова завета. Он ведь поручил мне, своему родному внуку, привести в исполнение приговор, которым грозил тому попу. Я должен завершить то дело, которому свято служил дед. Я! И тогда мне откроется тайна сотворения человека. Впрочем, Степа, зачем тебе все это? Ты — такой же червь: в моем обществе тебе и таким, как ты, не будет места…

Кризис

Роман Андреевич не мог понять, что с ним происходит. Ему казалось, что после визита в архив случилось нечто похожее на отравление: постоянно мутило, кружилась голова, охватывали навязчивые страхи, а по ночам терзали такие же видения, напоминавшие кадры из фильмов ужасов. Во всем теле он чувствовал нарастающую слабость, недомогание, отвращение к еде. Ничего не хотелось: ни работать, ни отдыхать, ни читать, ни есть… В голове все шло кругом, плыло, мелькало обрывками разных впечатлений, воспоминаний, образов, слов, мелодий… А тут еще Эля пристала к нему с просьбой прочитать рукопись какого-то сумасшедшего. То, что ее автор был нездоровым человеком, не требовало особых доказательств. Все, что он изложил на двух десятках страниц, исписанных неразборчивыми закорючками, представляло бред ничем не связанных между собой фактов, утверждений, гипотез, выводов, противоречащих не только науке, но и вообще здравому человеческому смыслу. Истрин отшвырнул эту муть, найдя в себе силы прочитать всего несколько строчек, но Эля стояла над ним и умоляла читать снова и снова, объясняя свою настырность обещанием похлопотать за автора.

— Ромочка, котик, — плаксивым голосом упрашивала его, — я и сама понимаю, что это кака, но я обещала, что найду человека, перед авторитетом которого ему некуда будет деться. Твой же авторитет в науке не просто высок, а непререкаем. Прошу тебя, дочитай до конца. А я тебе за это…

И начинала чуть не насильно пичкать пирожными, да еще заставляя слизывать крем то со своего пальчика, то намазывая его собственный. От этого баловства, ребячества уголки страничек рукописи быстро стали засаленными, в жирных пятнах.

— Элечка, как ты в таком виде возвратишь своему знакомому его «гениальный» опус? — ворчал Истрин. — Хоть это все достойно того, чтобы без малейшего сомнения и терзаний совести бросить в мусорный ящик, но все равно придется ведь возвращать…

— Рома, когда я ему скажу, из чьих это рук, какой выдающийся человек снизошел до того, чтобы все прочитать, он будет хранить его, как величайшую святыню, музейную реликвию. Ты не можешь себе представить, какой это олух! Но я пообещала, Ромчик… Прости меня, больше не бу-у-у-ду…

И снова усаживала читать, не переставая пичкать пирожными и заставляя облизывать слипшиеся от приторного крема пальцы.

Заметно нарастающее болезненное состояние Истрина не могло укрыться от наблюдательной

Эли. Она видела, что ему становится хуже и хуже: ночью он метался, бредил, несколько раз вставал, а днем был то агрессивным, то вялым, апатичным.

— Ты, случаем, не беременный? — игриво спросила Эля, когда тот лежал в постели, тупо уставившись в потолок. — Очень похожие симптомы, очень… Между прочим, один мой хороший знакомый говорил, что в недалеком будущем мужчины при желании смогут прекрасно выполнять детородную функцию, которая сегодня лежит только на женщинах. Представляешь, как будет классно? Мужик зачал, выносил, родил, пошел в декретный отпуск, а женщина станет свободной, как птица!

— Радость моя, это тебя обрадовал не тот генетик-ботаник, который в мозгах копается? Ты о нем что-то рассказывала…

— Он самый, Рома.

— Тогда понятно, зачем в чужие мозги лезет. Потому что своих маловато. Сморозить подобную глупость мог такой же «профессор кислых щей», как и твой «грамотей», который меня буквально изнасиловал своей шизофренией.

Эля громко расхохоталась:

— Ага! Не отрицаешь! Было дело! А беременность от изнасилования тоже частенько случается. Короче, Рома, готовься стать мамкой-кормилицей!

И залилась смехом еще громче.

Но Роман Андреевич не был настроен поддерживать это веселье. Он ощущал нарастающую боль, страшную тяжесть в голове, потемнение в глазах, чередовавшееся со вспышками странных видений. В таком состоянии Эля настояла, чтобы он согласился показаться профессору Амелину. Она сама позвонила ему, и тот назначил встречу.

Когда они вошли в его рабочий кабинет, Истрин едва держался на ногах: почти безумный взгляд бегал по сторонам, ни на чем не задерживаясь; сам Роман Андреевич трясся — не то от страха, не то от внутреннего возбуждения…

— Да, голубчик, — бегло осмотрев его, произнес Амелин, — не бережете вы себя совершенно. Работа, умственное напряжение, эмоциональные нагрузки… Плюс, наверное, друзья, подружки? Угадал? Шалите, батенька? Вот и результат. Вам — проблемы, нам — работенка. Что же, двинем, как говорится, вглубь вашей беды.

Он сам проводил Истрина в отдельный кабинет, где с помощью ассистентов уложил на специальную кровать, а на голову надел что-то вроде шлемофона летчика или космонавта: прозрачный колпак с многочисленными датчиками и контактами.

— Сейчас мы, голубчик, увидим всю вашу подноготную, — тихо сказал Амелин, проверяя подгонку оборудования. — Все будет как на ладони… И дела, и делишки. Без всякой исповеди. Я считаю, что в будущем такой чудо-прибор установят в каждой церкви, куда люди идут, чтобы очистить свою совесть. Батюшка грешнику на голову колпачок со сканером наденет, сам за монитор — и можно ни о чем не спрашивать, все будет ясно без лишних слов.

Истрин затрясся еще больше, порываясь встать с места, но Амелин удержал, успокоив:

— Это шутка, голубчик. Всего лишь шутка. Я только осмотрю состояние вашего мозга:

возможно, есть какие-то очажки воспаления или уже развивается микроинсульт. Зачем вам лишние проблемы? Ко мне с подобными бедами каждый день обращаются.

— А вы, — он повернулся к стоявшей рядом Эльвире, — пройдите в соседнюю комнату. Мы в лишних помощниках не нуждаемся, а в свидетелях разговора — тем паче. Пройдите, голубушка: там познавательные журнальчики, можете попросить себе чашечку кофе… Не стесняйтесь, у нас обслуживание пациентов и отношение к ним все-таки выше уровня рядовой больницы.

Та кокетливо улыбнулась.

— Вы так настойчиво просили за своего друга, — Амелин кивнул на трясущегося Истрина, — так о нем беспокоились, что я просто обязан вырвать его из лап смерти.

Оба рассмеялись, а Роман Андреевич жалобно застонал от перспективы стать покойником.

— Оставьте нас наедине, любезная, — повторил просьбу Амелин, улыбнувшись Эле.

Та прошла в соседнюю комнату. Но там не было ни обещанных журналов, ни кофе, а такой же прозрачный шлемофон с многочисленными контактами подключений и светящийся монитор. Быстро и умело надев наушники и шлемофон, Эльвира пробежала пальцами по клавиатуре стоявшего перед ней компьютера и сказала в подключенный микрофон:

— Я готова, Граф. Расслабь его мозг, но не до состояния транса. Как только портал информации будет открыт, я дам сигнал — и он твой. Все, работаем!

Истрин между тем вел себя очень беспокойно, непрерывно ерзая:

— Доктор, а это не слишком больно? Стыдно признаться, но я очень чувствительный к боли. И впечатлительный. Сколько себя помню… Смешно, правда? Такой старый и…

— Нет, голубчик, не смешно, — ответил Амелин, тоже прильнув к монитору, где появились понятные лишь ему алгоритмы состояния мозга пациента. — С мозгом не шутят… Мозг не понимает юмора, поэтому может ответить на него так неудачно, что мы вас прямо отсюда отправим в другое отделение.

— Какое, если не секрет? — тревожным голосом поспешил уточнить Истрин.

— В котором производят вскрытие. И там же устанавливают причину смерти.

Роман Андреевич даже не застонал, а както жалобно заскулил, на что Амелин похлопал его по руке:

— Это снова шутка, успокойтесь. Мы любим шутить с пациентами. Шутка помогает расслабиться, а это как раз то, что вам необходимо сделать: полностью расслабиться. Надеюсь, это вам тоже поможет…

Истрин услышал, как из наушников шлемофона полилась тихая музыка: дивная, необыкновенная, звуки инструментов смешались со звуками живой природы, шепотом ветра, журчанием лесного ручья… А его обоняние уловило такие же дивные запахи: что-то совершенно неземное, волшебное… Шторы на окнах бесшумно опустились, в комнате наступил полумрак. Тихо поднявшись из-за стола, с надетыми наушниками и рабочим микрофоном, Амелин подошел к окну и встал спиной к Истрину.

— Можешь начинать, — услышал он голос сидевшей через стенку Эльвиры.

— Итак, Роман Андреевич, — Амелин переключил микрофон на контакт с Истриным, — я вас спрашиваю, вы отвечаете. Ответы четкие, лаконичные, в тех словах и фразах, какие подсказывает мозг, без всякой обработки. Не приходилось ли вам испытывать психическое состояние, похожее на раздвоение личности?

— Один мой хороший друг как-то рассказывал мне… — затараторил в микрофон Истрин, но Амелин сразу остановил его:

— Я не о друге, а о вас. Лично о вас. Отвечать быстро: вам знакомо состояние раздвоения личности.

— Да, доктор, меня это очень сильно беспокоит и пугает.

— Как давно началось? Когда вы реально ощутили в себе это тревожное состояние?

Истрин замялся.

— Повторить вопрос? — услышал он жесткий голос Амелина.

— Нет, я все понял. Просто мне немного стыдно…

— Повторить вопрос?

— Я начал испытывать внутреннее беспокойство, сблизившись с ассистенткой своей кафедры, которая… Ну, вы понимаете…

— Когда состояние обострилось? Когда вы почувствовали ухудшение?

— После посещения архива.

— Зачем вы туда ходили? Что искали?

— Это не я… — замямлил Истрин. — На этом настояла Эля. Она была уверена, что там я найду разгадку к своим навязчивым снам.

И Роман Андреевич наспех рассказал о мучивших его в последнее время ночных видениях, преследовавших страхах, отвратительных запахах, а также ассоциациях с некими секретными архивными материалами.

— Вы нашли в этих папках подтверждение своим снам?

- Да, доктор…

— В чем была главная тайна?

Истрин молчал, испытывая снова прилив мистического страха.

— В чем главная тайна?

— Я не могу, доктор… — умоляющим голосом сказал Роман Андреевич.

— В чем главная тайна? — неумолимо требовал Амелин.

— В том, что я являюсь прямым наследником агента НКВД… Мой родной дед был доносчиком, сексотом, осведомителем, писал доносы на священника, при котором служил церковным старостой, сообщал в органы на других прихожан…

— В чем происходит раздвоение вашей личности? Вы чувствуете вину деда или его присутствие в себе?

— И то и другое, доктор! Меня не покидает ощущение, что мой родной дед продолжает жить во мне, а его дело, которым он занимался…

— …живет и побеждает, — послышался немного насмешливый голос Амелина. — Как ленинский завет.

— Мне совсем не смешно, доктор… Это так страшно…

— А сейчас, сию минуту, вы ощущаете в себе присутствие своего дедушки?

— Как вам сказать, доктор…

— Так и сказать: да или нет?

— Да… Но я не могу сказать, что именно: я испытываю присутствие в себе неведомого духа, фантома, образа… И это все связано с моим покойным дедом, который…

Истрин начал взволнованно дышать.

— Не перегружай, канал еще не слишком активен, — Амелин услышал голос Элеоноры и переключился на Истрина:

— Передохните немного, расслабьтесь.

Опять полилась тихая нежная музыка, грустное пение неведомого хора, похожее на сонм Ангелов, появились новые тонкие ароматы. Роман Андреевич начал впадать в полузабытье.

— Теперь, Граф, не теряй времени, — послышался голос Эли. — Действуй, действуй!

И Амелин пошел атакой на Истрина.

— Продолжим, Алексей Степанович… — властно сказал он.

— Алексей Степанович? — не сразу отреагировал Роман Андреевич. — Вы назвали меня Алексеем Степановичем. Но ведь я…

— Разве вы кто-то другой? — тем же властным голом спросил Амелин. — Думаете играть с нами? Значит, сигналы, которые поступают в органы госбезопасности, подтверждают, что вы — вовсе не тот человек, за которого себя выдаете. К вам нет доверия.

— Нет-нет, я действительно Алексей Степанович Бурлаков, — Истрин лежал с закрытыми глазами, боясь шелохнуться.

— Посмотрите сюда, — услышал он приказ в наушники. — Может, меня вы тоже видите впервые и не знакомы со мной?

Истрин открыл глаза и увидел в проеме окна с приспущенными шторами контур человека: это

был офицер с портупеей и кобурой нагана на поясе.

— Я узнал вас, товарищ следователь, — прошептал Истрин.

— Тогда не смейте играться в прятки! Следствию известна вся ваша подноготная. Когда, при каких обстоятельствах вы были завербованы в органы НКВД? Кем именно?

— Во время встречи с Пианистом, в самом начале 30-х. Имени и фамилии этого человека я не знаю. Он показал мне документы, подтверждающие, что он сотрудничает с органами контрразведки ГПУ под агентурным псевдонимом «Пианист». Мне кажется, я встречал этого человека еще до революции. Возможно, раньше он где-то музицировал… Первый раз мы встретились в парке, потом несколько раз на конспиративной квартире. Каждый раз я угощал его.

— Кто был инициатором встречи? Пианист?

— Нет, товарищ следователь. Я сам искал удобной встречи с работниками органов, чтобы сообщить о священнике Авдееве, который во время проповедей и частных бесед распространял враждебные слухи о грядущей войне с немцами, и о развале Советского Союза, о поражении партии большевиков. Я располагал многими другими фактами о его реакционности, враждебной настроенности к советскому строю. У него дома часто собирались попы и монахи, которых выгнали, бывшие белогвардейцы…

— Гражданин Бурлаков, вы хотите выкрутиться! Если бы не ваш арест, вы бы продолжали молчать и покрывать врага народа Авдеева!

— Я говорю правду, товарищ следователь! Я всегда, с первого дня одобрял политику большевиков, пытался убедить Авдеева быть более лояльным к советской власти, сотрудничать с органами государственной безопасности, разоблачать врагов среди прихожан, но этот священник — настоящий фанатик староцерковной ориентации, убежденный «тихоновец»[40], активный проповедник его вражеских идей. И все, кто группируется вокруг него, — такие же фанатики и тайные агенты, враги нашего народа. Я сам искал встречи, чтобы обо всем рассказать, пока меня не свели с Пианистом. Не могу знать, куда он исчез после того, как мы начали сотрудничать…

— Пианист оказался таким же врагом, предателем и изменником. За это был расстрелян…

— Я знал, товарищ следователь, я чувствовал, что он очень ненадежный человек! Вся эта старая интеллигенция очень ненадежна. Я информировал органы во время следствия по своему делу, давал показания, есть свидетели, я не обманываю…

— Значит, вы пошли на сотрудничество с органами госбезопасности по своей доброй воле, без принуждения?

— Да, товарищ следователь! По долгу совести советского гражданина, а этот долг обязывает каждого проявлять высокую бдительность, особенно теперь, когда вокруг…

— Гражданин Бурлаков, следствие дает вам еще один шанс доказать свою преданность советскому государству, — оборвал его Амелин.

— Я сделаю все, что прикажете, — взволнованно ответил Истрин.

— Вы поможете нам ликвидировать последнее вражеское логово Авдеева.

— Но разве…

— Нет! Не разве. Вам необходимо внедриться в доверие внуков священника Авдеева. Их двое. Нам нужны оба.

— И что, оба — враги?

— Оба — прямые наследники священника Андрея Авдеева, приговор по делу которого до сих пор не приведен в исполнение. Это сделаем мы. Но непосредственно с вашей помощью, гражданин Бурлаков.

— Какова моя роль?

— Инструкции через нашу сотрудницу.

— Как я ее узнаю? Чтобы не ошибиться, товарищ следователь, как с Пианистом.

— Она сама выйдет на вас…

— Может, хватит? — услышал Амелин голос Эльвиры. — Боюсь, нам потом будет очень трудно вывести его из этого состояния. Мне кажется, он слишком глубоко вошел в новый образ. Да и ты тоже… Все узнал, что хотел?

— Да, голубка, давай сворачивать. Он немного поспит, а мы пойдем побалуемся кофейком.

Когда Истрин проснулся, то обнаружил себя уже не в кабинете, где его обследовали, а в удобном и мягком кресле. Он сладко зевнул и потянулся. Увидев Амелина и Элю, мило беседующих за столиком, удивленно осмотрелся:

— А как же… Ничего не понимаю…

— Вот так и совершаются самые страшные преступления, дорогой Роман Андреевич, — засмеялся Амелин и обнял его. — Сначала натворим что-нибудь, а потом: «Ничего не понимаю, ничего не помню».

— Но я действительно ничего не помню…

— Вы, любезный, так переутомились, так перегрузили свой мозг работой, что он вошел в стопор, крутое пике, жалея вас, дабы не приключилось большой беды. У вас прекрасная иммунная система, нормальные мозговые процессы. Пока вы отдыхали, мы вас немного разгрузили от ненужных эмоциональных, психических нагрузок, и теперь вы снова, как малосольный огурчик. Элечка, думаю, с удовольствием его съест.

— Я действительно уснул… Странно. И такое снилось, такое плелось! Если бы кто знал…

— Рома, не рассказывай о своих эротических фантазиях, я умоляю, — прыснула Эля.

— Роман Андреевич еще полон сил, чтобы осуществить любые, даже самые невообразимые фантазии, — Амелин многозначительно подмигнул Истрину. — Вам ведь лучше после нашего осмотра и профилактики?

— Конечно! Несравненно лучше! Во всем теле такая свежесть, бодрость, словно я родился заново. Доктор, я ваш вечный должник, — Истрин вежливо раскланялся перед Амелиным.

— Как говорится, свои люди — как-нибудь сочтемся. А вечного ничего нет, все преходяще.

Они тепло расстались.

— Теперь внимательно наблюдай за ним, — сказал на прощанье Амелин, оставшись ненадолго с Эльвирой. — Программа запустится скоро.

— К чему такая спешка? — удивилась Эля. — Что, сроки поджимают?

— Считай, что так. Не задавай глупых вопросов, а выполняй, что говорят.

Та уже пошла к машине, когда Амелин остановил ее:

— Не забывай, что ты тоже моя должница. Почти заложница. Вздумаешь со мной играться…

Эльвира ничего не ответила. Она знала, что Амелин прав.

Отец Федор

Отец Федор был из породы тех людей, о которых говорят, что из них можно ковать гвозди. Перешагнув уже за восьмой десяток, он сохранял поразительную бодрость, живость, трезвость ума, ясную память и рассудительность в любых вопросах, с которыми к нему все время обращались десятки людей разных возрастов и профессий. Стройный, всегда подтянутый, с длинной седой бородой, живым горящим взглядом, — в нем не было и намека на то «стариковство», которое «липло» ко многим его ровесникам. Ко всему прочему он оставался бодр физически, успевал обрабатывать небольшой огородик возле дома, где жил, следить за чистотой и порядком. В гараже, рядом с домом, стояла такая же старенькая, но еще вполне работоспособная, шустрая, как и ее владелец, «Победа»[41] — единственная привилегия, которой воспользовался отец Федор, как фронтовик, когда ему к очередному 9 мая предложили обзавестись личным автомобилем. Хотя в личных целях он им и не пользовался: в основном же — объезжая многочисленных прихожан и духовных чад, откликаясь на просьбы совершить на дому требы, помолиться. Будучи давно за штатом, он не отказывал своим собратьям, когда те приглашали его послужить с ними в храме. Совершение Божественной литургии для отца Федора всегда было настоящим праздником, хотя он сильно скорбел, чувствуя нарастающую слабость в ногах.

В отношениях с людьми, которые шли к нему за духовным советом, отец Федор был всегда ровен, приветлив, не разделяя никого на «особо приближенных», обласканных его вниманием и чем-то обделенных. Он не принимал в свой адрес никаких похвал, тем более заискиваний, лести, пресекая их на корню: где шуткой, а где — решительно, жестко, сразу охлаждая пыл растекаться в славословиях.

Отец Федор был вдовцом, долгое время жил сам и, конечно же, нуждался в помощи. Среди женщин, близко знавших старенького батюшку, хватало тех, кто из самых добрых побуждений наперебой предлагал ему свои услуги: приготовить обед, сделать постирушку, убрать в доме, последить за хозяйством. Но он сохранял осмотрительность, ровный характер отношений, и вежливо, не теряя врожденного чувства юмора, отвечал всем, кто хотел видеть себя рядом с ним не только духовным чадом, но жаждал особого благословения хозяйничать в его доме:

— У меня без вас столько «ухажерок», что едва успеваю отбиваться от них, чтоб хоть немного побыть наедине.

Батюшка был гордостью всего своего большого семейства. Четверо собственных детей и двое приемных подарили ему с покойной матушкой двадцать внуков и внучек, а те, в свою очередь, больше десятка правнуков — и все старались угодить старейшине рода: по очереди брали над ним шефство, ухаживали, оставляя ему больше времени для келейной молитвы и чтения — и без того, и другого отец Федор жить не мог.

Даже когда зрение притупилось, стало хуже, отец Федор не переставал много читать, но круг его чтения был строго ограничен: основу составляла святоотеческая литература, жития святых, книги по древней и новой истории Церкви. В обширной домашней библиотеке старца хранилось много редких энциклопедических, академических изданий, толковых словарей, доставшихся по наследству раритетных книг, подшивок старых церковных журналов.

Ежедневное келейное правило, которое он совершал неукоснительно, включало обязательно чтение Псалтири и канонов. Молитва предваряла утро и каждое дело, за которое брался отец Федор или на которое благословлял других людей; молитвой он завершал трудовой день; молитвой прогонял и без того непродолжительный сон, опускаясь глубокой ночью на колени перед святыми образами, украшавшими весь дом. Молитва его была дерзновенной, сильной, очень теплой: это чувствовали все, кто служил вместе с батюшкой у престола или же обращался к нему за молитвенной помощью.

Весь внешний облик, образ жизни этого пастыря больше напоминал монашеский: он всегда оставался собранным, в строгом темном подряснике, с четками. Все свободное от дел и домашних забот время было наполнено сосредоточенной келейной молитвой и чтением святоотеческих богословских трудов. Кое-кто из старших собратьев, сам архиерей, да и многие ожидали, даже были уверены, что отец Федор примет монашество, на что тот смиренно отвечал:

— Быть монахом — значит не только облечься в мантию, но, прежде всего, полностью совлечься мира и того, что тебя держит в нем. А меня, грешного, держит так много… Одни внуки чего стоят… Разве они дадут мне покоя в монастыре? Разве оставят служить Богу и никому больше?

И повторял апостольские слова:

«Каждый оставайся в том звании, в котором призван»[42].

Славный род Ермаковых, к которому принадлежал отец Федор, славился тем, что дал не одно поколение ревностных, очень благочестивых священников и простых верующих людей. В этом роду был даже епископ, поэтому семейные, родовые традиции религиозного воспитания передавались как святыня, как эстафета из поколения в поколение. На них и вырос отец Федор.

Родившись в самом начале страшных 20-х годов, будущий батюшка успел сполна вкусить тот «рай», который принесли с собой большевики. Его родной отец — тоже священник — был арестован; мама, как близкая пособница «врага народа», тоже попала под жесткие политические репрессии: лишь перед самой войной ей удалось забрать из детского дома двух малолетних дочерей. Сам же Федор — старший среди их детей — к тому времени достиг совершеннолетия и ушел добровольцем на фронт, пройдя всю войну рядовым связистом и получив несколько боевых ранений и множество боевых наград.

Семья отца Андрея Авдеева была им почти родной: дети вместе росли, вместе воспитывались, мама будущего отца Федора много помогала отцу Андрею, пела на клиросе, имея прекрасный музыкальный голос и слух.

Отец Федор свято хранил память об отце Андрее Авдееве, под опекой которого рос и не мог не видеть всех страданий, выпавших на его многоскорбную долю.

— Это был воистину святой человек, — всегда восторженно говорил он, когда заходил разговор об отце Андрее. — Странно, что наша Церковь почему-то не спешит канонизировать таких людей. Святой — или монах, или мученик, или святитель, просветитель. А где рядовые приходские батюшки, которые самоотверженно несут свой подвиг и свой крест? Где такие же благочестивые миряне, образцовые христианские семьи? Где они? Или среди них вовсе нет святых? Или они недостойны быть святыми? Мне кажется, тут что-то не учтено… Отец Андрей — святой пастырь без малейшего сомнения! И вовсе не потому, что прошел через концлагерь, гонения, унижения, а как раз потому, что был человеком святой жизни: великим молитвенником, пастырем, живым носителем Слова Божьего, живым примером, каким должен быть настоящий христианин. Почему он и такие, какой, не прославляются всей полнотой нашей Церкви? Я готов свидетельствовать о нем перед Богом.

Внуки отца Андрея, тоже ставшие священниками, отец Дмитрий и отец Алексей, глубоко уважали батюшку Федора, считали его таким же родным, как и покойного деда. Они часто наведывались к нему, чтобы духовно пообщаться, посоветоваться.

Всегда жизнерадостный, в настроении, приветливый отец Федор на этот раз встретил братьев озабоченным и даже расстроенным.

— А как не расстраиваться? — огорченно сказал он, пригласив их в комнату, служившую ему и библиотекой, и рабочим кабинетом, и молитвенной кельей. — Как можно не расстроиться, читая вот это «богословие»?

Он кивнул на раскрытые брошюрки, лежавшие на столике.

— Ладно, если бы писали какие-то больные, малограмотные в духовном отношении люди, — он с горечью на лице взял одну из них. — Так нет же! Пишут батюшки! И не просто батюшки, а объявляющие себя старцами, чудотворцами, бесогонами, прозорливцами, едва ли не пророками! А другие это читают взахлеб, печатают, распространяют, повсюду ищут, передают друг другу из уст в уста, где они живут, мчатся к ним со всех ног, очертя голову. Ко мне тут недавно гости приехали, начали рассказывать, да с таким восторгом: дескать, настоящий чудотворец нашего времени, прозорливец! Я не поверил. Они мне суют эту книжонку: «А вот почитайте, раз нам не верите!» Я и почитал… Лучше бы не знать всего этого, чтобы не расстраиваться.

Отец Алексей взял из рук батюшки брошюрку с красочной лакированной обложкой и на закладках начал читать сам:

«Если ты убил муху и сокрушаешься об этом, а затем узнаешь, что кто-то убил человека, не соблазняйся о нем, а сокрушайся об убитой мухе. И когда придется давать ответ за муху, неизвестно, кто более оправдается»[43].

— Интересное рассуждение… — задумчиво сказал отец Алексей.

— А ты дальше, дальше читай, там еще интереснее, — похлопал его по плечу отец Федор. — Вообще ахнешь!

И тот продолжил вполголоса:

«Батюшка советовал не пропускать котов между ног, т. к. забирается благодать. Советовал

также не брать в дом приблудных котов, т. к. на них часто колдуны порчу наводят».

— Представляешь? — всплеснул руками отец Федор. — А я-то, старый, думаю-гадаю, с какой это беды у меня то голова болит, то ноги не слушают? Кот всему виной! Маркиз-то у меня действительно приблудный: еще маленьким котенком мне его во двор подкинули еле живым, а я подобрал, выкормил. Любит тереться об мои старые ноги — тоже факт. Оказывается, вот откуда все мои стариковские беды: и болезни, и немощи, и все остальное! «Отблагодарил» меня, называется!

И рассмеялся.

— Да это же бред какой-то, — изумился отец Алексей и продолжил дальше:

«Собак советовал не гладить и не брать на руки, потому что страсти переходят…»

— Так и хочется спросить: чьи страсти? Собачьи или еще чьи-то?

— Ты меньше спрашивай, а читай, читай!

Изумленный отец Алексей открыл на другой закладке:

«Батюшка советовал не наступать на крышки канализационных и других люков, под которыми имеются ямы и пустоты, т. к. тоже забирается благодать».

— Отец Федор, да это же бред какой-то…

— Этот, как ты говоришь, «бред» напечатан хорошим тиражом и, как видишь, на хорошей бумаге, средств не пожалели. Что такое книга? Это ведь не просто чтение, а руководство к действию. Теперь разошлась по рукам, а потом из рук в руки: люди читают взахлеб, другим дают, чтобы учились, вооружались советами этого человека, которого считают настоящим старцем нашего времени, прозорливцем, чудотворцем. Спросить бы его самого, да нет возможности: отошел из этой жизни в вечную. Так теперь на его могилку началось целое паломничество. Он ведь сам пообещал хлопотать за всех, кто к нему придет. Дай-ка прочитаю…

И, надев очки, отец Федор прочитал:

«Когда у других ничего не будет, то мои чада не будут в нужде. И вымолю всех чад, чтобы все попали на Небо. Еще предсказывал, что все, кто останется в его городе, спасутся. Его город будет как второй Иерусалим в духовном смысле».

— Ну, это совсем уже скромно, — улыбнулся отец Дмитрий. — С таким великим молитвенником слава первого Иерусалима просто меркнет. Значит, мои спасутся, а до остальных дела никакого нет? И как это: «вымолю, чтобы все попали на Небо»? Может, его чадам и Господь уже не нужен, коль за них есть такой дерзновенный ходатай?

— Да, отцы, — батюшка закрыл книгу и положил на место, — вот чем питаются наши люди, какими советами! Ни святитель Игнатий, ни Иоанн Златоуст, ни Иоанн Лествичник, ни «Добротолюбие», ни жития святых — ничто им уже неинтересно. Ведь читать такие умные книги — это ум напрягать, трудиться, сравнивать со своей собственной жизнью, выносить ее на суд совести, пытаться хоть что-то исправить. А зачем? Тот «чудотворец» уже вымолил всем своим чадам теплые местечка в раю. И сам был уверен, что сподобится этой милости. Зачем ему пример других святых, которые трепетали, плакали, стенали, просили Господа помиловать их, особенно когда чувствовали близкое дыхание смерти, искренно считали себя величайшими

грешниками, достойными самого строгого осуждения и кары? Они не смели даже допустить мысль, что их воистину великие подвиги имеют какой-то вес перед Божьим правосудием. Их-то жизнь была и остается примером совершенного смирения и кротости. У теперешних же «чудотворцев» все намного проще: «всех вымолю», «всех накормлю», «всех исцелю». Кому в рай — становитесь в очередь!

Он горестно покачал головой:

— Святые отцы настойчиво советуют всем — и монахам, и мирянам — усердно упражняться в Иисусовой молитве, воспитывать в себе любовь к ней, а у этого «чудотворца» своя «наука»: «Бросьте вы это занятие, все равно ничего не получится! Вот вам стишки — их и читайте во спасение души!» А стишки-то эти — не то частушки, где упоминается имя Господне, не то народные заговоры. Читайте! И читают: переписывают, друг дружке дают, убеждают всех, что стишки эти помогают «зело». Вот какая «духовность» входит в нашу жизнь! А мы говорим: антихрист, номера, коды…

Отец Федор горько вздохнул и сел в свое любимое плетеное кресло.

— Я иногда думаю вот о чем: что было бы с вашим дедом — отцом Андреем, другими батюшками, с которыми он тогда служил, моей мамой, окажись они каким-то чудом в нашем времени? Полистали бы нынешние книжечки о разных «чудесах в решете», «полетах» в загробное царство, немыслимых «пророчествах», духовных советах и многом другом. Что было бы с ними? Наверное, сначала спросили бы нас, чем мы тут занимаемся, куда смотрим и куда ведем людей, а потом убежали бы без оглядки в свою эпоху, где все было проще: если ты за Христа — получай пулю в лоб или «путевку» на Соловки в лагерь, а если против — то вступай в ряды безбожников, ломай церкви, жги святые иконы, книги, танцуй в алтарях. Овцы и козлища были четко разделены по стойлам. А теперь? Как понять все, что творится прямо на глазах? Массовое помрачение ума, массовое беснование, оглупление людей, чья-то сознательная политика?

Он посмотрел на гостей.

— Что молчите, отцы? Вы ближе к этому времени, намного ближе, чем я. Просветите старого невежду. Всю жизнь корплю на трудами святых отцов, хочу что-то понять, чему-то научиться самому и других научить. Может, лишнее все это?

Братья присели рядом с батюшкой.

— Отец Федор, вы думаете, нам легко и понятно? — задумчиво сказал отец Дмитрий. — Люди с такими вопросами, причудами, требованиями идут, что не знаешь, как отвечать. Рассказываем, стараемся все разъяснить — и во время проповеди, и в личных беседах, — да многие ищут не того, что говорит им батюшка, а своей правды. Не Христа, не Правды Его ищут, а чудес, исцелений, пророчеств. И находят. Нужен старец? Езжайте в такую-то деревню, там точно есть. Хоть без всякого образования, малограмотный, с кашей в бороде, но такие «мудрые» советы дает, что прямым ходом в рай.

— Ко мне, — продолжил он, — на днях подходит одна прихожанка, горем делится: сын, которого она год назад похоронила, по ночам ей покоя не дает, снится, ждет чего-то.

«Молитвы ждет, — говорю ей. — Чего же еще? Покойникам от нас ничего, кроме теплой молитвы, не нужно».

А она заявляет:

«За тем я к вам и пришла. Мне один батюшка сказал читать каждый день по пять Псалтирей — и сын, говорит, будет в раю. Сейчас ему плохо, я это вижу. Бросай все и молись!»

Смотрю на нее: вроде, нормальная, в полном уме. Спрашиваю:

«Ты хоть раз Псалтирь от первой до последней кафизмы без передышки читала? Знаешь, сколько на это уходит времени? Мозги не лопнут от натуги? Как же твоя работа, муж, другие дети?»

Она опять за свое:

«Меня ведь старец благословил. Послушание превыше всего, не могу не исполнять».

«Ну, — говорю, — раз благословил, да еще целый старец, зачем ко мне пришла?»

«Он сказал, что должны благословить три батюшки, то есть он, вы и еще кто-то. Иначе благодати не будет».

«Почему не тридцать три? — спрашиваю. — И надежнее, и благодать с хорошим запасом».

Она даже не поняла иронии:

«Тридцать три? Да где же их найти столько? Поеду к старцу, посоветуюсь, как быть».

И поехала, и помчалась со всех ног, несмотря на все мои увещевания пользоваться тем, что предлагает Церковь.

«Сейчас настали последние времена, — говорит мне, — благодать из церквей уходит и почивает на старцах. Но их искать нужно, просить Господа, чтобы Он указал к ним тайную тропку. Без старцев, без их мудрых советов, молитв теперь никак не спастись».

Не буду же я ее за руку держать? Пусть едет, ищет, умудряется…

— А от меня ждут благословения на молитвы за грядущего императора, который, как многие верят, должен вывести Русь из нынешнего состояния раздоров, ненависти, вражды и привести к процветанию, — вступил в разговор отец Алексей. — И тоже ссылаются на пророчества, новые откровения, чудеса: там, якобы, икона царя обновилась, там стала благоухать, там, вроде, император сам объявился. Говорят, что его уже видели, но лишь те, кому Господь открыл Свою волю. Приходят женщины на исповедь и плачут:

«Батюшка, простите Христа ради, мы убили последнего русского императора!»

«Может, вы себя оговариваете? — хочу их успокоить. — Он принял смерть мученика, когда вас еще в помине не было».

А они еще больше в слезы:

«Нет, это наш грех! На нас и на детях наших! Простите цареубийц!»

Как вразумить людей с такой «чумной» головой? Живут не тем, чему учит Церковь, чего она придерживается, а совершенно другими, часто антицерковными, взглядами.

Все трое помолчали.

— Я недавно разбирал свои архивы, — отец Федор подошел к книжному шкафу и достал оттуда подшивку старых журналов, — и наткнулся на интересную статью. Помнится, ваш покойный дед по поводу ее содержания высказал несколько публичных мыслей. Более того, мой покойный отец, который по возрасту и уму, в отличие от меня, мальца, в то время уже был готов серьезно общаться с отцом Андреем на духовные темы, говорил мне, что он неоднократно повторял эти мысли, когда уже был гонимым. Повторял настойчиво, как предупреждение, как свой завет нам: он прозорливо предвидел, что мы столкнемся с куда более серьезными проблемами, чем открытое гонение на Церковь, преследование за веру аж до смерти. Он словно зримо видел, что Церковь ждут очень лукавые времена, когда начнется разложение изнутри, исподволь, без всяких гонений, угроз и насмешек над верой, но даже наоборот: внешне с невиданным расцветом религиозной жизни, золотыми куполами на месте разрушенных и осквернённых храмов, многолюдными богослужениями, громкими церковными песнопениями, общей помпезностью. Руководители будут стремиться всячески подчеркнуть свою религиозность, архиереи же — благословлять на великие государственные свершения во имя народа. Гонения на Церковь будут вспоминаться как скорбная страница нашей истории. Лишь немногим будет открыто, что эти гонения продолжатся, но уже в другой форме: овечку ласково гладят, прикармливают, чтобы она успокоилась перед тем, как увидит перед собой наточенный острый нож. Это ждет и нас. От Церкви истинной, Православной останется то же самое, если не меньше, что осталось нынче в западной Церкви, которая теперь мало чем отличается от театра, музея или концертного зала. И люди в большинстве своем ходят туда лишь ради того, чтобы получить некое эстетическое наслаждение: послушать церковный хор, окунуться в мистерию чарующих звуков, красок, ощущений. Спроси этих людей: «Зачем вам Бог?» — и навряд ли кто ответит вразумительно. К этому губительному состоянию может скатиться и наша Церковь, если потеряет свою соль.

— Почему вам вспомнилась та статья? — спросил отец Дмитрий.

— Потому что эти мысли, по моему глубокому убеждению, сегодня становятся очень и очень актуальными, особенно когда наблюдаешь, как мы со все большим ускорением приближаемся ко временам апостасии[44], о чем предупреждали премудрые пророки и Апостол-боговидец Иоанн.

Отец Федор надел очки и раскрыл один из подшитых журналов.

— Этой статье столько же лет, сколько и мне, грешному. Она даже старше, сразу после революции появилась. Тогда ведь умы у многих тоже кипели: как ко всему относиться, не настали ли времена антихриста? А что? Было чему ужаснуться. Ленин — сущее исчадие ада, едва ли не сам антихрист или его предтеча; большевистские лозунги, призывы против Церкви — воплощение дьявольского безбожия; ближайшее ленинское окружение — настоящие слуги дьявола. Да и сама атмосфера была полным безумием: брат на брата, сын на отца, церкви под клубы, верующих на Соловки… В эти-то годы и появилась статья, где была сделана интересная попытка осмыслить тайну начавшегося беззакония в свете апостольских пророчеств об антихристе[45]. Появись она у нас, в России, — автора немедленно сослали бы или вообще расстреляли. Но он служил белогвардейцем, что, по-видимому, стало причиной его эмиграции: сначала во Францию, а позже вообще за океан, где он и умер. Но к его трудам до сих пор обращаются многие богословы, занимающиеся толкованиями «тайны беззакония», под которой подразумевается адский план уничтожения Церкви Христовой и воцарения антихриста. И вот что он пишет:

«Между прочим, очень важно отметить, что все святые отцы считают главной причиной быстрого и безрассудного увлечения людей антихристом отсутствие у них духовного разума,

всецелую их погруженность в плотское состояние. А так как духовный разум может приобретаться и развиваться только в условиях правильной духовной жизни, преподаваемой истинной Православной Церковью, то в тот момент смогут оказаться в полном духовном всеоружии и распознать все козни и коварства антихриста только православные христиане, но не все, а только та малая часть из них, которая будет жить духовной жизнью по правилам Церкви. Еретики же и лжеверы, у которых или вовсе отсутствует духовная жизнь, или практикуется, но в неправильных и извращенных формах, неизбежно сделаются жертвами обольщения антихриста».

И очень важно дальше:

«Антихрист тонко подменит Богочеловека культом Человекобога и потребует поклонения себе как Богу…» Очень важное замечание: не грубо, не в лоб, а именно тонко!

Отец Федор раскрыл новую подшивку:

— Я обратил внимание, что он неоднократно повторяет и подчеркивает мысль о духовной слепоте, как решающем условии принятия христианами идей антихриста, и в других своих работах. Послушайте его мысль:

«Самой распространенной формой отступления, как полагает епископ Феофан Затворник, будет извращение истинного христианства (ереси) или так называемое ложное христианство. “Евангелие будет всем известно, — пишет он, — но одна часть пребудет в неверии ему, другая, наибольшая, будет еретичествовать, не Богопреданному учению следуя, а построевая себе свою веру своим измышлением, хотя на основании Слов Писания… И все такие будут присвоять себе имя христиан. Будет часть и содержащих истинную веру, как она предана Святыми Апостолами и хранится в Православной Церкви: но из этих немалая часть будет по имени только правоверными, в сердце же не будет иметь того строя, какой требуется верою, возлюбив нынешний век… Хотя имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные; но все это только видимость, внутри же отступление истинное. На этой почве… народится антихрист и вырастет в том же духе видимости без существа дела. Потом отдавшись сатане, явно отступит от веры и… всех, не содержащих христианства во истине, увлечет к явному отступлению от Христа Господа, заставив себя самого почитать за бога”[46]».

И далее заключает:

«Вне Единой Православной Церкви нет и не окажется ни средств для верного познания антихриста, ни благодатных сил для стойкого противостояния ему и всем его искушениям. Этот закон неизбежного обольщения и вечной погибели всех, не принявших "любви истины для своего спасения”, отмечает Святой Апостол Павел: “И… пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду… Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим…”[47] Об истинной же Церкви в это время (в эпоху апостасии) можно будет сказать словами Пророка: “Бысть пуста весьма”[48]. Это говорил Пророк вдохновенный, когда видел в дали времен время последнее, судьбу Церкви и могущественное царство, возникающее на Севере”[49]. Стойкость и самоотверженность в борьбе за истину станет чрезвычайно редким явлением. Любовь к миру и к его благам будет превозмогать над любовью к Истине. Церковные иерархи со своим клиром и своею паствою, порвавшие связь с Христовой Истиной, но продолжающие лицемерно выказывать себя членами истинной Церкви, составят общество, именуемое в Писании как “ЦЕРКОВЬ ЛУКАВНУЮЩИХ”».

И еще не менее важное утверждение того же автора:

«Наряду с “церковью лукавнующих” будет возрастать другая “церковь”, которая может даже и не изменять вероучения, но в условиях государственного преследования веры вступит в тайный союз с богоборческою властью, получая некоторую легализацию своей “церковной” деятельности. “И я увидел, — пишет Святой Иоанн Богослов, — жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными… И на челе ее написано имя: Тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным… и видя ее, дивился удивлением великим”[50]. Да и как было не дивиться Святому Тайнозрителю, когда он вместо истинной Церкви первохристианской — вместо “Жены, облаченной в Солнце”, вместо “Чистой Девы”, “Невесты Христовой”, убегающей в пустыню от зверя (в нелегальном положении спасающейся в катакомбах и пустынях от преследования власти), в дали времен узреть жену — “великую блудницу”, сидящую на звере[51]. Это усаживание жены на зверя или отпадение Церкви от «брачного» союза со Христом и вступление ее в незаконный “любодейный” союз с антихристом или с его предтечами, — в Святом Писании уподобляется нарушению брачной верности. Поэтому и та часть Церкви, которая, изменив Христу, вступит в тайное соглашение с властью зверя, на языке Святого Писания называется: “ЦЕРКОВЬ БЛУДНИЦА”.

На появление “церкви блудницы” в мировом масштабе можно смотреть как на завершение эпохи апостасии, выводящей на мировую арену антихриста…»

Отец Федор вздохнул и положил журналы назад в шкаф. Потом посмотрел на братьев — отца Дмитрия и отца Алексея — и улыбнулся:

— Небось, думаете, зачем нам старик взялся читать это старье? Не дед ведь наш писал? Он-то причем?

Отец Алексей улыбнулся тоже:

— Вы не только журналы, но и мысли наши читаете. Мелькнула, между прочим, такая мыслишка: причем тут наш покойный дед?

— Да, не он, — отец Федор стал серьезным. — Но он разделял эти взгляды, высказывал их открыто, о чем было известно органам, куда на него доносили за каждое неосторожное слово. Изучая нашу отечественную историю, внимательно наблюдая за отступление Руси от Христа, отец Андрей был глубоко убежден, что «могущественное царство, возникающее на Севере», о котором пророчески говорил святитель Игнатий Брянчанинов, царство, где родится будущий антихрист, это не что иное, как… Россия. Об этой страшной участи высказывались, кстати, и другие видные подвижники и богословы.

— И преподобный Серафим Саровский? — спросил отец Алексей.

— Да, в том числе и он. В архиве отца Павла Флоренского есть пророчества Саровского старца, которые он открыл Н. Л. Мотовилову, а тот передал их С. А. Нилусу. И среди прочих известны такие печальные слова: «Мне, убогому Серафиму, Господь открыл, что на земле Русской будут великие бедствия: Православная вера будет попрана, архиереи Церкви Божией и другие духовные лица отступят от чистоты Православия, и за это Господь тяжко их накажет. Я, убогий Серафим, три дня и три ночи молил Господа, чтобы Он лучше меня лишил Царствия Небесного, а их бы помиловал. Но Господь ответил “Не помилую их: ибо они учат учениям человеческим, и языком чтут Меня, а сердце их далеко отстоит от Меня”». Далее же преподобный Серафим утверждает, что «антихрист родится в России между Петербургом и Москвой в том великом городе, который по соединении всех племен славянских с Россией

будет второй столицей царства Русского и назван будет “Москво-Петроградом”, или “Градом конца”, как именует его Господь Дух Святой, издалече все предусматривающий»[52].

Отец Федор взял со стола несколько небольших листочков.

— Но есть и другие, не менее поразительные, хотя и не такие известные, высказывания о том, что именно Руси за ее духовное растление, полное отступление от Бога, уготована участь стать колыбелью грядущего «сына погибели». Святитель Игнатий (Брянчанинов) в одном из писем, адресованных игумену Антонию, отвечая на его недоумения относительно исторической миссии Наполеона III, прямо говорит: «…народ может и должен соделаться орудием гения из гениев, который наконец осуществит мысль о всемирной монархии, о исполнении которой уже многие пытались»[53].

В беседе о чудесах и знамениях последних времен святитель Игнатий говорит о невиданных масштабах духовного развращения людей, которые будут не только готовы принять лже-мессию, но даже требовать, жаждать его прихода и утверждения во всемирной власти: «Водящиеся духом антихриста отвергают Христа, приняли антихриста духом своим, вступили в общение с ним, подчинились и поклонились ему в духе, признав его своим богом. “И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду” (2 Фес.2:11, 12). В попущении Своем Бог правосуден. Попущение будет удовлетворением, вместе обличением и судом для человеческого духа… В самом настроении человеческого духа возникнет требование, приглашение антихриста, сочувствие ему, как в состоянии сильного недуга возникает жажда к убийственному напитку. Произносится приглашение! Раздается призывный голос в обществе человеческом, выражающем настоятельную потребность в гении из гениев, который бы возвел вещественное развитие и преуспеяние на высшую степень, водворил на земле то благоденствие, при котором рай и небо делаются для человека излишними. Антихрист будет логичным, справедливым, естественным последствием общего нравственного и духовного направления человеков»[54].

Отец Федор взял новый листок.

— Помимо же Серафима Саровского и святителя Игнатия (Брянчанинова) о явлении антихриста в России предупреждал в конце XIX века и выдающийся русский православный мыслитель К. Н. Леонтьев:

«Через какие-нибудь полвека, не более, он (русский народ) из народа “богоносца” станет мало-помалу, и сам того не замечая, “народом-богоборцем”, и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей… Евреи были гораздо более нас, в свое время, избранным народом, ибо они тогда были одни во всем мире, веровавшие в Единого Бога, и однако, они же распяли на Кресте Христа, Сына Божия, когда Он сошел к ним на землю… Русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути всесмешения и — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, — и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессословных, а потом безцерковных или уже слабоцерковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит епископ Феофан вместе с другими духовными писателями»[55].

— Ваш многострадальный предок, отец Адрей, — продолжил отец Федор, — уже тогда ссылался на эти мысли, повторял в разговорах с близкими людьми, полностью разделял их, видя, куда по наклонной катится наш некогда святой благочестивый народ, кому он верит, на что

разменивает веру в Христа-Спасителя.

Все снова задумались.

— Как вы думаете, отец Федор, почему наш дед пришел к такому же выводу и разделял эти взгляды? — спросил отец Дмитрий. — Конечно, преподобный Серафим, святитель Игнатий — бесспорные авторитеты нашей Церкви. Но ведь существует немало мнений иных великих подвижников и мыслителей того времени — взять, хотя бы, Иоанна Кронштадтского. Помнится, ему принадлежат пророческие слова[56] о том, что Господь не оставит Россию в ее бедах, и что Россию куют не благоденствие, а беды и напасти: этого требует природа души русского народа. Почему мы должны впадать в уныние и ожидать, что в этой душе, не оставленной Богом, появится такой страшный зародыш?

— Это хорошо, что вы, отец Дмитрий, вспомнили праведного Иоанна. — оживился отец Федор. — Но разве не он предупреждал: «Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок»»? Разве не ту же мысль повторяет и Серафим (Роуз): «Все будущее зависит от нас самих: если мы возродимся к истинной православной жизни, тогда Святая Русь будет восстановлена; если нет, то тогда Господь может забрать Свои обещания… Так же, как после покаяния людей Ниневия была помилована, и пророчество Ионы о ее погибели, таким образом, не осуществилось, так и пророчества о восстановлении Святой Руси могут оказаться неосуществленными, если русские люди не раскаются… Воскресение Святой Руси зависит от усилий каждой отдельной души, оно не может состояться без участия православных людей — нашего общего покаяния и нашего внутреннего, а не только внешнего подвига»[57]?

«Если в России, ради презрения Заповедей Божиих и ради ослабления правил и постановлений Православной Церкви, и ради других причин оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова»[58] — это слова еще одного великого русского старца, преподобного Амвросия Оптинского.

Отец Федор положил листочки назад и задумчиво посмотрел на братьев.

— Ну и кто говорит об унынии? Речь как раз не о ней и не о скепсисе, а о трезвости ума и души. Особой трезвости, не имеющей ничего общего с самоуспокоением и самоубаюкиванием, которым сегодня живут многие, даже, казалось бы, духовно грамотные люди: дескать, мы — Святая Русь, богоизбранный народ, поэтому спасемся непременно. Все пойдут прямехонько в ад, но только не мы! Отец Андрей обладал трезвым умом, поэтому не поддавался идеям, которыми уже тогда, в его годы, пытались обольстить Церковь и ее служителей: кого запугиванием, кого преследованиями, гонениями, а кого — сладким калачом. Отец Андрей глубоко почитал праведного Иоанна, говорил о нем, как о пастыре святой жизни, но вместе с тем присматривался ко всем происходящим изменениям в жизни Церкви, а эти изменения, дорогие отцы, не всегда вписываются в пророчества, кроме, конечно, тех, которые являются каноническими, опорой всего православного вероучения.

— Почему же он так поддержал тревожные мысли святителя Игнатия о России?

— Почему? — вздохнул отец Федор. — Спросить бы его самого, да не получится. Поэтому мы можем только предполагать, размышлять. Да и то очень осторожно…

Он помолчал.

— Русский человек, русская душа — это тайна, непостижимая не только для других народов,

но, наверно, и для самих русских. А может, и Самому Богу… Русская душа часто непредсказуема. Мне как-то попалась книжечка одного поэта из русской провинции. Пишет без вычурных слов, без пафоса, просто, искренно, с болью, — как сам живет и думает. Некоторые его строчки мне буквально врезались в память.

И стал тихо читать:

Отныне все отменено,
Что было Богом нам дано
Для жизни праведной и вечной.
Где духа истины зерно?
Верней спросить: «Зачем оно
Людской толпе бесчеловечной?»
Итак, грешите, господа.
Никто за это не осудит.
Не будет Страшного Суда,
И Воскресения не будет…[59].

— Как вам такое «откровение»: не богословское, а из глубин вечно страдающей, мечущейся русской души? Причем не столетней давности, а сегодняшнее, нашенское, родное? И этот же автор пишет и такие поразительно проникновенные строчки, пронизанные личным покаянием и страданиями за Русь:

Не понимаю, что творится.
Во имя благостных идей:
Ложь торжествует, блуд ярится…
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?..
Кружил февраль по косогорам,
Поземка пряталась в стерне,
Когда одним сплошным укором
Вся жизнь моя предстала мне.
Кого я спас? Кого приветил?
Кому был дорог мой ночлег?
Ответа не было. Лишь ветер
Бросал в лицо колючий снег…

Отец Алексей и отец Дмитрий переглянулись, улыбнувшись.

— Русская душа — потемки, темный лес, — размышлял дальше отец Федор. — Там все: закоренелое безбожие и вопль к Богу, наплевательство к собственной душе и глубокое покаяние, отчаяние и непоколебимая вера в Христа-Спасителя. Только в такой народной душе могут родиться преподобный Сергий Радонежский и Серафим Саровский, но из той же русской души могут появиться на свет и Стенька Разин, и Емельян Пугачев, декабристы, а за ними — Ленин со всей его партией душегубов и христопродавцев.

— Эк вы, батюшка, о русской душе! — возразил отец Дмитрий. — Классики-поэты и писатели о ней другое говорят. В любом ведь народе есть свои светильники веры, благочестия, правды, а есть и свои «Стеньки». Не зря говорят, что в семье без урода не бывает.

— Так! Все так! Русская душа во многом детская: и доверчивая, и любопытная, и незлобная,

умеет быстро прощать, не таит обид… Но вместе с тем — бесшабашная, неосторожная, неразборчивая. Поэтому быстро узнала Истинного Бога и приняла Его. Но с такой же простотой, легкостью, искренностью часто увлекалась в сторону, доверяласьтому, что Богу противно, навлекая на свою головушку гнев Божий. Или нужны примеры из отечественной истории? В русском народе и святость, и богоотступничество так и шагают, взявшись ручка за ручку, как две неразлучные подружки: где объявилась одна — жди другую. Только в такой душе от созидателей святых монастырей и храмов до их осквернителей, уничтожителей — шаг шагни.

Вы хоть бородатые, как и я, да по возрасту мальчишки перед моими годами. А я хорошо помню, как ломали нашу красавицу-церковь. Стояла на центральной городской площади, как невестушка: радовала и сердце, и душу, и глаз. Целых три столетия стояла! Снесли: сначала голову — купола, а потом все остальное, камушка не оставили. Иконы свалили на кучу и сожгли перед всем народом. Кто творил это вопиющее беззаконие? Тайные масоны, которых мы любим обвинять во всех наших русских несчастьях и бедах? Евреи? А если бы не было ни тех, ни других, кого бы мы винили еще? Я лично их не видел, поэтому не буду обвинять голословно. А вот своих видел и хорошо их помню. Свои же этим занимались: те, кто был крещен в этой церкви, чьи предки ее строили, молились тут. Русские руки построили — русские уничтожили. И как возводили: с радостью, трепетом, — так и уничтожали: под общую радость, смех, улюлюканье. Праздник был! Как раз в воскресный день; сбежались торговцы со всех окрестных деревень, что на базар приехали. Водка, брага, пиво лились рекой, гармошка наяривала похабные песни, комсомольцы плясали вокруг костра, где пылали святые иконы, прыгали через него. А в сторонке стояла горстка людей, тихо молились и плакали, наблюдая за этим кощунством. Там и мама моя была. Она, помню, держала меня за руку, чтобы я не убежал, потому что очень страшно было, и говорила: «Смотри, Феденька, и запоминай, тебе это в жизни не раз пригодится. А когда церковь снова построят — это время обязательно придет, — то молись за всех, кто сейчас радуется нашим слезам. Им горько будет, ох, как горько…»

Отец Федор тяжело вздохнул.

— Я за свой век насмотрелся много всего, поэтому и говорю не от книжек, а от своего жизненного опыта: только в такой душе может родиться искреннее покаяние перед Богом и такое же искреннее, превосходящее всякий ум, богохульство. Не случайно богомудрые святые отцы, размышляя о судьбах Руси в Промысле Божьем, с одной стороны, видели в русском народе особую миссию, которая началась с тех веков, когда на русской земле воссиял Свет Христов, а с другой — предупреждали о том, что именно с растлением русского духа будет связана всемирная апостасия. Эту-то двойственность природы русской души, широкую амплитуду ее раскачивания — от непостижимых вершин святости до таких же непостижимых глубин богоотступничества — видел, чувствовал и ваш дед Андрей.

— Мы ведь убеждены, что являемся Святой Русью, — продолжал рассуждать отец Федор. — Это правда, мы — Святая Русь: по великой истории, великим подвижникам Христовым, сопричастности всему тому, чем жили наши благочестивые предки. «Русь Святая! Храни веру православную, в ней же тебе утверждение!» Как можно не согласиться с этими словами[60]? Но если тот же праведный Иоанн Кронштадтский в свои годы ужасался духовному растлению русского народа и предупреждал, какими бедами оно грозит[61], то что же говорить о сегодняшнем лукавом времени? Сколько человек приходит в храм в воскресные и праздничные дни? Сколько из них по-настоящему молится, участвует в церковных Таинствах? Мы и так видим: единицы[62]. А какой размах в России приобрело детоубийство через аборты? Больше миллиона ежегодно[63]! Как можно в таком страшном состоянии примерять белоснежные ризы Святой Руси к тем грязным лохмотьям — в духовном понимании, конечно, — в которые

русский народ облек свою душу в наши, казалось бы, счастливые, спокойные, радостные дни. Хорошо, если бы не мы, а другие народы свидетельствовали о нас, как о Святой Руси: это было бы куда благочестивее. Повторять же самим как заклинание, как некую мантру, веря в то, что мы, русские, безоговорочно спасены только по своему происхождению, принадлежности к великим русским святым, «по умолчанию» — величайший самообман и самообольщение. И если русские люди этого не поймут, то не исключено, что именно они будут громче всех кричать: «Осанна!», когда настанет время воцарения антихриста. Ради кого он придет? Чтобы прельстить избранных: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»[64]. Вот и совершится еще одна «тайна беззакония». Все будут ждать, что антихрист явится где угодно: в Америке, Израиле, еще где-то, только не у нас. А он-то вдруг и явится в России, где уже сейчас громче всех кричат о своей, якобы, святости, и требуют царя как непременного атрибута Святой Руси. Он и явится. Когда народ прозреет, — если это вообще случится, — будет уже поздно…

Он взял листочки со стихами и снова тихо прочитал:

Не сатана ли сам уже
В стране бесчинствует, неистов?
Но тем достойнее душе
В такой грязи остаться чистой.
Держись, родимая, держись.
И не спеши расстаться с телом.
Крепись, душа! В России жизнь
Всегда была нелегким делом…

Искупитель?

В комнату, где они беседовали, заглянула внучка отца Федора и спросила, нужна ли ему в помощь.

— Сделай-ка, Анечка, чайку для дорогих гостей и деда, — попросил он. — А то он разговорился слишком…

Но начатый разговор продолжился и за чаем.

— Батюшка, — осторожно спросил отца Федора отец Алексей, — вы упомянули русского царя-помазанника и чаяния многих русских людей, которые связывают надежды на возрождение России с возрождением царского престола, монархии. Ссылаются на пророческие высказывания — как древних старцев, так и близких нам подвижников. Тот же русский светильник веры и благочестия праведный Иоанн Кронштадтский…

— Да, — живо поддержал отец Федор, — Кронштадтский праведник Иоанн прямо указывал на необходимость почитания царской власти, как данной от Бога, а царя — как истинного Богопомазанника.

Он возвратился к книжному шкафу и, раскрыв одну из книг, прочитал:

«…И чем бы мы стали, россияне, без царя? Враги наши постараются уничтожить и самое имя России, так как Носитель, и Хранитель России, после Бога, есть Государь России, Царь Самодержавный, без него Россия — не Россия… Но Всеблагое Провидение не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует и ведет к возрождению…»

«Кто посаждает на престол царей земных? Тот, Кто един от вечности сидит на Престоле огнезрачнем, и один царствует над всем созданием — небом и землею… Царям земным от Него единого дается царская держава… посему царь, как получивший от Господа царскую державу… должен быть самодержавен. Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентаристы! Отойди от меня, сатана! Только царю подается от Господа власть, сила, мужество и мудрость управлять своими подданными…»

«Да, через посредство державных лиц Господь блюдет благо царств земных и особенно благо Церкви Своей… — и величайший злодей мира, который явится в последнее время, — антихрист — не может появиться среди нас, по причине самодержавной власти…»

Отец Федор закрыл книгу и положил назад.

— Это все — праведный Иоанн Кронштадтский. Можно цитировать еще и еще.

— Какой же авторитет нужен еще, чтобы перестать сомневаться в том, что царская власть в России — это святая Божья воля? — отец Алексей вопросительно посмотрел на отца Федора.

— То есть, отец Алексей, вы хотите сказать, что нынешняя власть в России — не от Бога, а от лукавого?

Тот ничего не ответил, улыбнувшись и потупив глаза.

— Воля Божья, дорогие отцы и собратья, абсолютно во всем: и в царской власти, и в нынешней. Президентство в России — тоже от Бога, от Его святой воли. И что в ней плохого, крамольного, отступнического? Наоборот: храмы, монастыри, все православные святыни возвращены народу, президент молится вместе с Патриархом, исповедает себя верующим, православным человеком; во власть тоже пришло много вполне достойных людей. Чем теперешняя власть хуже, менее благочестивее прежней — царской?

Отец Федор выпил чаю, обдумывая свои аргументы.

— Иоанн Кронштадтский не мог по-другому говорить о царской власти и самом императоре: он был ровесником царской эпохи, живым участником тех сложных процессов, которые тогда происходили, свидетельствуя о грядущей революционной буре и всем, что за нею последует. Абсолютная монархическая власть — это хорошо видел не только праведный Иоанн, но и все трезво мыслящие люди — была единственной силой, способной удержать Россию от неминуемого падения в бездну безбожия, анархии. Но сама эта монархическая власть не свалилась на Россию, как метеорит: она шла к ней долгим историческим путем, насытившись междоусобицами, княжеской грызней, братоубийством — что, между прочим, тоже совершалось во имя Христово. Монархическая власть сплотила Россию, сформировала ее как мощную империю, это правда. Ее же ослабление, а потом и разрушение тоже шло по своим законам: и внутриполитическим, и внешним, и — что самое главное — по воле Божьей, по попущению Господа, Держащего все судьбы мира в Своей Деснице. Вовсе не по царской воле душа русского народа стала готова принять богоборческие идеи, плениться ими, свергнуть помазанника, после чего пуститься под гармошку и стакан браги крушить святые храмы, гнать священников и монахов, строить обещанный «рай», где Богу уже не было места.

А что теперь мешает возрождению веры в народе? Гонений нет, храмы открыты, Слово Божие проповедуется повсюду. Однако по-настоящему церковных людей — крохи. Кто виноват: президент, Патриарх, министры или мы сами? Дело, видимо, вовсе не в царе и не в монархии, а, как мне представляется, совсем в другом.

Отец Федор прищурился и с улыбкой посмотрел на братьев:

— Вам сказки в детстве читали?

Те переглянулись.

— Батюшка, неужто вы хотите восполнить пробелы в нашем воспитании? — рассмеялся отец Дмитрий. — Только не это! И не сейчас.

— Хорошо, уговорили. Тогда скажите, вы не обращали внимание на страсть русского человека к чуду?

— На то она и сказка, чтобы в ней разным чудесам быть! — воскликнул отец Алексей. — Какая сказка без чудес?

— Э, нет. Русские сказочные чудеса — особые. Ковры-самолеты, скатерть-самобранка, топор, который сам рубит, печка, что сама все печет… И еще много чего в таком же духе. Хлопнул в ладоши — и закрутилось-завертелось. Лежи себе на печи дальше, в потолок поплевывай и наблюдай, чем все закончится. Вот это очень похоже на психологию и веру русского человека. Ктото что-то должен сделать за него, но не он сам. В сказках других народов тоже чудес хватает, но там главный герой за все борется, всего старается достичь своим упорством, трудом, настойчивостью ума. У нас же вместо этого — вера в царя-батюшку, который воссядет на свой трон или престол, и всем сразу станет весело и хорошо.

Уже в который раз отец Федор потянулся к книжному шкафу и достал оттуда маленькую тетрадку.

— Я недавно заглянул в словарь Даля[65] и поинтересовался русскими пословицами, поговорками, которые касаются темы царя. Ведь пословицы — это крупицы народной мудрости, народного творчества, а не песня на слова и музыку кого-то конкретно. И вот что любопытно: там предостаточно примеров не просто почитания, а настоящего обожествления царя.

И отец Федор зачитал некоторые:

— «Никто против Бога да против царя», «Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится», «Где царь, тут и правда», «Никто, как Бог да государь», «Светится одно солнце на небе, а царь русский на земле», «Никому не подвластен, кроме Христа, сына Божия», «Все во власти Божией да государевой», «Кто Богу не грешен, царю не виноват», «Нельзя земле без царя стоять», «Грозно, страшно, а без царя нельзя», «Правда Божья, а суд царев. Суд царев, а правда Божья»[66].

Он закрыл тетрадку:

— Можно читать и читать: царя восхваляют, царем умиляются, царя боятся, царя молят… Зачем Бог? Царь — это почти Его наместник. «Воля царя — закон. На все святая воля царская», «Что Бог — то Бог, а свята и воля царская». Дай русскому человеку царя! Дай! Без него жизнь — не жизнь, а страдание сплошное. Пусть тираном будет, деспотом, сатрапом, кровопийцей, развратником, каких свет не видывал, самодуром, — кем угодно: лишь бы царь. Вам, отцы, это ничего не напоминает?

Отец Федор взял толстую Библию и раскрыл на одной из многочисленных закладок:

«Когда же состарился Самуил, то поставил сыновей своих судьями над Израилем. Имя старшему сыну его Иоиль, а имя второму [сыну] его Авия; они [были] судьями в Вирсавии. Но сыновья его не ходили путями его, а уклонились в корысть и брали подарки, и судили превратно. И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему: вот, ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов. И не понравилось слово сие Самуилу, когда они сказали: дай нам царя, чтобы он судил нас. И молился Самуил Господу. И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; как они поступали с того дня, в который Я вывел их из Египта, и до сего дня, оставляли Меня и служили иным богам, так поступают они с тобою…»[67]

Он закрыл Библию:

— Вы слышали, как отреагировал Господь, когда узнал, что израильтяне хотят вместо Него поставить над собой земного царя? Чем все закончилось? Ничем хорошим. И так заканчивается всегда, где люди, пусть даже из самых благих побуждений, хотят не Божьей, а человеческой воли: своей ли собственной, чьей-то чужой — нет особой разницы. Так может произойти и с нашим народом, который не может жить не только без царя в голове, но и без царя над головой, над всей своей судьбой. И теперь кричат: «Верните нам царя! Верните помазанника! Верните монархию!» «Пожалуйста», — говорят им некоторые ушлые политики и предлагают восстановить Российскую империю. Дескать, будет империя — государь найдется: свято место пусто не бывает. Уж тогда-то заживем припеваючи! Экономика расцветет, перестанут воровать, заниматься разными безобразиями в государственных масштабах, все будут ходить во святых! Одного не пойму: кто сегодня мешает жить свято? Или царь-батюшка во мгновение ока решит за нас все духовные проблемы? Уже в приснопамятные царские времена «оскуде преподобный», «умалишася истины от сынов человеческих»[68], да так «оскуде» и «умалишися», что приход к власти большевиков стал вполне справедливым Божьим наказанием за всенародное отступление от Бога, Его Правды. Разве не об этом с горечью говорил накануне грядущей большевистской революции кронштадтский праведник Иоанн? «Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушений и бедствий для всех необходимо, и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле…»[69] Интересно, что бы он сказал, очутись в нашем времени?..

Отец Федор в который раз потянулся к шкафу.

— А хотите, отцы, почитаю пословицы про нашего брата-собрата священника? Не чьи-то, но опять-таки наши, родные, русские, народные?

И стал читать:

— «Поп в гости, черти на погосте», «Поп Васька дома? — А кто там? — Василий Иванович», «Поп ждет покойника богатого, а судья тягуна тороватого», «Поп попа, дурак дурака и знают», «Поп сидя обедню служит, а приход (и миряне) лежа Богу молятся», «Поп хочет большого прихода, а сам ждет не дождется, когда кто помрет», «Попа да дурака в передний угол сажают», «Попа и в рогоже узнаешь», «Поп — толоконный лоб».

Он посмотрел на братьев:

— Как вам это народное словцо? Не поэты ведь с писателями придумали, а народ. И метко очень! Поэты лишь пользовались этой «мудростью», облекая ее в художественное слово. Помните сказочку «О попе и работнике его балде»? Кто виной тому, что в народе

сформировался такой карикатурный образ? Сам народ, или тот, кто дал повод таким его воспринимать: с толоконным лбом, пузом «выше носа», загребущими руками? Кто? Но царя русскому народу — дай. Уж кому-кому, а царю-батюшке мы в ножки бухнемся! Лишь бы «помазанник».

Отец Федор вздохнул.

— Даже не в том беда, что хотят царя. Когда русские люди, выросшие в совершенно другую историческую эпоху, зная о царях и царицах лишь из учебников да разных книжек, свято верят в то, что без царя Русь не может быть святой — это становится признаком опасной духовной болезни: куда более опасной, чем сектантство, потому что эти идеи зреют в самой православной среде, в массовом православном сознании, вбиваются, вдалбливаются в него всеми силами. Люди искренно верят, что царь — это панацея от всех бед: не только государственных, экономических, социальных, но и духовных. Вот это опасно! Идея земного царя-батюшки, царя-государя затмевает собою Господа.

Отец Федор встал и задумчиво прошелся по комнате.

— Помните подготовку к канонизации Царственных мучеников? Должны помнить, это свежо в памяти. Я лично ни на миг не сомневаюсь в святости царя-страстотерпца Николая и всех, кто вместе с ним принял смерть от рук злодеев. Это действительно святые мученики; акт их всенародного прославления был мудрым шагом, несмотря на все опасения, сомнения и решительные возражения. И все бы хорошо, если бы не настоящая истерия, которую подняли не по уму ревностные почитатели памяти последнего русского императора. Они-то и раздули до невероятных размеров идею об искупительной роли царя Николая. Возвращение к монархии, царскому самодержавию теперь уже проецируется и на грядущего царя, который, якобы, обязательно возвратится в Россию. Сочинили акафисты, где так и прославляют подвиг убиенного императора: «Радуйся, святый Царю-искупителю Николае, Помазанниче Божий, жертвою искупительною твоею Христа о воскресении Руси умоливый!» Появились люди, которые не просто верят всему этому, но и подводят под эти идеи свою «богословскую» базу: дескать, Христос искупил нас от первородного проклятия, но есть родовые грехи, которые идут уже от потомков наших прародителей, и вот за них-то нужна не всеобщая, не всемирная, а, так сказать, частная искупительная жертва. Грех цареубийства, отступления от монархической власти — один из таких грехов, а царь-мученик является «искупителем». Отсюда следует новая идея — о христоподражательном подвиге последнего русского царя, за нею же — еще и еще новые. Поразительно, что за всем этим «богословием» и шумом даже, казалось бы, духовно грамотные люди совершенно забывают элементарные евангельские истины: «Когда исполните все повеленное вам, говорите.: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»[70]. Никакое земное мученичество, никакие наши подвиги — ничто и никогда не сравнится с той великой Голгофской Жертвой, которую принес Господь, искупив Собою, Своею Честною Кровью падшего человека. А почему не сравнится? Потому что Бог Безгрешен!

Отец Федор пожал плечами:

— Действительно странно, что люди ничего этого не понимают, не хотят понять, верят любому абсурду, втягивая себя в опаснейшие ереси, граничащие с богохульством. Ко мне тоже приходят разные люди, спрашивают: «Батюшка, а можно помолиться, чтобы Господь послал России нового царя? А можно пойти на крестный ход за будущего русского императора?» «Можно, — отвечаю им, — почему нельзя? Раз чувствуете в душе потребность такой молитвы — молитесь: и сообща, и на крестных ходах, и наедине. Просите Бога, стучитесь к Нему. Господь Сам сказал: «И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите»[71]. Только, говорю им, помните, что все это возможно только тогда, когда ваша воля, ваши желания

согласуются с волей, Промыслом Божьим. Будет золя Божья — будет и монархия, и царь, и все остальное. Поэтому просите, молитесь, но не забывайте все свои прошения заканчивать словами: «Да будет воля Твоя, Господи!» Не моя, а Твоя, Господи, воля! И напоминаю им слова Апостола: «Не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений»[72]. Странно, что люди не понимают таких простых истин…

Он снова задумался.

— Духовная слепота людей — это верный признак надвигающейся апостасии. Сначала не верим священникам, потом святоотеческим наставлениям, Матери-Церкви, потом ставим под сомнение ее вековые догматы, потом добавляем новые… Господи, как были правы святые отцы, когда писали: «Не переставай испытывать Божественные Писания, не переставай вопрошать Матерь свою — Церковь: когда приидет желанный Жених, спрашивай и разведывай о знамении Его пришествия, потому что Судия не укоснит. Не переставай спрашивать, пока в точности не узнаешь, не переставай прибегать к помощи знающих о сем в точности»[73]! Как был прав святитель Игнатий: «Нужно, крайне нужно внимание к Слову Божию, оправдываемому самими событиями враждебного ему времени и настроения, да не когда отпадаем»[74].

А что мы видим сейчас? Слепцы увлекают за собою слепцов. Сколько появилось новых «прозорливцев», «пророков», толкователей, кликуш! Им верят, их печатают, слушают, за ними идут. Увлечь русскую душу больших трудов не стоит: только помани пальцем — и побежит, помчится, очертя голову. А когда поймет, что поверил, но не проверил, когда увидит, что запутался, увяз по самые уши, сразу начинает локти кусать. Только истинно православное исповедание Христа, только неискаженное Священное Писание даст человеку трезвый ум, силы, мужество остаться тем «малым стадом», которое спасется.

Отец Федор взглянул на образ Спасителя.

— Все, через что прошел Господь, коснется каждого и все человечество. В том числе и те искушения, с которыми сатана подступал ко Христу в пустыне. Люди будут испытуемы теми же самыми соблазнами.

Вы представляете неописуемое удивление, радость, ликование на всей планете, когда безжизненные пустыни вдруг наполнятся жизнью? По ним потекут реки, вдоль берегов расцветут пышные сады, виноградники, мертвая земля станет плодоносной… Люди забудут, что такое нищета, скудость питания, голод. Не будет войн, не будет воровства, обездоленных. Изобилие продуктов! Бери, ешь — не хочу. Разве это плохо? Кто будет возражать? Да никто! Мало кому придет в голову, глядя на это чудо, вспомнить, что тем же самым был искушаем наш Господь? «И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами»[75]. Мир будет настолько прочно перевернут с ног на голову, а духовное оскудение достигнет таких масштабов, что люди поверят в этот «рай», с великой радостью воскликнут «Осанна!» этому «благодетелю», даже не подумав, что Господь, говоря о том, что «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»[76], ставил во главу угла, началом всех начал, в том числе и материального изобилия, духовный фундамент. К тому времени люди забудут обо всем на свете, радуясь, визжа от восторга, что камни сделались хлебами.

Господь дал матушке-России все, чтобы она была первой среди равных: обширные земли, несметные природные богатства, изобильные моря, леса. К тому же, дал не за какие-то особые заслуги или красивые глазки, а просто так, по Своей неизреченной любви к нашей святой земле. Бери, пользуйся во благо, во славу Божию, но не забывай, о чем говорил Господь: «Кто

хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»[77]. Вот что значит первенство в христианском понимании! Быть для всех добрым слугой, рабом. Казалось бы, как все легко, понятно, в реальной же жизни — печально и страшно…

— А вера в разные чудеса? Разве она не сыграет с русскими людьми злую шутку? — продолжал размышлять отец Федор. — Не к тому ли подбивал дьявол, когда говорил Спасителю: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею»[78]? Вроде бы, благовидная забота, чтобы показать величие Господне: мгновенно, сразу, окружив Христа несметным сонмом Ангелов. А к чему Господь готовил Себя, Своих учеников и всех последователей? Ко Кресту! Многим христианам это до сих пор непонятно, поэтому они везде и всюду ищут чудес, каких-то особых знамений — точь-в-точь, как искали фарисеи, прямо-таки требуя от Христа чуда: «Кое Ты твориши знамение, да видим и веру имем Тебе?»[79] Тех великих чудес, которые Господь совершал на глазах сотен людей: многочисленных исцелений, умножения хлебов и рыбы, воскрешения мертвых, — всего этого тем лукавым искусителям нашего Спасителя было мало. Они жаждали таких чудес, которые бы совершались не в тишине и молитве, а громко: с разверстым небом, с чем-то подобием манны небесной, со спускающимися Ангелами и многими другими эффектами.

Этого ждут и теперь: немало людей живут в настолько развращенном духовном состоянии, что во всем ищут чудес, высасывают их из пальца, пичкают друг друга небылицами, не имеющими ничего общего с церковной догматикой. Господь предупреждает всех, отвечая Своему искусителю: «Не искушай Господа Бога твоего»[80]. А Ему в ответ: «Покажи чудо!» И тот, кто явится антихристом, покажет им очень много невиданных ранее «чудес», чем их прельстит еще больше.

Отец Алексей подошел к старцу.

— Вы думаете, чудеса возбуждают в них веру? Ничего подобного! Батюшка, с которым я учился в семинарии, рассказывал, что у него в храме стала мироточить одна фреска. Первыми заметили уборщицы, как с лика святого потекли струйки мира. Сказали настоятелю, узнали люди, сбежались, начали служить молебен, опускаться на колени. Все благочестиво. Потом чудо повторилось еще и еще раз… И, думаете, это тронуло души, как в первый раз? Кто-то увидел, кому-то рассказал, тот подошел, присмотрелся: точно, миро. И пошел себе дальше. Ни благоговения, ни трепета — ничегошеньки! К этому чуду быстро привыкли, подавай им что-нибудь новенькое.

— Не о том ли предупреждали святые отцы, когда говорили, что страсть к чудесам, желание их везде и всюду искать, замечать, видеть, пытаться творить самому — это признак самообольщения, гордости, высокого самомнения, духовно развращенного ума и отвращения от истинной веры? Святитель Игнатий, прозорливо предвидя это страшное духовное отступление, еще в XIX веке предупреждал, что мы «приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное зрелище многочисленных и поразительных ложных чудес, чтобы увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами»[81]. Святитель Иоанн Златоуст гораздо раньше писал о том, что время обширных чудес завершается, хотя он сам был живым свидетелем жизни многих подвижников, в ком проявлялась святая чудотворная сила.

— Видать, настолько нынче оскудела вера, что без чуда никак. Подавай на блюдечке с голубой

каемочкой.

— Да и чудо ли?.. — задумчиво спросил старец. — Раньше, когда происходили чудесные события, это становилось событием на всю Русь, сопровождалось многими знамениями, исцелениями. Господь, посылая его, давал ясно понять, к чему оно, тем самым настраивая души не на «ахи» да «охи», а не покаяние. Теперь же только и слышишь: там обновилось, там засветилось, там потекло миро, там что-то объявилось. Вокруг сразу появляется море кликуш, толкователей, «прозорливцев»… Но Господь строго предупреждает об опасности времен, когда будут явлены «великие знамения и чудеса»[82], чтобы ими прельстить даже избранных. А уж о том, что они прельстят доверчивых, ищущих чудес, падких на них, то что тут говорить… И вот этим-то окончательно обманутым, прельщенным людям он скажет то, что сатана говорил Христу, показав Ему богатства мира: «Все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне». Что ответил ему Сын Божий? «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи»[83]. Прельщенные антихристом несчастные люди так решительно и смело ответить не смогут. Более того: «ничтоже сумняшеся», они с радостью поклонятся ему, потому что действительно увидят в этой личности долгожданного «мессию», вождя, освободителя от всех страданий, который дал им материальное изобилие, мир, чудеса… Не в том блаженном царстве, которое обещал Христос, а уже здесь, на земле, в земном измерении. Жизнь ведь одна: так рассуждает большинство. И будут брать от нее все подряд, не задумываясь ни о чем духовном, вечном, а того самого всемирного «благодетеля» вознесут до самых небес и поклонятся ему, как божеству. Такое уже не раз было и будет. Для обмирщенной человеческой психологии слово «великий» означает почти то же, что и «святой». Или я ошибаюсь?

Отец Федор испытующе посмотрел на братьев.

— Вас не удивляет, не пугает, какая «народная» истерия поднимается на наших глазах вокруг имени Сталина? В глазах огромного числа наших сограждан он уже вовсе не великий тиран, а великий вождь, великий полководец, великий стратег, которому удалось создать мощнейшую в мире супердержаву. Оказывается, уже на самом высоком уровне обсуждается вопрос о возвращении Волгограду прежнего названия: Сталинград. И кто участвует в этих дискуссиях? Конечно же, и церковные люди, прекрасно знающие о том, кто такие святые новомученики, в земле Российской просиявшие, наслышанные об их страданиях, гонениях и издевательствах над ними. И эти-то верующие вместе со всеми остальными согражданами сегодня не только говорят, а поднимают вопрос о канонизации Сталина. Великого тирана и душегуба хотят возвести в ранг великого святого! Уже появились его иконы, акафисты, молитвы!

Братья горько усмехнулись.

— У меня отбоя нет от этих вопросов, — сказал отец Алексей.

— Утомлю вас еще немного, чтобы не думали, что только вас донимают, — отец Федор вновь повернулся к шкафу и, поискав на полках, нашел нужный листок:

— Хочу, чтобы вы послушали, какая в наших людях живет ностальгия за сталинской эпохой.

И стал читать:

«Я с печалью вспоминаю этого великого человека… Это были лучшие годы в истории СССР. По улицам ходили свободно. Цены снижались ежегодно. Все обитатели нашего дома — рабочие, шофер, пожарный, врачи, мой отец профессор — покупали в магазинах любые продукты: икру, ветчину, семгу. Качество такое, что нынешнее изобилие, несмотря на яркие обертки, кажется

пародией. Не было нынешнего разврата. Пели песни и снимали фильмы о любви, — но как о трогательной тайне, куда посторонним глазам не нужно смотреть. Сажали? Бывало, но далеко не так много, как об этом пишут...»

Он оторвался от листка:

— Слышите, о чем печаль? О чем тоска души? Изобилие продуктов, низкие цены, все дешево, доступно для простого человека... Все ходят радостные, поют песни: «Жить стало лучше, жить стало веселей...» Кругом портреты Сталина, дифирамбы «отцу народов» на все голоса... Ну, за кем-то там приезжали, кого-то арестовывали, судили, сажали, даже расстреливали... Подумаешь, беда какая. Значит, за дело...

Было заметно, что отец Федор сильно разволновался.

— И кто сожалеет за той жизнью? Кто ее хочет возвратить, кто молится об этом? Почти мой ровесник, целый игумен! Развесил у себя «иконы» Сталина и молится перед ними. Для него страдания тысяч священников, монахов и простых верующих в то время, оказывается, не трагедия вовсе...

И продолжил читать:

«Гонения на Церковь и священнослужителей имели место в основном до установления единовластия Сталина. Их организаторами выступали те самые старые большевики, которых он уничтожил. Но главное — Русская Церковь гонения эти заслужила. Вспомните приветственные телеграммы, которые шли почти от всех епархий масонскому Временному правительству после свержения Николая II... Такая Церковь должна была очиститься, пройдя через репрессии и страдания. Да, погибли невинные, которые сейчас признаны мучениками, но какое же православное государство без мучеников? Для России счастье, что они есть и заступаются за нее перед лицом Господа»[84].

От волнения листок дрожал в руках старца.

— Оказывается, для этого игумена не трагедия, а настоящее счастье, что при Сталине были расстреляны, погибли в лагерях и ссылках миллионы безвинных людей. Теперь есть кому на небе молиться за Россию и ее «великого вождя и учителя всех времен и народов» товарища Сталина. Не его ведь, игумена, тащили на допросы к следователю, не над ним издевались, не над близкими ему людьми, не их ссылали на верную смерть в концлагеря, гноили там, морили голодом, ставили лицом к стенке... Не он ведь хлебнул этого «счастья». Как относиться ко всему этому? Историческое беспамятство, старческое слабоумие игумена, юродство?.. Ладно, если бы это был единичный случай. Как говорится, посмеялись да забыли. А когда желание канонизировать Сталина, а, значит, и поклониться ему, приобретает массовый характер? Когда от Церкви открыто требуют прославить тирана «иже во святых»? И ведь это лишь начало еще более страшного безумия: пишут «иконы», сочиняют молитвословия и славословия одиозным историческим личностям, возводят в ранг святых некоторых современных политиков... А сколько «пророчеств», сколько «чудес» относительно всего этого! Приход антихриста, его воцарение и всемирное прославление вполне логично завершит эту безумную тенденцию.

Братья почувствовали, что отец Федор утомился от разговора, и стали прощаться. Было уже довольно поздно. Но отец Федор задержал, попросив посидеть с ним еще немного.

— Повидались, пообщались, почаевничали... — батюшка ласково посмотрел на них. — А один разговорчик остался.

— Может, в другой раз? — им не хотелось злоупотреблять гостеприимством старца. — Вам отдыхать, нам к завтрашней службе готовиться.

— Можно и в другой… Каждый раз хочу поговорить с вами на эту тему, да то забываю, то не решаюсь…

— Отец Федор, — удивились братья, — какие между нами могут быть недомолвки? Если недолго, давайте поговорим. Зачем откладывать на завтра-послезавтра?

— Нет, совсем недолго, я вас и так утомил.

Батюшка налил из чайника немного теплой воды и выпил.

— Разговор, отцы, такой, что он мне самому до конца не понятный… А поговорить, рассказать вам необходимо, потому что приближается одна интересная дата…

Братья удивленно переглянулись.

— Вы не слишком-то удивляйтесь, потому как, говорю, мне самому не все ясно. Моя мама сама заговорила об этом, когда я уже взрослым, самостоятельным был, служил на приходе, а она почувствовала приближение своего исхода из этой жизни. Тогда и заговорила со мной на эту тему… Суть такая. Когда мама с вашей бабушкой добились разрешения и поехали в ссылку проведать вашего деда, сидевшего там, он открыл им одну тайну: с тем следователем, который вел его дело, они заключили не то пари, не то еще что, ну, в общем, условились встретиться через 75 лет.

Братья удивились еще больше.

— Вы, говорю, не шибко удивляйтесь. Ваше дело слушать, а наше общее — постараться понять, к чему следует быть во всеоружии готовыми. Мама рассказывала, что когда отец Андрей был арестован, он и следователь условились снова встретиться и продолжить начатый разговор о том, в каком обществе, в какой стране мы будем жить. Дед-то ваш антикоммунистом был яростным, тогдашнюю политику на дух не желал принимать, не шел ни на какие компромиссы, уговоры, ласки. А следователь, наоборот, верил в победу коммунизма. Да не просто так, потому что всем тогда мерещились сияющие вершины земного рая, а свято верил. Дед тоже был крепок верой: в Бога. И решили они схлестнуть эти две веры в будущем: чья возьмет? Он велел передать своим прямым потомкам, которые будут жить после него, что эта встреча назначена ровно через 75 лет после того, как по его делу вынесли приговор, не подлежащий обжалованию. Назвал даже день этой встречи: 10 октября. Теперь, грамотеи, считайте: если отнять семь с половиной десятков лет, как раз получится год, когда отца Андрея сослали, — 1938. И наоборот. Сущая правда. А до 10 октября осталось совсем ничего: лето, поди, на исходе.

Все задумались.

— Мы ведь с вами не прозорливцы, которых сейчас многие ищут, а простые приходские батюшки, — в раздумье сказал отец Федор. — Самое правильное — не гадать, что да как, а, крепко помолившись, во всем положиться на волю и милость Божию. Господь все откроет и во всем вразумит, аще на то будет Его святая воля. Отец Андрей просто так ничего не говорил, он каждому слову цену знал. Поэтому, любезные мои отцы и собратья, отнесемся ко всему очень серьезно. Что-то должно произойти…

«Отмщение крове раб Твоих пролитыя…»

На смену жаркому изнурительному лету пришла желанная осень: тихая, щедрая, с утренней прохладой, туманами и дождями. Охваченный грибной охотой народ повалил в окрестные леса: с корзинками, сумками, рюкзаками, ведрами, заталкиваясь и протискиваясь в пригородный транспорт, загромождая все проходы и места. По улицам и аллеям парков зашелестели опавшие листья: желтые, золотистые, красные — осень не скупилась на краски, радуя глаз, умиротворяя души, готовясь к зимнему увяданию и сну.

Но на сердце отца Дмитрия было неспокойно: неожиданно заболел брат, и состояние здоровья с каждым днем ухудшалось. Его не покидали сильные головные боли, головокружение, шум в ушах, а нарастающая слабость лишила возможности служить в храме. Большую часть времени он лежал дома, не думая, однако, обращаться к врачам, пользуясь лишь народными средствами и помощью сердобольных прихожан: целебными отварами, чаями, компрессами, массажем. Даже дома он не мог долго молиться: приступы головной боли буквально валили с ног, забирая силы, — все заботы о службе в храме и пастве взял на себя второй священник.

Отец Дмитрий, обеспокоенный состоянием здоровья брата, каждый день навещал его.

— Я начал, а ты решил продолжить? — подбадривал он, вспоминая, как недавно сам страдал от изнурительных головных болей. — Кто знает, что в атмосфере творится… Люди ходят, как вареные, с чумной головой. Почти каждый день отпевания: и уходят ведь не только пожилые люди, а и молодежь. Слабое нынче поколение телом, про дух и говорить нечего.

— Не хочу грешить, но, может, это все БАДы[85]? Химия она и есть химия, как ты ее красиво не назови и во что ни упакуй. Отправил бы я эти таблетки в мусорное ведро.

— Какие БАДы? Что за люди тебе их посоветовали? — встревожился отец Дмитрий.

— Обычные витаминные добавки: во всем мире их тысячи принимают. Ничего страшного. Знающие люди рекомендовали. Я тебе об одной как-то рассказывал. Ходит прилежно в храм, очень интересуется духовной жизнью. Можно сказать, примерная прихожанка, хоть и из неофиток[86]. Она меня свела еще с одним: тоже образованный человек, серьезной наукой занимается. Они-то и убедили меня начать применять БАДы: на собственном опыте, говорят, убедились в их пользе, особенно при больших нагрузках на мозг. Кому-кому, а нашему брату этих нагрузок хватает: мозг, ноги, спина, горло… Попробовал: поначалу, вроде, ощутил положительный эффект, а потом боли пошли по нарастающей. Не хочу никого подозревать в злом умысле…

— Вообще-то умные люди, прежде чем что-то глотать, даже очень полезное и даже по совету очень умных людей, обращаются к врачам. Одному может быть на пользу, а другому во вред: уникальных лекарств, уникальных рецептов и советов не существует. Как можно быть таким неосторожным к собственному здоровью? Ты против себя же самого и грешишь таким отношением.

— Ой, не надо, брат, — поморщился отец Алексей. — Уж как ты сам его бережешь — все знают: живешь, прости меня, «не жалея живота своего». Говорю ведь: люди вполне достойные доверия, а не какие-то шарлатаны.

— Все равно нельзя так доверчиво, — огорченно сказал отец Дмитрий. — Организм экспериментов не любит: он Богом не для этого создан.

Они поговорили немного о других делах.

— У меня не идет из головы разговор с отцом Федором, — задумчиво сказал отец Дмитрий. — Помнишь его напоминание о 10 октября? Дата приближается. Что должно произойти? И должно ли? Может, лишнее беспокойство? «Тамо убояшася страха, идеже не бе страх…»[87] Возможно, дед что-то хотел передать нам, да все обросло мало кому понятными загадками о таинственной встрече. С другой стороны, не думаю, что дед стал бы верить в разную чушь. Все, кто его помнил, говорили о нем, как о человеке очень глубокой веры. Кроме того, он был известным в церковных кругах богословом… Да, ему пришлось жить в такой стране, в такой обстановке, где не только писать, а даже думать что-то крамольное или подозрительное было недопустимо. Поэтому успел лишь шепнуть людям, которым доверял полностью, эту самую дату: 10 октября. Ясное дело, что он не верил в реинкарнацию[88] души, смотрел на все трезво и здраво. Однако, просил предупредить нас, чтобы мы были готовы. Вот в чем загадка: чтобы были готовы именно мы, его внуки… К чему готовы?

Он посмотрел на больного брата.

— И эта твоя странная болезнь… Жил-был здоровяк — и вдруг, на тебе, свалился.

— Говорю же тебе, это, скорее всего, какой-то побочный эффект от витаминных добавок. Мне тот ученый, который их советовал принимать и дал упаковку, говорил, что на первых порах тоже мучился сильными головными болями, но потом они ушли, и он стал ощущать во всем организме здоровье и легкость.

Отец Алексей рассмеялся:

— Ты бы видел этого ученого мужа. Настоящий ребенок! Все у него уменьшительно-ласкательное: «таблеточки», «стаканчик водички», «головочка», «сосудики», «Элечка»… Теперь такие простые люди — редкость.

Поняв, что брат не намерен шутить, продолжил серьезно:

— Это все шлаки, которые закупоривают кровеносные сосуды. Пройдет, не делай страха, «идеже не бе страх».

— Я не делаю, а рассуждаю, стараюсь уловить связь между этими явлениями: предупреждение деда, 10 октября, твоя внезапная болезнь, химические добавки, странная неофитка с ее навязчивым ученым… Ты ничего не находишь? Никакой связи?

— Мистер Холмс, — попробовал перевести разговор на шутку отец Алексей, — я бы с удовольствием поддержал ваш дедуктивный метод, но… Один из моих прихожан в таких случаях говорит, что связь такая же, как влияние лунного света на утренние надои молока.

Отец Дмитрий, однако, не был настроен на юмор.

— Расскажи-ка мне, брат, о своей благодетельнице «сотоварищи», которая тебя пичкает этими витаминами. Что о ней известно, кроме любопытства в духовных вопросах?

— Сколько можно рассказывать? — поморщился отец Алексей. — Умная молодая женщина, полный антипод многим своим ровесницам: скромная, воспитанная, спокойная, уравновешенная… О семье ничего, правда, не знаю, даже то, есть ли у нее вообще: муж, дети… Большая умница, работает в каком-то исследовательском центре, пишет диссертацию. Причем, всего добивается собственным трудом, упорством, хотя имеет такие высокие связи, что…

Благодаря им она помогла мне решить многие проблемы с храмом: ремонт, роспись, покупку новой утвари.

— Что привело ее к тебе?

— А что ведет других? — удивленно пожал плечами брат. — Одних приводят старые прихожане, другие приходят сами: кто через интерес к вопросам нашей веры, кто через праздное любопытство…

— Ко мне тоже идут. Что ее привело именно к тебе? Где она живет?

Отец Алексей снова пожал плечами.

— Не могу сказать. Я у нее в гостях ни разу не был. Мы встречались, общались несколько раз в городе, а меценатов она привозила прямо в храм. Побольше бы таких порядочных людей!

Но отец Дмитрий не спешил разделить это настроение.

— Кто тот человек, который советовал тебе принимать таблетки? Ты говоришь, они вместе работают?

— Не я говорю, а она. И он подтверждает это же самое.

— Где именно работают? Название института или научного центра?

— Брат, — оживился отец Алексей, — я ведь не милиционер и не следователь. Мне что нужно? Место работы или душа, которую открывают мне, как священнику? Не пойму, что за странные подозрения?

— Когда священнику открывают душу — я ничего не имею против, — охладил возмущение отец Дмитрий. — Когда ему предлагают дружбу — тоже. Но когда вместе с дружбой предлагают принимать модные таблетки, когда ни с того, ни с сего везут богатых меценатов, — лично меня такая «дружба» насторожила бы. Кстати, возьму упаковку, если позволишь.

И он взял со стола начатую упаковку БАДов.

— Хочешь попробовать? — засмеялся отец Алексей.

— Нет, хочу приберечь к 10 октября. Может, пригодится: или до, или после. Тебе хоть известно, как зовут этих твоих благодетелей?

— Конечно! Ее — Эльвира, его — Роман Андреевич. Уверяю, в высшей степени порядочные люди. Как можно, ни разу не видев их в глаза, в чем-то подозревать? Я тебя не узнаю…

— Я сам себя не узнаю, — задумчиво сказал отец Дмитрий. — Говоришь, твои неофиты — порядочные люди? Дай-то Бог, чтобы ты не обманулся и не разочаровался.

Возвратившись от брата домой, отец Дмитрий продолжал рассуждать:

«Скорее всего, им нужен я. Кому именно? Тем, кто затеял какую-то тонкую игру. Брат — это приманка. В таком болезненном, вялом состоянии он может понадобиться только врачам. Главная игра начнется, скорее всего, со мной. Только кем я буду в этой игре? Защитником? Голкипером? На скамейке запасных? Кто знает… Но точно не зрителем».

Он глянул на висевший на стене большой перекидной календарь:

— 2 октября. Неделя на подготовку.

Потом достал коробочку витаминных добавок и начал внимательно рассматривать ее. Вроде, ничего особенного: стандартная фабричная упаковка, название фармацевтической фирмы, химический состав, дата изготовления, срок годности… Все нормально, ничто не вызывает подозрений.

Отец Дмитрий прилег на кушетку, прикрыл глаза и попробовал сосредоточиться на всех образах, которые ему навязчиво являлись в последнее время, будучи так или иначе связаны с дедом. Итак, что запомнилось? В общем-то, маловато конкретного: отдельные детали, несвязанные образы, обрывки фраз… Храм, где он служил настоятелем, разные незнакомые люди, в том числе военные, лай сторожевых собак, гулкие шаги по каменному полу…

Вот сам дед: где еще моложавый, а где — настоящий старец, но всюду благообразный, тихий, смиренный. Улыбка деда: мягкая, кроткая, сдержанная… Его голос такой же: тихий, спокойный, но в то же время — исполненный внутренней силы, энергии, убежденности. Слышно даже, как он молится, в каждое слово вкладывая свое упование на Бога:

«Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся? Внегда приближатися на мя злобующым, еже снести плоти моя, оскорбляющий мя, и врази мои, тии изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю…»[89]

И Господь слышал его моление, укреплял батюшку в скорбях перед грядущими тяжелыми испытаниями.

А вот он не просто молится, а рыдает пред Богом:

«Како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего…»[90]

Страдания Церкви от рук безбожников — это и его, отца Андрея, страдания. Он содрогается от издевательств, осквернений святынь, дьявольского смеха из глубин души своего же родного русского народа. Иерусалим, о котором рыдают плененные иудеи, — это его, отца Андрея, русская земля, полоненная безбожниками, святотатцами, богохульниками, проданная им за бесценок своим же народом — некогда святым, благочестивым, праведным. И отец Андрей горько рыдает, разделяя все страдания Руси, погрузившейся в мрак безбожия. Эта земля — с разрушенными храмами, монастырями, превращенными в концлагеря, поруганными святынями — стала для него «чуждей»…

В памяти отца Дмитрия все мелькали и мелькали обрывки воспоминаний, образов, слов, связанных с покойным дедом. Незаметно для себя он погрузился в дремоту, а потом и вовсе заснул…

…«Где это я?..»

Отец Дмитрий удивленно осмотрелся, увидев себя в храме: каком-то очень знакомом и в то же время вроде как уже несуществующем. Вокруг царил полумрак, горели лампады, свечи, на клиросе слышался тихий голос чтеца, в глубине алтаря немолодой священник — видимо, сам настоятель — совершал проскомидию[91], вынимая частички из просфор, поданных на

поминовение. Людей, стоявших в храме, были единицы: очень скорбные, сосредоточенные в молитве. Никто даже не обратил внимания на отца Дмитрия, одетого, как обычно, в рабочий подрясник, с наперсным крестом, волосами, наспех затянутыми сзади резинкой в тугой узел.

— Хорошо, что пришел, — послышался голос священника из алтаря. — Иди помогай, записок много, не успеваю. Нам еще поговорить нужно.

Отец Дмитрий огляделся вокруг: к кому был обращен этот голос?

— Тебе, батюшка Дмитрий, тебе говорю, — послышалось снова. — Больше некому: я да ты, да мы с тобой…

Приложившись к иконе в центре храма — это был образ Казанской Богоматери — отец Дмитрий, не переставая оглядываться по сторонам, прошел в алтарь. Там никого не было, кроме старенького батюшки, читающего в очках с толстыми потертыми стеклами. Он подвинул целую стопку книжечек с именами живых и почивших прихожан — помянников — и отрывисто повторил:

— Читай.

Отец Дмитрий начал читать. Было заметно, что эти маленькие книжечки постоянно читали: многие из них были ветхими, почти рассыпавшимися, уголки страничек черными, засаленными, надорванными. Имена в них тоже были странные, архаичными, каких его современники давно не носят: Дементий, Ермолай, Василина, Авдотья, Агафья, Онисим, Ферапонт… Много убиенных. Где, когда? Что это вообще за люди? Отец Дмитрий терялся в догадках, то и дело поглядывая на стоявшего рядом батюшку, сосредоточенно совершавшего уставной церковный чин. Он был совершенно седой, с таким же скорбным, исстрадавшимся лицом, как и у прихожан, стоявших на молитве в храме.

— Я тебя таким и представлял, — неожиданно улыбнулся он, глянув в сторону отца Дмитрия.

— А я… — отец Дмитрий хотел спросить, кто же этот благообразный старец, но почувствовал, как ему от волнения перехватило горло. Его вдруг озарила догадка: это был его дед. Родной дед! Отец Андрей! Догадка была настолько яркой, не вызывающей ни малейшего сомнения, что отец Дмитрий даже перестал терзаться мыслями: где он, как сюда попал? Рядом с ним стоял и молился его родной дед, о котором он столько слышал! Человек-легенда! Страдалец Христов!

— Читай, читай, — поняв, что отец Дмитрий догадался, старец опять кротко улыбнулся и подвинул ему еще стопку таких же книжечек.

В алтарь незаметно вошел незнакомый человек с аккуратно стриженой бородкой и стареньким молитвословом в руках, чем-то взволнованный — и сразу к батюшке: быстро шептать, то и дело показывая в сторону церковного двора.

— Иди, Алексей Степанович, иди, — спокойно ответил ему батюшка, — на все воля Божия…

— Я же молочка вам оставил, — донеслось до отца Дмитрия, — в коридорчике баночка стоит… Коровка нынче плохо доится. Не знаю, чем деток кормить, прямо беда…

— Будем уповать на милость Господню, — поспешил успокоить его отец Андрей. — Все мы в Его крепкой деснице. «Мужайтеся, и да крепится сердце ваше, вси уповающий на Господа»[92].

Он стал еще собраннее, похожим на библейского Пророка — высокий, седой, изможденный страданиями, — прошел к престолу и, подняв руки, возгласил начало Божественной литургии:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков!..

…Потом таким же странным образом отец Дмитрий увидел себя уже не внутри церкви, где только что стоял и служил вместе со своим дедом, а снаружи, на главной городской площади. Он сразу узнал храм, который много раз видел на старых фотографиях: его снесли в конце 30-х годов. И сейчас ему казалось, что он стал живым свидетелем этой страшной расправы, надругательства над святыней.

Площадь была полна народа. Пожилые и юные горожане, почтенные интеллигенты и простолюдины, солдаты, школьники и даже дети — вся эта масса бурлила, переливалась, смешивалась в пестрые пятна, краски, гудела, смеялась, что-то громко выкрикивала. Несмотря на довольно позднюю осень, было тепло и солнечно, поэтому люди стояли наряженными тоже по-разному: в теплую одежду и налегке, в куртках, старых картузах, модных шляпах… Сразу с нескольких сторон доносилась музыка: оркестр играл бравурные марши, их звуки смешивались с бренчанием гитар, чьими-то хрипловатыми подвыпившими голосами, звучавшими в гуще этого невообразимого праздника вандалов. Отовсюду разило спиртным: водка, вино, домашняя брага — все лилось рекой.

Прямо перед главным входом в храм была установлена высокая трибуна, с которой в собравшуюся толпу громко вещал щуплый человечек в очках.

— Товарищ Ленин еще в пятом классе гимназии раз и навсегда покончил со всяческими вопросами религии и предрассудками: он решительно снял с себя крест и бросил его в мусор. С того времени будущий вождь мирового пролетариата стал ярым врагом всякого мракобесия, проповедуемого церковниками. Еще в 1905 году в своей знаменитой статье «Социализм и религия», ставшей нашим манифестом, нашей, с позволения сказать, большевистской библией, Ленин требовал бороться с религиозным туманом. Под лозунгом «Религия есть опиум народа» он с присущей ему решительностью и непримиримостью воспитывал у большевиков чувство ненависти к религии, особенно к христианству. Со всей откровенностью его позиция выражена в следующем высказывании: «Всякая религиозная идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость… самая опасная мерзость, самая гнусная зараза». «Электричество заменит крестьянину Бога, — прозорливо предвидел товарищ Ленин. — Пусть крестьянин молится электричеству; он будет больше чувствовать силу власти — вместо неба».

Отныне, товарищи, беспощадная борьба со всякой религией возведена в ранг государственной политики. Мы должны неукоснительно следовать ленинскому лозунгу: «Церкви и тюрьмы сровняем с землей»! «Поповская голова для нас, — учит всех нас товарищ Ленин, — это пень, на котором партия затесывает свои коммунистические колья».

Пока отец Дмитрий приходил в себя от первых впечатлений увиденного и услышанного, на трибуну поднялся новый оратор — еще один худощавый интеллигент. Заглядывая в лежавший перед ним приготовленный конспект, он старался перекричать толпу, то и дело срываясь с громкого голоса на истерический крик:

— Кто служит в этих церквах и молитвенных домах, для каких целей используются помещения религиозными общинами, какая часть населения составляет верующих, как община выполняет налоговую систему — председатели исполкомов не знают. Это, товарищи, надо признать. Между тем большевики во главе с товарищем Сталиным предостерегают, что религиозные

общины являются удобной формой не только для совершения религиозных потребностей, но и для использования их врагами в целях антисоветской, контрреволюционной пропаганды. Это обязывает всех нас повысить большевистскую бдительность и максимально усилить надзор за деятельностью церковников и религиозных общин.

Многочисленные факты активизации церковников, нарушения ими советских законов говорят о том, что люди чуждой нам идеологии, а порой и прямые агенты иностранных разведок — эти недобитые враги — не встречают в своей деятельности почти никакого сопротивления со стороны советских органов на местах, со стороны коммунистов, которые, как известно, обязаны быть воинствующими атеистами. Мы слишком мало, позорно мало разоблачаем лицемерие, ханжество и антинародную сущность церковных деятелей в глазах народа.

Нам, большевикам, ни на минуту нельзя забывать той простой истины, что под религиозной проповедью скрывается глубоко враждебная идеология врагов нашей партии, нашего государства. Чтобы убедиться в этом, достаточно поглубже вникнуть в содержание проповедей, исходящих от церковников, а также поглубже познакомиться с деятельностью главарей церковных общин, являющихся, как правило, отъявленными врагами Советского государства[93].

Следом за ним на трибуне появился еще один оратор, взявшийся громогласно, под выкрики толпы оглашать ленинский документ, «благословляющий» невиданный «красный» террор власти против Церкви:

— Именно теперь и только теперь, — призывает нас товарищ Ленин, — когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением ни перед каким сопротивлением. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс; который либо обеспечит нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечит нейтрализацию этих масс… Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать!

На каждое из выступлений собравшаяся перед храмом толпа отвечала ревом одобрения, криками, свистом, доводя себя до неистовства в ожидании чего-то еще большего.

Отец Дмитрий почувствовал приступ дурноты и пошатнулся. В такой атмосфере было невыносимо душно и мерзко. Чуть поодаль стояла группа женщин, скорбно взирая на свой разоренный, подготовленный к уничтожению храм, и тех вандалов, которые собрались на площади, чтобы под всеобщее улюлюканье совершить это злодейство. Женщины не кричали, не бились в истерике, а лишь взирали со слезами на храм и тихо молились. Находясь рядом с ними, отец Дмитрий не знал, чем их утешить, как остановить все, что творилось на его глазах. Верующие стояли, окруженные плотной толпой безумцев, беззащитные, бесправные, лишь безутешно плача и вытирая слезы, да взывая к небу образумить людей, бросивших вызов Самому Богу. Отец Андрей же, напротив, был собран: его губы беззвучно творили молитву, укрепляя всех, кто сбился вокруг него. Странным несоответствием всему происходящему и с одной, и с другой стороны был тот самый почтенный Алексей Степанович, который шептался в алтаре с отцом Андреем и напоминал ему об оставленном для него «молочке». И сейчас он

очень некстати теребил настоятеля за рукав, отвлекая от сосредоточенной молитвы:

— Батюшка, вы молочко не забудьте забрать… Баночка на подоконнике. В коридорчике… Я бы с радостью и больше, да коровка нынче плохо… Детки просят, привыкли, без молочка не могут… Мы все молочные. Что делать — ума не приложу.

«Наверное, староста», — подумал отец Дмитрий, на что, как ему показалось, отец Андрей положительно кивнул головой.

Сюсюканье про «молочко» отвлекало и даже раздражало отца Андрея. Ему хотелось одернуть этого «добродетеля» с бородкой, но в глубинах подсознания он не мог ни на что повлиять: ему оставалась роль тайнозрителя, свидетеля творившегося сатанинского беззакония.

«Господи, — взмолился отец Дмитрий, — неужели это и впрямь Святая Русь, русский народ? Где же твоя святость? Где твоя душа, ум? Русские люди, как вы позволили себя так обмануть, разбазарить все святое? Или прав отец Федор, говоря, что душа русского народа способна вместить как бездну святости, так и бездну грязи: совершенно отступить от Бога, Которого перед тем прославила в подвигах святых, в неизреченных по красоте храмах, монастырях, иконах, песнопениях?.. И теперь разменять все это на…»

Он стоял остолбеневший от творившегося беззакония.

Между тем на трибуну, сменяя один другого, выходили ораторы. Все услышали еще один истерический голос, на этот раз читавший Маяковского. Не успел чтец слезть, как на его месте появился новый, завопив еще более истошным голосом:

Восстань! Карай врагов страны,
Как острый серп срезает колос!
Вперед! Туда, где шум и крик,
Где плещут красныя знамена!
И когда горячей крови
Ширь полей вспоит волна,
Всколосись в зеленой нови,
Возрожденная страна!

Ему вторили новые и новые чтецы, рвавшиеся покрасоваться перед восторженной городской публикой:

Первый нож — на бояр, на вельмож,
Второй нож — на попов, на святош!
Выньте, гулящие, руки из брюк —
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук —
пришел, чтоб и бился лбом бы!..
Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!
Пускай земле под ножами припомнится,
кого хотела опошлить!..

Теперь все происходящее вокруг напоминало уже не сон, а бред параноиков, жуткую бесовскую оргию, ибо то, что он видел, не могло присниться даже в самом страшном сне.

Отцу Дмитрию хотелось кричать во весь голос: «Остановитесь, безумцы! Опомнитесь!», — но

язык не подчинялся ему, он оставался безмолвным свидетелем, лишенным возможности хотя бы словом восстать против.

«Где же это я видел? — пульсировал в его сознании навязчивый вопрос. — Ведь я точно видел это. Где?!»

И уже перед его внутренним взором замелькали кадры старой кинохроники, которую он действительно много раз видел в фильмах об эпохе тридцатых годов: взорванные стены храмов, поверженные кресты с куполов, изуродованные образа, осквернённые мощи святых угодников, а над всем этим — ликующие толпы вандалов, смех, бесовская радость пирровой победы. За ними — мелькающие кадры другой документальной хроники: колючая проволока концлагерей — сотен, тысяч лагерей, целой империей лагерей, где среди заклятых «врагов народа» — те, кто еще вчера служил в храмах некогда Святой Руси. Теперь там — клубы, очаги «пролетарской культуры», портреты Ленина, Сталина, Берии, Ярославского-Губельмана и других безбожников, палачей собственного народа, христоненавистников.

Все это в сознании отца Дмитрия смешалось с раздирающими звуками деревенской гармошки, которая наяривала пошлую мелодию, с таким же пошлым оглушительным смехом и визгливыми частушками:

Мой миленок — коммунист,
Рубашонка бела.
По тебе, мой коммунист,
Сердце изболело!
Слышь, подружка моя Нюшка,
Пойдем-выйдем на лужок.
Может, нас с тобой запишут
В комсомольческий кружок?

Чуть поодаль, захлебываясь от хохота, голосил еще кто-то:

Будем, девочки, почаще
С комсомольцами гулять:
Комсомольцы нас научат
Книги Ленина читать.

Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку:
Вывел он меня на свет,
Темную крестьяночку.

А неподалеку от них городская молодежь уже приплясывала, образовав широкий круг. Горластая комсомолка — лохматая, с бесстыжими накрашенными глазами, — размахивая красной косынкой, под громкий хохот обступивших со всех сторон подвыпивших дружков и подружек изощрялась в других богохульных частушках:

Комсомольцев любить —
Нужно перемениться:
Нужо крест не носить,
Богу не молиться!

В комсомолки все просилась —
Приняли намедни,

А мамаша-богомолка
Гонит все к обедне.

Не гони, мамаша, в церковь,
Я не богомолочка:
Запишусь я в Ре-Ка-Пе —
Буду комсомолочка!

Из-за леса вышел поезд,
Фонари на нем горят.
Девки старого режима
Все про Бога говорят.

Нынче вот какая мода —
Стали Бога забывать.
Брошу я икону в печку —
Неужели отставать?

Ламца-дрица, аца-ца,
Пасха будет без яйца!

Отец Дмитрий протиснулся сквозь толпу и увидел близко это раскрасневшееся лицо, горящие глаза, безумное гримасничанье, под которое она продолжала и продолжала богохульствовать, хохоча в лицо уже самому отцу Дмитрию:

Теперь новые права,
Новые законы,
Дьякон ризы продает,
Попадья — иконы!

Сроду, сроду не плясала:
Не велят родители,
А теперя разрешили
Новые правители.

Сошью кофточку-японку
И повешу на забор.
Если поп не обвенчает —
Первенчает комсомол!

И тут, среди этого всеобщего неистовства, беснования отец Дмитрий услышал тихий женский голос:

— Смотри, Феденька, и запоминай, тебе это в жизни не раз пригодится. А когда нашу церковь снова построят — это время обязательно придет, — то молись за всех, кто сейчас радуется нашим слезам. Горько им будет, когда Господь призовет к ответу, ох, как горько…

Он повернулся и увидел женщину преклонных лет, прижавшую к себе мальчонку: он не плакал, не рыдал, не вырывался из рук, как другие; в его глазах не было детского испуга, страха — напротив, они смотрели на творившийся вокруг ужас не по-детски взрослым взглядом, очень серьезным и строгим, впитывая и запоминая каждую деталь происходящего, каждое мгновение, каждый звук, слово…

«Неужели это отец Федор?» — как озарение, мелькнула догадка у отца Дмитрия. Он не успел ничего сообразить, как такой же тихий голос, но уже самого отца Андрея, обратился к нему:

— Смотри, батюшка, и запоминай, тебе это тоже пригодится. Очень скоро пригодится… Им кажется, что теперь они боги, победители. «Бог Судитель праведен и крепок»[94]. Бог, а не они! И никто, яко Господь наш Вседержитель! А каждого, кто против Него, ждет Высший Суд: «Бог отмщений Господь, Бог отмщений не обинулся есть»[95]. Ты — живой свидетель этих праведных слов. Смотри же и запоминай! Ты свидетель правды: «Уловят на душу праведничу, и кровь неповинную осудят. И бысть мне Господь в прибежище, и Бог мой в помощь упования моего. И воздаст им Господь беззаконие их, и по лукавствию их погубит я Господь Бог наш»[96].

Лицо отца Андрея неожиданно озарилось, он поднял руки к небу, воззвав всем своим исстрадавшимся сердцем:

— Господи, «да внидет пред Тя воздыхание окованных, по величию мышцы Твоея снабди сыны умерщвленных. Воздаждь соседом нашым седмерицею в недро их поношение их, имже поносиша Тя, Господи. Мы же, людие Твои и овцы, пажити Твоея, исповемыся Тебе, Боже, во век, в род и род возвестим хвалу Твою»[97].

И, повернувшись к отцу Дмитрию, тихо сказал: — Не убойся, отец, когда сам узришь «отмщение крове раб Твоих пролитыя»[98].

Отец Дмитрий чувствовал, что еще миг — и его сознание не выдержит, оно выключится. И тогда в него потоком вольется, ворвется все, что он сейчас видел и слышал: визгливое пение, крики, хохот, горящие глаза, жаждавшие увидеть, не пропустить самого главного — разрушения храма. Кто-то истошно закричал:

— Несут! Несу-у-у-ут!!!

На этот крик толпа разразилась еще большей радостью: из храма выносили иконы, кресты. Снова грянули звуки оркестра, придавая этому кошмару особую торжественность и праздничность.

Отец Дмитрий зажмурился, чтобы не видеть ничего этого, но лишь открыл глаза — и пред его взором предстало еще более страшное зрелище. Ему показалось — нет, он реально увидел! — что вокруг церкви, готовые в ярости разрушить ее, стереть с лица земли, стояли не эта бесновавшиеся разношерстные люди тридцатых годов, а уже наши современники, безбожники наших дней: прожигатели жизни в ночных клубах, ресторанах, сквернословы, блудодеи, пьяницы; «золотая молодежь», на которую не скупятся состоятельные «папики»; подростки из обычных городских кварталов, сел и деревень, едва не с детства погрязшие в сквернословии, алкоголизме, разврате; девочки и женщины, ежегодно убивающие в своих отравленных грехом утробах сотни тысяч, миллионы не появившихся на свет маленьких русских жизней; не слышащие голос обличающей их совести, вытеснившие из себя всякую мысль о Боге, святости и святой жизни.

И почти все они — свои, родные, русские… Это они, а не озверевшая толпа комсомольцев-безбожников тридцатых годов, не масоны и иноверцы стояли перед взором отца Дмитрия на главной городской площади в предвкушении уничтожения красавца-храма. Русские! Это они жаждали расправы над священниками, крови женщин, стоявших в сторонке и неутешно плакавших, надеясь на чудо Божие, могущее остановить творившееся безумие.

Отцу Дмитрию изо всех сил хотелось кричать, хотелось ворваться в самый центр этого неописуемого дикого мракобесия и защитить храм, уже приговоренный, как и несчастные верующие люди, к уничтожению. Вместе с ними он плакал, задыхался от боли и страдания, молился, тогда как в глубоком подсознании продолжала рождаться мысль, пытавшаяся понять реальность всего происходящего.

Ему казалось, что он уже близок к разгадке, но всякий раз, когда хватался за ниточку, ведущую к ответу, его начинали отвлекать, настойчиво дергая за рукав. Даже не поворачиваясь, отец Дмитрий, знал, кто это: все тот же староста, перед этим докучавший отцу Андрею назойливыми напоминаниями о «молочке». Теперь он надоедал ими отцу Дмитрию:

— Я вам, батюшечка, тоже припас. Правда, маленькая баночка, но от коровки, свеженькое… Не побрезгуйте…

К чему-то он добавил:

— Только таблеточки им не следует запивать. Вредно: так моя матушечка говорит, а она у меня знаете какая… Все знает! Водичкой. Лучше водичкой. Я вам и водички поставил, прямо из колодца: чистенькая, как слезка… Баночка. Тоже рядышом…

Отец Дмитрий не знал, как отвязаться от этого навязчивого человека, а тот все теребил и теребил за рукав, рассказывая и рассказывая то, что не имело никакого отношения к происходящему на площади:

— Мы, Бурлаковы, все молочные… Без воды сможем прожить, а без молочка — ни-ни! Коровка всегда у нас была… Кормилица… А в этом году что-то случилось, мало доится… Матушка моя носится с ней, как с дитем малым: ласкает, песенки ей поет, стишки читает…

И стал читать:

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз…

Покатилися слезы из глаз.

Истомилася грудь. Лямка режет плечо.

Надо «ухать» еще и еще…

— Это стишок о нелегкой бурлацкой доле, матушка его очень любит… Мы ведь все Бурлаковы — вот, наверное, и любит… А без молочка мы никак. Вы уж не забудьте, батюшечка, баночку. И водичка там же, чтобы таблеточку запить…

Это бесконечное, навязчивое щебетание про «молочко», «водичку», «таблеточку» стало уже не просто раздражать, а утомлять отца Дмитрия: оно навалилось на него, как огромный ком, камень, грозя раздавить и начиная вытеснять даже ту скорбь, которую он испытывал, стоя рядом со страждущими людьми. Он не знал, как отбиться от этого разговора: староста не давал ему ни на чем сосредоточиться, теребя и теребя за рукав.

— Господи, — взмолился отец Дмитрий, — избави мя от лукаваго!

И… проснулся.

Он увидел, что рядом стоит взволнованная матушка и теребит его за рукав, прося проснуться.

— Ох, и напугал ты меня, — перекрестилась она, облегченно вздохнув. — Что тебе там приснилось? И стонал, и вздыхал, и отмахивался от кого-то, как назойливой мухи. Разве можно так доводить себя? На-ка лучше попей.

И протянула чашку.

— Что ты мне даешь? — отец Дмитрий еще не мог отойти от увиденного во сне. — Молочка?

— Ага, молочка, — матушка укоризненно покачала головой. — Не подоили бычка! С каких это пор ты молочка захотел? Да еще в пятницу?

Отец Дмитрий протер глаза и окончательно пришел в себя после сна. Он сел и начал сосредоточенно анализировать:

«Так, все понемногу начинает сходиться: покойный дед, его завещание быть готовым к 10 октября, молочко, прочие “сюси-пуси”, таблетки, “бурлаки на Волге”, навязчивый староста… Не удивлюсь, если этот благодетель, который посоветовал брату принимать таблетки, имеет отношение к неким Бурлаковым, а они сами еще к кому-то или чему-то, о чем предупредил дед».

— Какое сегодня число? — крикнул он на кухню, где своими делами занималась матушка.

— С утра третье было, — отозвалась она.

— Третье октября… — задумчиво повторил батюшка. — Неделя в запасе, чтобы еще раз все осмыслить и подготовиться. Время пошло…

— Какая неделя? — услышала матушка. — До Покрова?

— Нет, — еще тише сказал отец Дмитрий. — До отмщения «крове раб Твоих пролитыя…»

Капкан

Несмотря на опасения, состояние здоровья отца Алексея немного улучшилось. Он начал вставать, наведываться в храм, заниматься церковными заботами. Слыша по телефону бодрый голос родного брата, успокоился и отец Дмитрий. В суете своих повседневных забот он даже начал забывать о потрясшем его сне, будучи уверенным, что это было одно из искушений, о которых предупреждают святые отцы, наставляя ничему не верить и не принимать всерьез. Но поздно вечером на мобильный телефон раздался звонок. На дисплее высветилось имя отца Алексея.

— Ты только не слишком суетись, — услышал он раздосадованный голос, — и не делай большой трагедии, но я звоню тебе из клиники. Что-то поплохело мне резко…

— Так ты же мне сам… — начал было отец Дмитрий, но брат остановил:

— Да, говорил… И что дальше? Утром солнышко ясное светило, предвещая погожий денек, а через час, вопреки прогнозам синоптиков, небо затянуло и пошел дождик. Разве не бывает? Вот и со мной та же история приключилась. Только, говорю, не делай больших глаз и не раздувай трагедии. Я в хорошей клинике, хороший присмотр… Не волнуйся.

— Давай для начала я сам увижу, как тебе «поплохело», а потом решу, как реагировать. Ты в какой клинике? Городской? Отделение, палата? Я сейчас приеду.

— Палата № 6, — отец Алексей попробовал перевести разговор на шутку. — Нет, не в городской, а в частной. По протекции своих добрых знакомых.

— Тех самых, которые тебя пичкали «волшебными» таблетками?

— Брат, ну хочется тебе снова-здорово? Причем здесь таблетки и…

— Я спросил: это те друзья-товарищи?

— Те самые. И что с того? Попасть в такую клинику, чтобы ты знал…

Отец Дмитрий не дал договорить:

— Через полчаса узнаю. А заодно надеюсь увидеться с этими благодетелями. Я выезжаю!

— Не надо, брат, очень тебя прошу, — уже смиренно попросил отец Алексей. — Я под плотным наблюдением, завтра меня ждет комплексное обследование головного мозга на каком-то супер-пупер томографе[99].

— Адрес этой клиники, — потребовал отец Дмитрий.

— Брат, это не то заведение, которое себя рекламирует и навязывает свои услуги. Здесь официальное медицинское научно-исследовательское учреждение, но закрытого типа. Сюда попадают только по протекции либо специальному приглашению самой клиники.

— Как подопытные кролики. Так, что ли?

— Не так. Давай встретимся завтра — и сам все увидишь.

— А твоих друзей я увижу?

— Их тоже. Они волнуются не меньше тебя. Наверное, тоже считают себя виновными в том, что со мной случилось. Настоящее искушение с этими таблетками… Ты ведь знаешь, что я и раньше страдал от головных болей, мигрени. Давно надо было бы самому обратиться к врачам, да пока петушок нас не клюнет в одно место — мы не пошевелимся. Вот и клюнул. Ничего, полежу, обследуюсь, пролечусь недельку — и назад. Не я первый, не я последний.

Отец Дмитрий тяжело вздохнул и положил телефон. К нему возвратились прежние недобрые предчувствия и тревога.

Он взглянул на висевший перекидной календарь: 9 октября было на исходе. Наступал таинственный день…

Тем же вечером в кабинете Графа состоялся еще один разговор: его самого с Эльвирой.

— Ты все сделала хорошо. Осталось последнее: чтобы брат Авдеева завтра был у меня под сканером.

— Но я же… — хотела что-то сказать Эля, но тот оборвал:

— Я сказал: завтра! Послезавтра он мне не интересен. Завтра! Поэтому дави на Авдеева, прессингуй, убеждай, включай все свои таланты, вытащи сюда его старшего брата. И соберись сама: всем будет много работы.

Эльвира нервно заерзала в кресле.

— Граф, я сделала все, что могла…

— А ты сделай больше! — тот ударил кулаком по столу, побагровев от злости. — Больше сделай! Я же смог, когда подобрал тебя на помойке и превратил из старой развалины в молодуху. Смог! И ты сумей, а не жуй сопли, потому что завтрашний день решит не только судьбу моего проекта, меня самого, но и тебя лично. Если я не смогу найти ключ к третьему порталу — закроется все, чего я добился, а ты снова превратишься в старуху, от которой будут шарахаться даже бездомные уличные собаки.

— Граф, не забывай, что я женщина…

— Ты такая же женщина, как я — балерина, — злобно рассмеялся тот. — Ты — старая ведьма, которая убедила меня начать эту игру, а теперь хочешь улизнуть в сторону!

— Граф, не я убедила тебя в этом: мне подсказала «сила».

— Какая еще «сила»? Космическая?!

— Та, которой служат женщины всего нашего рода, я уже рассказывала об этом. То, что ты называешь «вторым порталом», мы называем просто «силой». Ты подключаешься к ней по своим каналам, мы — по своим: это тайна нашего рода, которая передается от матери к дочери из поколения в поколение. Когда моя мама умерла, то все заветные слова, которыми мы вызываем «силу», мне передала родная бабушка. Все, что мы открываем другим, — нам открывает «сила».

— А мне открыл мой родной дед! Без всякой «силы»! Знаешь, кем он был? Генералом КГБ! Вот это была сила! Настоящая, а не разные заговоры и заветные словечки в носовом платочке от бабушки-прабабушки. Мой дед любую вашу «силу» мог скрутить в бараний рог. И скручивал!

— Наша «сила» помогала и твоему деду, — прошептала Эля.

— Повторяю: мой дед служил в контрразведке, прошел две войны, был офицером НКВД, потом генералом КГБ, а не деревенским Дедом-шептуном, который занимается какими-то приворотами для несговорчивых девок, наводит «порчу», варит свои колдовские зелья. Люди до сих пор помнят его блестящий ум, интеллект, профессиональный опыт! Нашла с кем сравнить…

— Граф, успокойся и поверь мне, как верил до сих пор: твой дед имел контакты с нашей «силой». Не нужно сводить все до такого примитивного уровня. То, что мы называем «силой», другим людям открывается по-разному, соответственно уровню их ума и развития. Например, дед считал ее «космическим разумом». Солнце не перестает быть солнцем от того, что люди его по-разному называют и не одинаково воспринимают.

— Если ты завтра не справишься со своей задачей, то я тебя и твою «силу»… Лично! Вот этими самыми руками!..

Граф был похож на страшного хищного зверя, который притаился в ожидании жертвы. Зверя, уверенного в своей победе. Но в глубине его жил страх: а вдруг на той же тропе стоит капкан на него самого? А вдруг в тот миг, когда он бросится на жертву, капкан захлопнется, сомкнется стальными челюстями, сделав беззащитной жертвой самого зверя? Что тогда?..

Этот же неосознанный страх испытывала и Эльвира: «сила», которая всегда была послушна, даже покорна ей; «сила», в которой она чувствовала собственную уверенность и неуязвимость, сейчас вдруг тоже притихла — и не потому, что приготовилась к решающему броску, а потому, что тоже чего-то боялась, не рисковала выйти на поединок, сразиться и победить. Но если Граф боялся угодить в капкан, поставленный более хитрым и опытным, чем он сам, охотником, то «сила» боялась еще большего: что угодит в один из капканов, расставленных ею самой. Угодив же в него, не сможет вырваться, погибнет…

Эльвира молчала.

— Чего молчишь? — не выдержал Граф.

— Я думаю, не ошиблись ли мы в том, что наш Авдеев — тот, кто сможет выполнить функцию проводника интересующего тебя канала?

— Думать нужно всегда до того, как начинать что-то осуществлять.

— Нет, я не в том смысле. «Сила» никогда меня не обманывала…

— А у меня нет оснований не верить родному деду! — резко оборвал ее Граф. — Он назвал точный день и точное основание для того, чтобы мы были уверены: да, это Авдеев. Плюс та информация, которую нам раздобыл тот, с кем ты кувыркаешься в постели в отсутствие его родной жены. Какие могут быть сомнения?

— Вроде, никаких… Тогда откуда этот страх, неуверенность в том, что завтра…

Она жалобно взглянула на Графа:

— Может, давай отменим?

— Что отменим? — хмыкнул он. — 10 октября? Или весь календарь? Может, заодно и все законы природы?

— Завтрашний эксперимент.

— Ошибаешься, дорогая, — прошипел он. — Это не эксперимент. Далеко не эксперимент. Это, если хочешь, приговор: или нам с тобой, или… Приговор! Без права обжалования на помилование. Поэтому советую: собери все свои «силы» к завтрашнему дню. Если проиграем — послезавтрашний день для кого-то из нас может не наступить…

Он вздохнул и посмотрел на Эльвиру:

— 10 октября станет для нас или днем триумфа, или оглашения приговора. Или победа, или капкан. Или мы, или нас… Я вложил в тебя все свои знания, все тайны, чего достиг, добился в науке. Я повернул время вспять и возвратил тебе молодость, здоровье, бодрость. Это уже наша с тобой тайна — и никого больше. Но если я не смогу разгадать тайну третьего портала и подключиться к нему — рухнет все, на чем держится моя система, в том числе и ты сама. Ты разрушишься — и как личность, и как мой научный план. Уничтожится программа, которую я ввел в тебя, обманув твой организм и заставив его развиваться вспять. Понимаешь или нет? Я обманул Бога! Бросил Ему вызов.

Граф обхватил голову руками.

— Я сделал действительно все, Эля. Ты должна сделать больше, потому что работаешь на таком уровне, который мне и моим технологиям недоступен: он слишком нематериален. Это твоя зона, твое поле. Когда саперы минируют территорию, то обязательно оставляют карту заминированной местности, чтобы не подорваться самим. До сегодняшнего дня я вел тебя, завтра же поведешь ты: это твое поле. И не дай Бог нам оступиться…

Рано утром отец Дмитрий был уже в палате родного брата. Его удивило, что клиника располагалась в старом особняке, известном всем горожанам. Многие были уверены, что здесь находится небольшой отель для особо почетных и очень состоятельных персон, из-за чего простой смертный не мог туда попасть. Свидетели утверждали, что сюда время от времени подъезжали дорогие машины с затемненными окнами: охрана впускала их в подземный гараж, укрывая надежно, кто находился внутри. Точно так же машины тех покидали эту таинственную зону. Вокруг этого места ходили разные слухи, сплетни, время от времени подогреваемые публикациями в местной печати, но все это как появлялось, так и исчезало: быстро, без лишнего шума, не оставляя заметного следа и воспоминаний.

Рядом с особняком стоял пристроенный корпус, не портя изысканной старой архитектуры и даже дополняя ее стиль некоторыми элементами. Вся территория была обнесена высокой изгородью: надежной настолько, что ни в нее, ни через нее никто не мог сунуть свой любопытный нос. К тому же она по всему периметру была оборудована круглосуточным наблюдением и электронной сигнализацией. Вместе с вооруженной частной охраной все это делало центр надежно закрытой и защищенной со всех сторон территорией.

Внимательно проверив документы и сообщив руководству, охрана вежливо проводила отца Дмитрия через двор к главному входу.

Не менее впечатлило его и то, что было внутри: комфортная современная мебель, атмосфера уюта, тишины, полного покоя, отвечающая главному предназначению учреждения. На входе в каждое отделение стояла своя охрана, обеспечивающая строгий режим пропуска к пациентам и осуществляющая контроль за перемещением этих же самых пациентов внутри центра.

Увидев брата, отец Алексей попытался встать.

— Вам нельзя, Алексей Александрович, — вежливо сказала медсестра, удержав его порыв.

— Лежи, лежи, — отец Дмитрий обнял брата.

Он осмотрелся. Палата, где тот лежал, тоже была очень уютной, рассчитанной на одного пациента и оснащенной новейшим медицинским оборудованием, позволяющим постоянно следить за состоянием здоровья.

— Я бы сам не прочь обследоваться в таком учреждении, — не скрывая удивления, сказал отец Дмитрий. — А заодно и подлечиться. Да только не с нашими возможностями мечтать об этом.

— Ну, эти возможности мы берем на себя, — раздался сзади чей-то голос. — Как поется, «мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Отец Дмитрий обернулся и увидел двух интеллигентных людей: мужчину почтенного возраста и молодую женщину, приветливо улыбавшихся ему.

— Знакомься, брат: это и есть мои благодетели, которые позаботились обо мне, — сказал отец Алексей.

«Хороша забота, — подумал отец Дмитрий, усмехнувшись про себя. — Сначала чем-то напичкать, а потом уложить в больницу, да еще такую странную: без вывески, без открытых контактов, с вооруженной охраной».

Мужчина представился Романом Андреевичем Истриным, его спутница — Эльвирой Максимовной. Оба выглядели безупречно: он — в строгом деловом костюме, она — в таком же дорогом брючном костюме, подчеркивающем ее стройную спортивную фигуру.

— Я говорил, что это достойнейшие, милейшие люди, — начал отец Алексей, на что Эльвира Максимовна кокетливо улыбнулась:

— Батюшка, наверное, думал иначе?

Отец Дмитрий пожал плечами:

— Как я мог думать, не видя и не зная вас? Рад познакомиться. Мой брат о вас много рассказывал — и, между прочим, только хорошее. Ни одного худого слова.

— Мы очень надеемся оправдать его доброе отношение дружбой с вами, — Роман Андреевич пожал отцу Дмитрию руку, заглянув ему в глаза и тоже улыбнувшись. — По правде сказать, нам очень неловко перед вашим братом. Как говорится, хотели, как лучше, а вышло — как всегда.

— Не нужно себя понапрасну винить и посыпать голову пеплом, — заступился отец Алексей, — я сам во всем виноват, не обращал внимания на собственное здоровье. Спасибо, что вы подстегнули меня да еще посодействовали попасть в такой центр. Не будь вас — я бы, наверное…

Он не договорил. Дверь открылась — и в палату вошел еще один представительный человек.

— Не нас, а не будь вот этого замечательного господина, — Роман Андреевич первым вышел ему навстречу, пожимая руку, — мы все были бы лишены такой возможности.

И он повернулся к отцу Дмитрию:

— Хочу представить вам главного волшебника и чудотворца этого заведения.

Тот сам подошел к батюшке:

— Я — директор центра Евгений Васильевич Амелин.

Эльвира Максимовна улыбнулась:

— Если можно, добавлю: профессор медицины, почетный президент международного центра проблем головного мозга, желанный гость во многих странах…

— А для всех, кто хотя бы немного знаком с Евгением Васильевичем, — это просто замечательный человек добрейшей души, — радостно добавил Роман Андреевич.

— В чем лично я уже успел убедиться, — улыбнулся и отец Алексей, здороваясь с директором.

Пообщавшись немного с гостями, Амелин вежливо пригласил отца Дмитрия в свой рабочий кабинет.

— Я тоже слышал о вас много лестных слов, — сказал он, сев в кресло напротив батюшки.

— Что же мешало нам познакомиться раньше? — улыбнулся отец Дмитрий. — Наверное, это как раз тот случай, о котором говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Оба добродушно рассмеялись.

— Наверное. А может, причина в том, что в силу своей причастности к серьезной науке я слишком рационален и не могу ничего принимать на веру. У вас же, как мне представляется, все с точностью да наоборот: человек должен сначала поверить, а уже потом убеждаться в правоте и силе своей веры на конкретных фактах. Или ошибаюсь?

— Почему же? — развел руками отец Дмитрий. — Наша вера совершенно не отрицает науку, но многие ее догматы нельзя препарировать так, как это возможно в сфере научных знаний, пусть даже очень абстрактных, философских, а не таких естественных, какими занимаетесь вы, изучая природу человеческого мозга. Наука и христианская вера — подчеркну это — не находятся в противоречии, поскольку мы верим и исповедуем, что Бог есть Творец всего сущего, а вы изучаеете это сущее. В том числе и мозг, который изначально входил в промысел Божий о сотворении человека. А вот то, куда сам человек подключает этот орган — определяет уже весь последующий вектор его деятельности и, прежде всего, кому он начинает служить: науке или Богу.

Амелин обомлел:

«Он знает тайну третьего портала! Он знает!

Осталось найти его мозговой код, шифр — и…»

— Признаюсь: я поражен, — он перевел дух. — Я поражен тому, что вы, священник, знаете такие тонкости того, чем занимаемся мы, отдавая этому годы упорного труда.

— Неужели это вас так удивило? — спросил отец Дмитрий. — Я сказал то, что может сказать вам любой верующий человек, ведущий правильную, здоровую христианскую жизнь, ведь у нас, как и у вас, есть свои «пациенты»: не слишком разборчивые в духовных вопросах, подверженные разным «инфекциям». Поэтому Церковь — это своего рода диагностический и лечебный центр для каждого, кто хочет иметь крепкое духовное здоровье.

Амелин рассмеялся:

— Однако, ловко сравнили! Да, теперь я вижу, что много потерял, не общаясь с такими умными людьми, как вы, дорогой Дмитрий Александрович. Простите, что не научен обращаться к духовным особам подобающим образом.

— Все можно исправить. Нашему общению ничто не мешает. Мы всегда открыты и готовы.

— Будем считать наше знакомство началом этого диалога и общения.

— Думаю, вы сможете рассказать мне о состоянии брата? — отец Дмитрий стал серьезным. — Он, признаюсь, всегда был болезненным, но все, что с ним произошло… И так внезапно. Поверьте, он мне очень дорог: как-никак, младший брат. Я всегда за него заступался, и теперь душа болит, когда вижу, что в нем что-то надломилось, пошло на ухудшение.

Амелин встал и прошелся по кабинету.

— Я с вами хотел поговорить на эту же тему. И не только потому, что здесь ваш родной брат, но заботясь и о вашем собственном здоровье.

Отец Дмитрий удивленно посмотрел на него.

— Мы ведь не рядовая поликлиника, занимаемся лечением не насморка или гайморита, а более серьезными проблемами. Вчера провели первые обследования, и у нас появилось серьезное подозрение на то, что у вашего брата развивается…

— Злокачественная опухоль? — встревожился отец Дмитрий.

Амелин по-дружески обнял его за плечи:

— Заметьте: я этого не говорил. Кроме рака есть столько факторов, способных умертвить организм человека, что, боюсь, даже ваш всесильный Творец не сможет с ними справиться. Для этого и созданы такие научно-исследовательские учреждения, как наше. У вашего брата — спешу успокоить — нет подозрения на опухоль. Но есть все симптомы другой, не менее опасной, болезни. У нее очень мудреное название: вам оно ни о чем не скажет, как мне — ваши богословские термины. Ее особенность в том, что она передается по наследственной цепочке, развиваясь на каждом новом поколении, все более укрепляясь и, что самое опасное, — хитро маскируясь, чтобы ничем не выдать себя. Такой себе генетический «диверсант». Когда ее удается обнаружить, — она уже либо не подлежит лечению: ни терапевтическому, ни хирургическому, — либо разрушает тот орган, в котором поселилась изначально. А селится она чаще всего как раз в головном мозге, «прилипая» к функционирующим системам кровоснабжения, подачи кислорода и так далее. Чтобы нам убедиться в том, что ваш брат поражен этим родовым вирусом, либо, наоборот, развеять опасения и быстро поставить его на ноги, нам хотелось бы — если вы, конечно, не против — заглянуть в тот участок мозга, который потенциально может быть поражен тем же, что и мозг вашего брата.

Амелин пристально посмотрел в глаза отцу Дмитрию:

— Заглянуть в участок вашего мозга, Дмитрий Александрович, именно вашего.

Тот не смог скрыть удивления:

— Нет, я совершенно не против. Но как же вы собираетесь туда заглядывать?

Амелин рассмеялся:

— Наши инструменты простые, народные: стамеска, долото, молоток. Недавно, правда, обзавелись электродрелью и «болгаркой»[100].

И рассмеялся еще больше, видя смущение на лице отца Дмитрия.

— Смею вас уверить, что вы абсолютно ничего не почувствуете, никакого дискомфорта и неприятных ощущений. Это не кабинет стоматолога с бормашиной. Будете слышать только приятную расслабляющую музыку. Наши сканеры, «читающие» структуру головного мозга и всего организма, — последнее достижение мировой науки. Если бы я вам сказал, какие люди бывают у нас с разными проблемами… Но, вы же понимаете, я не могу сделать этого по этическим соображениям. Итак, любезный батюшка Дмитрий Александрович, если вы не против, то…

— Если это действительно в интересах здоровья моего брата, то я не против.

— Это в ваших интересах тоже. Лично в ваших, Дмитрий Александрович. Чем быстрее враг будет обнаружен, тем легче с ним можно справиться — это закон любой борьбы. Предупрежден — значит обезопасен. Не будем откладывать на завтра, а займемся сегодня. Сейчас же. А потом я вас угощу отменным кофе и мы продолжим нашу беседу. Мне, признаюсь, очень хочется услышать богословские выводы о природе человеческого мозга, зарождения и развития мысли.

И они вышли из кабинета.

Отец Дмитрий не испытывал беспокойства. Единственное, что сейчас его занимало — это здоровье брата, серьезность странной болезни, внезапно сразившей его. Он не думал о том, что тот же недуг может быть у него самого: притаился и ждет маленького толчка, сигнала к атаке, чтобы начать быстро развиваться, уничтожая -живые ткани вокруг. Евгений Васильевич, напротив, не мог справиться с охватившим его беспокойством: он нервно теребил зажатый в руках рабочий блокнот и ручку, порывался куда-то звонить по мобильному телефону, но сразу сбрасывал набранный номер.

Когда они вошли в помещение, где проводились обследования, отец Дмитрий остановился как вкопанный. Он не мог предположить, что в его родном городе, далеко от столицы, находилось такое учреждение: с мощным диагностическим оборудованием, компьютерной, лазерной техникой, высоким уровнем общей эстетики, несопоставимой с тем, с чем встречались больные в рядовых медицинских заведениях.

— Ничего, когда-нибудь мы доживем до того, что такое оборудование войдет во все больницы, — почувствовав удивление гостя, сказал Амелин. — Если не доживем мы, то доживут грядущие поколения. Мы же готовим основу для этого торжества медицинской науки.

Он проводил отца Дмитрия к креслу и предложил надеть прозрачный шлемофон, плотно обтекающий черепную часть многочисленными контактами и медными пластинами. Батюшка с интересом начал разглядывать его.

— Уверяю вас, досточтимый Дмитрий Александрович, — взялся успокаивать Амелин, — ничего страшного: никаких болей, неприятных ощущений и побочных эффектов. Только музыка: приятная, расслабляющая. Если желаете, мы можем включить мелодию по вашему вкусу, у нас большая фонотека. Мы ждем от пациента максимально полного расслабления, а спокойная музыка располагает к этому. Вы будете смеяться, но некоторые наши клиенты успокаиваются настолько, что засыпают в кресле. Больше того: просят повторения процедуры. Я начинаю даже теряться, что этому способствует больше: сама процедура обследования или же музыка.

И засмеялся.

— Что же, послушаем вашу музыку, — спокойно ответил отец Дмитрий, надевая шлемофон.

— Я не попрощался с вашими друзьями, которые позаботились о моем брате, — вдруг вспомнил он о людях, с которыми познакомился, навестив брата.

— О, можете не беспокоиться! Это такие вечно занятые, деловые господа, что, думаю, давно покинули палату, — сказал Амелин, прекрасно зная, что те никуда не уехали: Истрин вышел в коридор, Эльвира же незаметно прошла в помещение, соединенное с лабораторией, где находился отец Дмитрий, и, прильнув к монитору, надев гарнитуру — наушники и микрофон, сосредоточилась на контакте с Амелиным.

— Я готова, — услышал он в своих наушниках. — Выключи работу его мысли. Полная

релаксация. Полная! Я скажу, когда откроется третий портал. Мне кажется, я начинаю видеть его. Работаем!

— Дмитрий Александрович, — отец Дмитрий услышал через наушники голос Амелина, — постарайтесь не думать ни о чем, что вас тревожит. Совершенно ни о чем. Просто слушайте музыку и забудьте о всех проблемах… Это очень важно, чтобы мы увидели спокойную работу вашего мозга.

Из наушников полилась тихая музыка: очень красивая, где звуки живой природы — дыхание океана, шум ночного дождя, шепот ветра — слились с волшебными звуками флейты и каких-то экзотических инструментов.

Отец Дмитрий удобнее устроился в мягком кресле и начал слушать.

— Дмитрий Александрович, — раздался снова голос Амелина, — нам от вас нужно полное расслабление. Полное. Мои приборы показывают, что ваш мозг над чем-то работает. Забудьте обо всем, о всех тревогах и проблемах. Переключитесь только на музыку, соединитесь, слейтесь с ней. Можете вспомнить то, что вам особенно приятно, — и заполните этими воспоминаниями мозг. Постарайтесь…

— Так, так, — теперь услышал Амелин голос Эльвиры, — мы близко. Очень близко… Нужна полная отключка.

Отец Дмитрий расслабился еще больше, отогнал все мысли, оставив мозгу единственную привычную для него работу: молитву. Без молитвы он не мог жить: ни днем, ни ночью. Даже когда спал, мозг продолжал творить молитву: с нею он засыпал и просыпался. Ничто не доставляло ему столько утешения, покоя, духовного наслаждения, как молитва. Особенно Псалтирь. Он, как и его благочестивые предки, жил этой великой книгой. Псалтирь передавалась в роду Авдеевых из поколения в поколение: толстая книга в кожаном переплете, с медными замками-застежками, отпечатанная древним стилем с большими красными буквами в начале каждого псалма, зачитанная до дыр. Отец Дмитрий всегда с благоговением брал в руки эту великую книгу, целовал ее, а затем открывал и начинал читать, упиваясь святым вдохновенным глаголом пророка Давида. Он знал ее почти наизусть. И сейчас, когда Амелин предложил отцу Дмитрию наполнить себя чем-то очень дорогим и приятным, начал молиться Псалтирью, ибо для него не было ничего дороже и приятнее Давидовых молитв:

«Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся? Внегда приближатися на мя злобующым, еже снести плоти моя, оскорбляющий мя, и врази мои, тии изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю. Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святый Его. Яко скры мя в селении Своем в день зол моих, покры мя в тайне селения Своего, на камень вознесе мя…»[101]

— Граф, — услышал Амелин голос Эли, — ты спишь или чем занят? Делай что-то! Я вижу портал, но к нему не подобраться! Это как то минное поле без карты, которым ты меня пугал. Там полно каких-то ловушек, капканов. Я боюсь идти первой! «Сила» меня не пускает! Делай что-то! Его мозг должен полностью выключиться!

— Заткнись! — огрызнулся он. — Делаю… Вернее, пытаюсь. У меня со сканером тоже творится что-то невообразимое… Словно сходит с ума… Все пляшет, ничего не могу понять.

И он переключил связь на отца Дмитрия:

— Дмитрий Александрович, если вы не дадите покой мозгу хотя бы на время нашего обследования — повторю: полный, совершенный покой, — мы не добьемся результата. А он важен. Для вас, в первую очередь. Я вижу в коре вашего мозга очень грозный процесс… Дайте нам возможность заглянуть туда поглубже, чтобы…

На самом деле Амелин ничего этого не видел. Линии амплитуд на мониторе, к которому он прильнул, прыгали, изгибались в невероятные дуги, искрились, сверкали, причудливо сплетались и разлетались, как от взрыва.

«Ничего не соображаю…» — он стучал по экрану, включал новые компьютерные системы, обеспечивающие разный режим работы мощного лазерного сканера, но везде приборы вели себя бесконтрольно.

— Дмитрий Александрович, — его голос звучал уже умоляюще, — прошу вас… Полный покой, вслушайтесь в музыку, забудьте себя… Вас не существует — только абсолютный покой и музыка!

— Я и так вполне спокоен, — ответил отец Дмитрий. — Не знаю, какого еще состояния ждете? Спокойнее меня, наверное, только покойники бывают.

И, улыбнувшись, продолжал молиться:

«Господи, Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятся великолепие Твое превыше небес. Из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу, враг Твоих ради, еже разрушити врага и местника. Яко узрю небеса, дела перст Твоих, луну и звезды, яже Ты основал еси. Что есть человек, яко помниши его? Или сын человечь, яко посещавши его? Умалил еси его малым чим от Ангел, славою и честию венчал еси его…»[102]

Эльвира же была на грани истерики:

— Граф, мы все теряем! Делай, делай хоть что-нибудь!

— Что ты предлагаешь? Убить его? Я сам не могу сообразить. Такого здесь никогда не было… Где же твоя хваленая «сила»? Бессильна?

— Граф, мы не знаем, что такое «третий портал». «Сила» боится подходить к нему близко!

— Тогда какая это «сила»?! Катись ты вместе с ней знаешь куда?!

— Граф, ты меня не бросишь! Ты не дашь мне стать прежней!

— Хорошо, что ты помнишь, кем была раньше. Очень хорошо! Поэтому если не хочешь стать еще хуже, то помогай мне! Я не могу пройти это поле без твоей помощи!

А отец Дмитрий по-прежнему молился сосредоточенной умной молитвой:

«Блажен разумеваяй на нища и убога, в день лют избавит его Господь. Господь да сохранит его и живит его, и да ублажит его на земли, и да не предаст его в руки врагов его. Господь да поможет ему на одре болезни его: все ложе его обратил еси в болезни его…»[103]

Он вытеснил из сознания все мысли, тревоги, сомнения, там обитавшие, — и молился. Молитва

заполнила все его существо — не только мозг. Молитва шла из самого сердца, и остановить, прервать ее — значило убить молящееся сердце.

— Дмитрий Александрович! — закричал в микрофон Амелин. — Авдеев! Прекратите! Иначе я…

И, сорвав с себя гарнитуру с наушниками, со всей злостью швырнул их в мигающий, сверкающий, вспыхивающий яркими огнями монитор. Он уже не мог слышать, как туда истошно орала Эльвира:.

— Граф! Граф!!! В меня вползает что-то страшное! Я погибаю! Будь ты проклят со своим дедом и всеми предками! Спаси меня! Не хочу! Не хочу-у-у!..

Охваченный неописуемым, необъяснимым страхом, забыв обо всем, он не мог видеть, как та, тоже сорвав с себя наушники, бросилась сначала к раскрытому окну, чтобы прыгнуть прямо во внутренний двор, потом в дверь, распахнув ее с такой силой, что в коридор выбежали все сотрудники отделения, наблюдая за невменяемой гостьей клиники, с обезумевшим взглядом опрометью помчавшейся на выход, не обращая ни на кого внимания. Ее спутник — почтенный господин в строгом деловом костюме — испуганно смотрел ей вслед, ничего не понимая и тоже объятый страхом.

— Авдеев! Прекратить! — уже прямо в лицо отцу Дмитрию кричал Граф. — Это не просьба! Приказ! Я тебя пристрелю! Именем революции!!! Молчать!

Отец Дмитрий ничего этого не слышал и не видел: даже музыки, которая продолжала тихо литься волшебными неземными звуками латиноамериканской флейты, падающих капель дождя, шелеста ветра… Прикрыв глаза, отрешившись от всего земного, его сердце вознеслось к Богу, воспевая вместе с Пророком Давидом:

«Исповемся Тебе, Господи, всем сердцем моим, и пред Ангелы воспою Тебе, яко услышал еси вся глаголы уст моих. Поклонюся ко храму святому Твоему и исповемся имени Твоему о милости Твоей и истине Твоей, яко возвеличил еси над всем имя Твое святое…»[104]

И лишь когда Амелин сорвал шлемофон с отца Дмитрия, тот открыл глаза и удивленно осмотрелся:

— Что? Уже все? Так быстро? И правда, я ничего не заметил…

Только сейчас он увидел перед собой лицо Графа-Амелина: перекошенное злобой, с горящими ненавистью и страхом глазами, сомкнутыми трясущимися губами.

— Что с вами? — спокойно спросил отец Дмитрий, поняв, что с Амелиным что-то случилось. — У вас испуганный вид. Неужели все так плохо?..

— Намного хуже, чем я мог ожидать, — понемногу успокаиваясь, тихо ответил тот.

— У кого? У меня или у брата? Вы можете смело говорить всю правду, не бойтесь, я ведь для этого и пришел.

— Нет, Дмитрий Александрович, не для этого вы пришли сюда…

Отец Дмитрий удивленно пожал плечами, ничего не понимая.

— Нет-нет, — поспешил развеять сомнения Амелин, — я не так выразился. Это мы не за тем

пригласили вас в наше заведение.

Он низко опустил голову и прошептал:

— Даже не так. Не пригласили, а… заманили.

Чтобы поймать в капкан. Поймались же сами…

Не дожидаясь помощников, Амелин сам освободил отца Дмитрия от всех подключенных контактов, датчиков и снова пригласил пройти в свой кабинет. Оба чувствовали неловкость возникшей ситуации.

— Кажется, вы обещали угостить меня необыкновенным кофе, — отец Дмитрий начал первым. — Признаться, я бы не отказался, чтобы немного взбодриться.

Амелин не ответил. Он встал, прошелся несколько раз по кабинету, а потом подошел к окну и глубоко вздохнул.

— Дмитрий Александрович, вы знали?..

Тот начинал догадываться, о чем хотел спросить Амелин.

— Смотря что, Евгений Васильевич.

— Сегодня 10 октября. Вы готовились к этому дню, к нашей встрече?..

Отец Дмитрий помолчал, размышляя над всем, что произошло, а потом ответил:

— Да, знал. Поэтому и был готов.

— И кто вас подготовил к этой встрече?

— Тот, Кому мы твердо верим как Спасителю: Господь.

Амелин усмехнулся:

— И Он сказал вам о сегодняшнем дне?

— Нет, Господь укрепил. А сказал мой покойный дед — в прошлом такой же священник, как я и мой отец. Священниками были многие наши предки. Звали деда Андрей Авдеев. Он велел передать мне о готовящейся встрече.

— А мне велел передать мой родной дед, Павел Михайлович Рачинский, ветеран органов госбезопасности, генерал КГБ. Когда служил еще в органах НКВД, то именно он сослал вашего деда в концлагерь, смягчив более строгий приговор, которого заслуживал Андрей Авдеев как враг народа: расстрел. Этот приговор он велел привести в исполнение мне, встретившись с вами через 75 лет и убедившись в том, что все, о чем говорил, что предвидел ваш дед, было антисоветской пропагандой и ложью.

— И что помешало вам выполнить завет родного деда? — тихо спросил отец Дмитрий.

— Нераскрытая тайна «третьего портала»…

Отец Дмитрий недоуменно посмотрел на Амелина, по-прежнему стоявшего к нему спиной,

лицом к раскрытому окну.

— Это отдельная тема, Дмитрий Александрович… Думаю, что у нас будет возможность поговорить о ней. По крайней мере, я буду просить вас об этом.

Он помолчал, о чем-то напряженно думая и переживая.

— Дмитрий Александрович, я много слышал о том, что в вашей церковной практике есть исповедь. Я никогда не был на ней и толком даже не знаю, что это такое. Наверное, чистосердечный разговор совести человека с Богом обо всем, в чем она обличает нас…

— Вы правильно рассуждаете. Вам совесть не дает покоя?

— Да. Поэтому я буду чистосердечно просить перед вами прощения за все, что связано с сегодняшним днем 10 октября. Если, конечно, это можно простить…

И, повернувшись к отцу Дмитрию, сказал:

— Я прошу простить лично меня за то, что я сделал все, чтобы заманить вас сюда, во-первых, для завершения секретных исследований головного мозга и раскрытия кода доступа к «третьему порталу»; во-вторых, чтобы исполнить то, что вы назвали заветами наших дедов — моего и вашего. Я прошу простить и моего родного деда, который служил тому страшному времени и остался ему верен до смерти. Он не дожил до сегодняшнего дня, а мы дожили, поэтому я свидетельствую, что правда была на стороне вашего деда, предвидевшего многое из того, во что мало кто верил, но что свершилось: распад Советского Союза, падение коммунистического занавеса, ленинской идеологии, а за ними — новая русская кровь на новых войнах…

Он тяжело вздохнул:

— Дед велел мне, своему наследнику, привести смертный приговор, а теперь он вынесен мне самому…

— Не нужно так… — отец Дмитрий понимал душевное смятение Амелина. — Наши деды давно предстали пред Божьим правосудием, а нас этот миг еще ждет впереди. Когда? Это ведомо только Богу, в Чьих руках судьбы людей всего мира. Как любящий Отец, Он утешает всех людей: «Грядущаго ко Мне не изжену вон»[105]. День гнева, день мести Господь превратил в день нашего знакомства и, надеюсь, дружеского общения в будущем.

Теперь уже отец Дмитрий встал и, подойдя к Амелину, обнял его, окончательно успокаивая.

— Но я все-таки хотел знать, что со здоровьем моего брата. Да и с моим тоже, — он перевел тему разговора. — Не зря же вы меня развлекали такой красивой музыкой?

За все время, пока они были в кабинете, Амелин первый раз улыбнулся:

— Вам действительно понравилась музыка? Это перуанская флейта кена. Вы не поверите: маленькая дудочка из бамбука, но издает волшебные, неземные звуки. Когда я впервые побывал в Перу и услышал этот простенький народный инструмент индейцев, то был настолько поражен их проникновенной музыкой, что навсегда остался ее поклонником.

— Что касается вашего здоровья и здоровья брата, — он снова склонил голову, — то могу вас успокоить: нет ничего страшного. И не было… Есть, правда, следы нервного переутомления, с

которым мы быстро и легко справимся. Полежать в нашем центре недельку под наблюдением опытных врачей не повредит. Никаких препаратов принимать не следует. И принимать их от кого-либо — тоже. Кроме, разумеется, специалистов. Все остальное, за чем я вас хотел заманить под наш сканер и стращал свирепым вирусом, то…

Он отошел к окну.

— Мне стыдно, Дмитрий Александрович… Простите меня… Я не знаю, чем все загладить…

Отец Дмитрий снова обнял его за плечи:

— Для начала мы с вами все-таки попьем хорошего кофе. Но уже у меня дома. Жду в удобное для вас время. А дальше, думаю, вы сами решите: оставаться и впредь рабом своей науки — я не вкладываю в эти слова ничего плохого, — либо, преданно служа науке, стать рабом Того, Кто является Творцом всех наук и всего мира; следовать завету деда и дальше отрицать бытие Бога, либо открыть Ему свое сердце, душу, чтобы Господь вошел туда, обследовал, заглянул во все уголки совести и исцелил вас, видного ученого, от духовной слепоты. Это страшный недуг всех времен и народов, а нынешнего времени — особенно. Святые отцы учат, что чем наш ум связан — то ему и бог; кем он побежден — тому он и раб.

Амелин пристально посмотрел отцу Дмитрию в глаза:

— Вам известна тайна «третьего портала»?..

— Если мы понимаем под этим понятием одно и то же, то — да, известна, — спокойно ответил тот.

— И вы откроете мне эту тайну?

— Конечно. Прямо сейчас. Без всяких научных приборов.

Амелин весь напрягся и, не мигая, смотрел в упор отцу Дмитрию в глаза.

— То, что вы называете «третьим порталом», мы называем душой человека. Бессмертной душой. Она же связана с бессмертным Богом, Который ее вдохнул и наполнил жизнью.

— Так просто?.. — прошептал изумленный Амелин.

— Просто. Потому что Бог — это Истина, Правда. Она всегда проста…

Они вместе вышли в коридор и уже направились к выходу, когда к ним подбежал испуганный Истрин.

— Евгений Васильевич… Наверное, вы еще ничего не знаете, что тут произошло…

Он был в таком сильном возбужденном состоянии, что не контролировал себя.

— Эля… Бедная моя Элечка… девочка… Если бы вы только видели этот ужас!

Он отвел Амелина в сторону и быстро зашептал ему на ухо:

— Мне даже показалось, что это была вообще не она. Боже, какой ужас! Вошла Элечка, а вышла… Мне страшно сказать!

Он хотел добавить еще что-то, но к ним подошел отец Дмитрий:

— Может, нужна моя помощь?

— Мне тоже так кажется, Дмитрий Александрович, — ответил Амелин, озабоченно глядя на невменяемого Истрина. — Сегодня день сплошных событий, и очень странных. Странных настолько, что я бессилен что-либо понять и связать в одну цепочку.

Отец Дмитрий вежливо взял Истрина под руку:

— Я на своей машине, могу подвезти вас домой…

— Что вы, благодарю! — запротестовал Роман Андреевич. — У меня своя рядом на стоянке.

— В таком возбужденном состоянии вам не следует садиться за руль, — настоял отец Дмитрий. — Так недолго до беды. В моей машине вам будет безопаснее.

Он почувствовал, как Истрин вдруг обмяк, его покинули самоуверенность, раскованность, жизнерадостность, с которыми он вошел в палату отца Алексея, и, попрощавшись с Амелиным, они вместе покинули территорию центра.

— Если бы вы видели этот кошмар… — шептал Истрин, съежившись на заднем сиденье. — Я чувствовал, что приключится беда, когда она связалась с этим Амелиным.

— А вы рекомендовали его как вполне достойного человека, — отец Дмитрий хотел понять причину такого сильного волнения и страха Истрина. — И спутница ваша тоже…

— Вы ничего не знаете, Дмитрий Александрович! — горячо зашептал тот, сжавшись еще сильнее. — Если бы вы знали, видели… Может, у меня начались галлюцинации? Я никогда не страдал психическими расстройствами. Хотя… Боже, как мне страшно! Какой кошмар, ужас!.. Скорее отвезите меня домой, прошу вас!

Пока они ехали, то и дело останавливаясь на светофорах, Роман Андреевич начал понемногу успокаиваться.

— Вам сейчас не помешает стакан крепкого горячего чая, — сказал отец Дмитрий, поглядывая на него в зеркальце над головой. — Или кофе. Это вас взбодрит.

— Ох, не говорите… — махнул рукой Истрин. — Я так «взбодрился», что и врагу не пожелаю. А вот молочка бы выпил. С пеночкой. У нас в роду все молочные — можно сказать, от деда-прадеда. Коровку держали, та давала молочко, сметанку, творожок…

— Молочко?

Отец Дмитрий насторожился: ему показался очень знакомым этот голос и даже тон, когда взрослый человек начинает лепетать языком ребенка: «коровка», «сметанка», другие подобные им словечки.

— Да, молочко, — оживился Истрин. — Я без него жить не могу. Каждый день — стаканчик свежего молочка. Обязательно горяченького и с пенкой. Лучше этого меня ничего не бодрит. Если, конечно, не считать…

Он двусмысленно захихикал, глядя на реакцию отца Дмитрия. Но тот никак не поддержал скабрезный намек.

— Молочко, говорите?..

— Да-да, — снова засмеялся Истрин. — Или вы никогда не пили настоящего молочка? Ну да, город… В деревне все иначе. Обещаю вам дать баночку коровьего молочка. Немного, конечно, но настоящего, деревенского. У меня в деревне родственники живут, вот и балуют меня. Коровка, правда, нынче плохо у них доится, прямо беда… А при их бедноте, скудости это единственная кормилица… Прямо беда…

Отец Дмитрий ничего не ответил. Его молнией осенила догадка, кем мог быть его спутник, ехавший на заднем сиденье: уже не съежившийся от панического страха, охватившего его полчаса назад, а снова уверенный в себе, вальяжный, довольный жизнью, упитанный тем самым «молочком» от бедных родственников из глухой деревни. А когда Роман Андреевич неожиданно начал декламировать стихи — последние сомнения исчезли: это был прямой потомок церковного старосты его деда, Алексея Степановича Бурлакова.

Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень

В этот жаркий, безоблачный день!

Все бы легче народу неволю терпеть,

Все бы легче «Дубинушку» петь…

— Вам дождя захотелось? — вполоборота повернулся к нему отец Дмитрий. — Всем уже эта дождливая осень надоела, люди тепла просят, солнышка, а вам дождь подавай, да еще моросящий. Что с вами, Алексей Степанович?

— Это стишки такие… — снова засмеялся Истрин. — Старые, дореволюционные… Не знаю, кто автор. Может, Пушкин… Сергей Александрович… Нет, наоборот: Александр Сергеевич… Или другой кто. Моя покойная мама любила их читать. Сядет, бывало, у окна, смотрит вдаль и читает тихонько:

Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень

В этот жаркий, безоблачный день…

А за окном снег идет, мороз трескучий. Я, как и вы, говорю ей: «Мама, вы бы что-нибудь другое почитали, в соответствии с погодой. Например:

Зима, крестьянин торжествуя,

На дровнях обновляет путь…»

Она же словно не слышит меня, все смотрит на снег, как он кружится, падает, и читает, читает… Или когда идет тихий осенний дождик. Так и мне передалось по наследству. Тоже люблю читать их: к месту или просто так, когда придет на память. Особенно, когда начинаю нервничать. А сегодня пришлось…

И тут он вдруг встрепенулся и подался всем телом вперед к отцу Дмитрию:

— Погодите… Вы меня назвали Алексеем Степановичем. Да? Я не ослышался?

— Нет, Алексей Степанович, не ослышались, — тихо ответил отец Дмитрий, ощутив уже и в себе странное состояние: не пугающее, не цепенящее, но присутствие в себе того человека,

который безошибочно узнал в этом попутчике другого человека — Алексея Степановича Бурлакова, церковного старосты его родного деда отца Андрея. — Или я ошибся? Вы ведь Бурлаковы? Поэтому и по душе вам эти старые строчки о тяжелой бурлацкой доле.

И стал читать уже сам:

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз...

Покатилися слезы из глаз.

Истомилася грудь. Лямка режет плечо.

Надо «ухать» еще и еще...

Истрин снова съежился, сжался в комок и жалобно заскулил:

— Простите меня, батюшка... отец Андрей... Меня заставили. Меня били и грозили сослать всю семью, маленьких внучек. Я не мог...

Он тихо заплакал:

— Они заставили силой, угрожали... Я с детства всего боялся... Это врожденный испуг, меня даже к бабкам возили в соседнюю деревню, когда еще мальцом был... Бабки как-то умели лечить... Но я ничего не помню, потому что...

Он замолк.

— Пусть Господь простит вас: и за деда, и за все остальное... — тихо сказал отец Дмитрий, чувствуя, что сейчас творилось в душе Истрина. — Идите с Богом... Вы очень устали и перенервничали, вам нужен отдых и полный покой.

Тот покорно вышел из машины и, не оглядываясь, медленно пошел к подъезду. Отец Дмитрий посмотрел ему вслед, тяжело вздохнул и поехал к себе домой.

Уже возле подъезда кто-то тронул Истрина за рукав сзади. Он обернулся: перед ним стояла отвратительная старуха, лицо которой было изрезано глубокими морщинами, следами страшных язв; вся она была худая, костлявая, сгорбленная. Модный брючный костюм, в который она была одета, еще больше усиливал ее уродство, превращая в подобие карикатуры. От нее шел мерзкий, отвратительный запах, отравляя вокруг чистоту умытого дождем погожего осеннего дня. Роман Андреевич содрогнулся от отвращения. Этот смрад показался ему очень знакомым — и он вдруг вспомнил страшную облезшую собаку, которая являлась ему во снах и которая терлась об его ноги, когда он вышел из архива и присел на лавочку в городском парке.

— Пошла вон! — Роман Андреевич одернул руку, все еще думая, что это была одна из уличных попрошаек, которые любят приставать к прохожим.

— Пошли вместе, — прошамкала та беззубым ртом. — Я тебя уже давно жду-дожидаюсь, озябла вся. Согрей меня, милый...

И захотела взять его под руку.

— Брысь, ведьма старая! — с ужасом отпрянул Истрин, вытаскивая из кармана ключи от квартиры.

Та громко расхохоталась:

— Старая ведьма? А с молодой-то ведьмой тебе хорошо было?

И злобно схватила его за лацканы пиджака: — Идем, покувыркаемся на прощанье, мой дорогой Ромчик! Я подарю тебе последнюю радость перед тем, как…

Истрин находился на грани обморока, думая, что все происходящее сейчас с ним — это страшное наваждение, сон. Он сделал отчаянное усилие, вырвался из мертвой хватки костлявых старушечьих рук и бросился в подъезд, потом к лифту, чувствуя за своей спиной ее смех и быстрые шаркающие шаги.

Вбежав в квартиру, Роман Андреевич плотно захлопнул входную дверь и прижался к ней спиной, прислушиваясь к звукам на лестничной площадке.

— Что с тобой? — из кухни, услышав шум, вышла жена. — На тебе лица нет.

Истрин прижал указательный палец к губам и умоляюще посмотрел на нее:

— Тс-с-с-с! Я прошу тебя, Софочка, никому не открывай, даже если…

И тут раздалась мелодия дверного звонка, потом снова и снова. Истрин стал бледным, как полотно.

— Что еще за новости? — жена отстранила его. — А вдруг это соседи, милиция или…

— Софочка, прошу тебя, не открывай…

Он бросился в спальню и, дрожа от страха, свернувшись на кровати в комок, накрылся одеялом. Он услышал, как жена кого-то грубо обругала и захлопнула дверь.

— То, что ты старый кобель, и так все хорошо знают, — жена вошла в спальню и толкнула его ногой. — Но что связался уже с грязными старухами, стал конченным извращенцем, геронтофилом[106] — это для меня настоящее открытие. Вставай с нашей постели и убирайся!

— Куда ты меня гонишь, Софочка? — Истрин подал из-под одеяла жалобный голос.

— Туда, где обитают твои подружки, которые бегают за тобой! Не знаю, где ты их находишь: на вокзале, возле мусорников, в подворотнях. Пошел вон! Убирайся, грязная мразь!

Роман Андреевич встал и, опустившись перед женой на колени, посмотрел на нее жалким умоляющим взглядом:

— Софочка, Сонечка, я тебе сейчас все… Только не гони… не…

И тут во дворе послышался собачий вой: протяжный, заунывный, жуткий. Кто-то выглянул из окна и закричал:

— Вызовите коммунальщиков! Пусть эту тварь немедленно поймают!

Но собака продолжала выть и выть еще громче, еще протяжнее, словно вызывая кого-то из огромного дома, перед которым стояла, задрав морду кверху.

И тут Истрин понял, что это была за собака и кого она вызывала. Еле живой, он вышел на

балкон и посмотрел вниз. Теперь вместо собаки снова увидел страшную старуху, которая еще вчера была милой Элечкой… Она не выла, а хохотала на весь двор, маня его к себе костлявым пальцем.

— Иду… — окончательно лишившись рассудка, прошептал Роман Андреевич, распахивая окно и забираясь на подоконник лоджии восьмого этажа своей квартиры. Он уже не слышал, как сзади истошно кричала жена, прося не делать этого, хватая за ноги, чтобы удержать.

— Иду… — прошептал Истрин.

И шагнул вниз…

Амелин сидел у себя в кабинете, никого не впуская и ни с кем не желая общаться. Он был поглощен тем, что сегодня произошло.

«Неужели все так просто? — напряженно думал он, вспоминая разговор с отцом Дмитрием. — Раскрытию тайны «третьего портала» я посвятил свою многолетнюю научную карьеру — а все оказалось элементарно просто…»

Он усмехнулся, потом сказал дежурному по внутренней связи:

— Приведите мне Альберта. Вчера он плохо себя чувствовал. Если состояние не улучшилось, я зайду к нему сам.

И снова погрузился в свои мысли, твердо решив встретиться с отцом Дмитрием, который перевернул его жизнь, научные представления, гипотезы и открытия.

Его оторвал звонок. Вызывал сам начальник внутренней охраны:

— Евгений Васильевич, вам нужно срочно зайти в палату Альберта. Он исчез…

Амелин подскочил с места:

— Как исчез?!

— Евгений Васильевич, мы выясняем, занимаемся этим. Но вам необходимо подойти самому. Очень важно.

Амелин быстро прошел по коридору, соединяющему административную часть центра с палатами, где находились пациенты.

«Как исчез? — он не мог поверить в происшедшее. — Как он мог исчезнуть, когда под контролем был каждый его шаг, каждый вздох?»

Альберт был живым воплощением всего, к чему стремился Амелин: секретных исследований, открытий, смелых экспериментов, в успех которых не верил ни один человек, работавший над теми же закрытыми темами. И теперь он исчез: накануне крупной международной конференции, куда они должны были лететь вместе, — как доказательство того, какого уровня могут достичь технологии воздействия на человеческий мозг, предложенные Амелиным.

«Как он мог обмануть меня? — лихорадочно думал Евгений Васильевич. — Это невозможно! Я запрограммировал его мозг! Обман исключен! Как он сумел уйти незамеченным?»

Палата Альберта была действительно пуста и ни одного следа, чтобы натолкнул бдительных

охранников на путь, которым тот смог невидимкой выбраться отсюда.

— Как ты мог обмануть меня после всего, что я для тебя сделал? — прошептал Амелин, подойдя к пустой койке Альберта.

— Евгений Васильевич, — обратился к нему начальник охраны, — наверное, это тоже вам.

И протянул сложенный вдвое листок бумаги. Развернув, тот прочитал:

«До встречи 10 октября».

Он снова сложил листок и спрятал в карман.

— Как это понимать? — тихо спросил начальник охраны.

— Как шутку, — горько усмехнувшись, ответил Амелин.

Охранник в недоумении пожал плечами.

— Как плохую шутку, — повторил Амелин. — 10 октября уж прошло…

«Третий портал»

Но через несколько дней к Амелину пришел новый гость, предварительно договорившись по телефону о конфиденциальной встрече. Учтиво поздоровавшись, он протянул свое служебное удостоверение. Это был старший следователь из органов госбезопасности Владимир Петрович Соколовский.

— Я не буду делать из нашей встречи большой интриги, — сказал он, присев за стол. — Нас интересует вот эта личность.

И положил на стол фотографию, на которой Амелин безошибочно узнал своего исчезнувшего пациента — Альберта. Тот сидел в каком-то кафе: молодой, жизнерадостный, полный сил и здоровья.

— Признаюсь, — Амелин возвратил фото, — эта особа нас тоже интересует. Четыре дня назад он внезапно и бесследно исчез из нашего заведения. У нас, конечно, действует усиленный режим охраны, и вы должны это понять: мы работаем на очень дорогостоящем импортном оборудовании, у нас проводятся закрытые исследования, эксперименты — мы не рядовое лечебное учреждение горздрава, а…

— Я вас понимаю, — улыбнулся гость.

— Но в то же время мы не тюрьма, чтобы держать пациентов узниками, — продолжил Амелин. — Здесь находятся не жертвы каких-то ужасных экспериментов или трансплантации человеческих органов, а люди, которым мы все разъясняем, прежде чем…

— И это нам известно, Евгений Васильевич, — снова снисходительно улыбнулся гость. — Мы ведь тоже не участковый отдел милиции, а… Надеюсь, вы хорошо понимаете, кого я представляю?

Он спрятал фото.

— Чтобы вас не томить, скажу: нам известно, где находится ваш беглый пациент.

И положил на стол новую фотографию. Амелин глянул — и похолодел от страха: на ней был тот же Альберт, но теперь мертвый.

— Вчера он был еще в морге, а сегодня уже в земле, — следователь забрал и это фото. — Оттуда никто не убегал и не убежит. Так что можете вычеркнуть этого человека из списка своих пациентов и… вообще забыть о нем.

— Но почему? Что с ним случилось?

— Самоубийство. Рядовое самоубийство на фоне передозировки наркотиков.

— Как?! — еще больше изумился Амелин. — Каких наркотиков? Я возвратил его к нормальной жизни. Бесповоротно! Наркотики совершенно исключены!

Следователь посмотрел на Амелина и опять усмехнулся:

— Как говорится, сколько волка ни корми — он все в лес норовит удрать. Так и эта личность. Пока находился здесь, под вашим присмотром — был относительно нормальным человеком. А вырвался на волю — и… горбатого могила исправит. Это сказано о таких типах, как он. Постарайтесь о нем забыть и передать в наше распоряжению всю документацию, которая касается его пребывания в вашей клинике: история болезни, проводимые обследования — абсолютно все. Вам это больше не понадобится.

— Но если его уже нет в живых, если он мертв, то…

— Нам нужна максимально полная информация об этом человеке, — твердо сказал следователь, — за этим я пришел к вам.

Амелин распорядился собрать всю необходимую документацию и принести. Пока распоряжение выполняли, он решил спросить гостя:

— Я, право, не знаю, под силу ли будет вам разобраться в нашей медицинской «кухне»: разные научные термины, названия препаратов, обследования… А почему вас так заинтересовала эта личность?

Следователь снова достал фото Альберта.

— Я вас тоже не хотел бы перегружать нашими терминами и понятиями. Вам ведь известно, кем был этот человек в прошлом, перед тем, как стать вашим пациентом?

— Относительно. Известно, что он где-то воевал, очень вынослив…

— Вот-вот. Он имеет реальный боевой опыт, специальную подготовку и участие в специальных операциях. Что это такое — я раскрывать не имею права. Но по большому секрету скажу вам, что это не воришку карманного за руку поймать и не пьяного дебошира успокоить. Наши люди выполняют куда более серьезные и опасные задания. Этот человек, который находился у вас, до того, как попасть сюда, тесно сотрудничал с нашими структурами. Такие люди находятся под нашим плотным контролем. Но ему удалось исчезнуть: точно так же, как он исчез у вас. Все, как в сказке: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел…» И если бы не случайность, мы бы никогда больше не узнали о нем.

Он посмотрел на фото:

— Это была действительно сильная личность. Уникальная. Жаль, что жизнь и таких ломает…

— Наркотики… Самоубийство… — не мог поверить Амелин.

— Да, дорогой Евгений Васильевич, типичное самоубийство, каких тысячи. Сначала Роман Андреевич, а потом он.

— Как? — снова изумился Амелин. — Вы были знакомы с Истриным?

— Немного, — уклончиво ответил Соколовский. — Он был однокашником моего товарища. Я не мог отказать, когда Роман Андреевич попросил нашего содействия… Хороший был человек. Жаль, тоже оказался слабохарактерным.

Когда принесли документацию, следователь спрятал ее в портфель.

— Надеюсь, тут все?

— Даже его личные документы.

— И он ничего не оставлял, когда решил покинуть вас? Беглецы часто оставляют разные письма и записочки.

Амелин рассмеялся.

— Вы настоящий следователь! Да, Альберт оставил, но это так, бумажка… Я о ней совершенно забыл.

— Но, надеюсь, не выкинули ее? — насторожился тот.

— Вроде бы нет, — он снял со спинки кресла свой пиджак. — Кажется, я сунул в карман.

И, достав, протянул Соколовскому:

— Вот она! Я же говорю: сущий пустяк, бумажка.

— «До встречи 10 октября», — внимательно прочитал он.

— Глупость, — уверенно сказал Амелин, — абсолютный пустяк. 10 октября уже прошло!

— Говорите, глупость? Пустяк? — еще задумчивее сказал следователь. — Вы позволите?

Он аккуратно свернул листок и положил в портфель вместе с документами, после чего пожал Амелину руку, прощаясь:

— Рад, искренне рад был с вами познакомиться!

Он еще раз пожал ему руку. Но в дверях вдруг остановился:

— На правом запястье нашего общего друга Альберта был маленький, едва заметный надрез. Скажите, он и здесь покушался на самоубийство? Хотел вскрыть себе вены?

— Нет, что вы! У нас он был послушным, даже примерным пациентом. А надрез… Это след от

нашей небольшой операции, когда мы вводили туда микрочип[107]: через него обеспечивается полный контроль за поведением человека.

— Ясно, теория «трех порталов», — недобрым смехом рассмеялся следователь. — Наслышан, наслышан… Великое дело делаете! Настоящий научный прорыв!

— Как?! — остолбенел Амелин. — Вам известно о нашей научной теории?

Следователь рассмеялся:

— Не забывайте: на то мы и спецслужбы, — отчеканил Соколовский, — чтобы знать если и не абсолютно все, то очень и очень многое. Но обо всех, кто нас интересует. Научных вам дерзаний и новых открытий, Евгений Васильевич! Всегда к вашим услугам.

Время загладило неприятный след от этого знакомства и общения. Альберт же не выходил у Амелина из головы: он никак не мог поверить в то, что тот возвратился к прежней жизни, сел на наркотики, решился на суицид. Евгений Васильевич искренно привязался к этому парню с непростой судьбой, помог ему вырваться из трясины. В то же время он не мог поверить, что практические выводы его исследований, разработанная цифровая программа тонкого контроля за поведением человека, воздействия на него, возможности необходимой коррекции, воздействия на всю поведенческую функцию — все это дало сбой, отказало, сломалось под тяжестью того груза, от которого, казалось, он сумел освободить личность, вдохнуть в нее новую жизнь. Вот это больше всего не давало покоя Амелину, не имевшему идеала иного, чем наука: он в нее верил, ей преданно служил, ею жил, дышал. Она была его богом.

Но теперь и эта вера пошатнулась… Полный крах теории «трех порталов», провалившийся эксперимент, знакомство с отцом Дмитрием, загадочное исчезновение сначала Альберта, потом Эльвиры, самоубийство Истрина — все начинало соединяться в одну цепочку последовательных событий.

«Если тайна “третьего портала” так проста, если в ней нет вообще никакой тайны, тогда зачем все мои усилия, изыскания, этот научный центр, потраченные годы упорных трудов? — напряженно размышлял он. — С другой стороны, если она доступна всем, почему ею не пользуются? И что делать дальше? Как жить, во имя чего?..»

После первого общения с отцом Дмитрием он часто вспоминал его слова:

— Решайте сами: оставаться дальше рабом своей науки, либо, преданно служа науке, стать рабом Того, Кто является Творцом всех наук и всего мира; следовать завету деда и дальше отрицать бытие Бога, либо открыть Ему свое сердце, душу, чтобы Господь вошел туда, обследовал, заглянул во все уголки вашей совести и исцелил вас, видного ученого, от духовной слепоты…

«Значит, я слеп? — продолжал думать Амелин. — Во всем мире меня считают чуть ли не гением, светилом науки, а я, оказывается, слепец? Наверное, это действительно так, если мне открыл глаза рядовой приходской священник. Тогда что может открыть Бог, в Которого он верит и Которому служит? Или здесь тоже тайна?..»

Эти размышления привели Амелина в дом отца Дмитрия. Их общение стало очень простым, доверительным и доброжелательным: долгими осенними вечерами они тихо беседовали, делясь разными мыслями, взглядами. Евгений Васильевич был очень удивлен, увидев не тот карикатурный образ «попа», которого себе представлял, а очень интеллигентного, умного человека, тонко чувствующего душу собеседника, желающего ее услышать и понять.

Амелина поразил скромный быт этого священника, не имеющий ничего общего с теми сплетнями, нехорошими разговорами, которые велись вокруг других. В его семье царила атмосфера любви, душевного тепла и комфорта. Ему было интересно общаться и с хлебосольной матушкой, и с их милыми, очень воспитанными детьми. Отец Дмитрий показывал гостю большую библиотеку, давая читать доступные Амелину богословские труды. Оказывается, их авторы были образованнейшими людьми своего времени, большими интеллектуалами, а герои житий святых — вовсе не религиозными фанатиками, а тоже умными людьми, шедшими на подвиги и страдания не слепо, но осознанно, с глубокой верой в Того, Кого исповедовали как Бога Истины.

Там же, в доме отца Дмитрия, Евгений Васильевич увидел портрет их деда — отца Андрея, над которым вершил свой грозный и безжалостный суд родной дед уже самого Амелина. Со всех фотографий смотрело очень доброе, светлое, одухотворенное лицо священника, сосланного по приговору далеко в Сибирь, чтобы оттуда больше никогда не вернуться. Амелин прочитал философские эссе священника Андрея Авдеева — те самые, которые тоже читал, с которыми спорил Павел Рачинский, предъявляя их как еще одно нелепое обвинение.

«За что гнали этих людей? — терзался вопросом Амелин. — За что так ненавидели? Многие были несогласными с ними — да, это так. Их и теперь хватает — вечно с чем-то или с кем-то несогласных. Боялась новая власть, свергнувшая царя? Почему? У верующих не было ни армии, ни оружия, ни наемников, и сами они не были похожи на злостных, опасных преступников, место которым — за высоким забором с колючей проволокой. А их не просто гнали: их ненавидели всем советским строем, уничтожали, косили, как сорняк. За что?..»

— А за что ненавидели и гнали Христа? — отцу Дмитрию хотелось помочь Амелину докопаться до сути его недоумений и сомнений. — За то, что ничем Себя не возвышал над простыми людьми, не подбивал к бунту, восстанию, а жил скромно, просто, даже бедно? Его ученики рады были утолить голод несколькими зернышками, растирая в ладонях пшеничные колосья. За то, что утешал в страданиях, помогал бедным, исцелял больных? За это ненавидеть? Но ведь возненавидели настолько люто, что огромной толпой кричали: «Распни, распни Его!», когда сам Пилат, от которого иудеи ждали смертный приговор Христу, сказал им: «Я никакой вины не нахожу в Нем»[108]. Но под улюлюканье и смех подняли на Крест. За что?..

«Мой дед был образованным человеком с высокой общей культурой, — размышлял Амелин. — Мало того: он родился и вырос в том времени, что и предок отца Дмитрия. Наверное, был крещен, ходил в церковь, получил духовное воспитание. Почему же восстал против — нет, не только царского строя, прежних порядков, законов, — а против Бога! Чем Он мешал ему, большевикам, даже простым русским людям, которые вчера послушно ходили в церкви, а сегодня взялись за топоры и пошли их ломать, гнать в шею тех, кто их крестил, за них молился?.. Откуда такая звериная ненависть и злоба?..»

Эти вопросы и мысли с еще большей силой заняли Амелина, когда он познакомился с ровесником того страшного времени — отцом Федором. Старец показался Амелину живым воплощением героев житий святых подвижников, о которых он уже читал, духовным примером настоящей христианской жизни. Собираясь у него дома вместе с братьями — отцом Андреем и отцом Алексеем, — Евгений Васильевич ощущал, что через эти неторопливые, полные взаимного доверия и доброты беседы он начинал понемногу прозревать духовно, находить ответы на вопросы, которые неотступно терзали его, когда возвращался в мыслях к тайне «третьего портала». Более того, он ощутил, что связь с этим «порталом» — в нем самом: но не там, где билось мышление, где ему было все знакомо и все исследовано, а где-то гораздо глубже, куда не мог проникнуть своими мощными приборами, научным опытом, интуицией и знаниями.

Отец Федор старался оказать Амелину особое почтение, внимательно слушая его.

— Вы не первый, кто пытается постичь природу человеческой мысли, ее глубину и тайну, особенно мысли христианской, — размышлял вместе с гостем батюшка. — И не только такие светила, как наш соотечественник академик Павлов, тот же Бехтерев, философы с мировым именем, но и гонители, палачи христиан, применявшие к ним самые страшные пытки, издевательства и муки, чтобы увидеть ту самую бессмертную душу, схватить ее и растерзать. Но не могли, сколько ни старались. Они видели: христиан ведут на смерть, а им совсем не страшно, они исполнены торжества, ликования, радости! Как это понять? Чем объяснить? Фанатизмом, безумием? Их сажают на кол, распинают, четвертуют, рвут на куски, бросают в клетку к хищникам, в огонь, а те поют славу Богу. Есть много исторических свидетельств, как во времена самых жестоких гонений на первых христиан взрослые, уверовавшие во Христа, шли вместе с детьми, чтобы пострадать за Него вольной смертью — ни от кого не прячась и никого не боясь. Какой мудрец, какой ученый объяснит это? Откройте житие любого православного святого — всюду вы столкнетесь с этим парадоксом, полным отсутствием той логики, мотивации, которая руководит поступками так называемого «трезвомыслящего» большинства людей.

Отец Федор взял со стола толстую книгу и полистал ее.

— Это Печерский патерик — жизнеописание подвижников, которых мы почитаем святыми. Святость настолько велика, что смерть была не властной не только над их душами, но и телами: они не поддались тлению, которое ждет нас, грешных, но стали нетленными мощами, к которым поклониться по сей день идут тысячи верующих людей. Среди них есть и преподобный Пимен — монах, достигший признанной святости жизни. Прославляя его в лике святых, Православная Церковь добавила к его имени еще одно слово-характеристику: «Многоболезненный»[109]. То есть не просто больной, а очень, тяжело больной, буквально скованный по рукам и ногам многими недугами. Думаю, вам, как профессору медицины, будет интересно узнать о его жизни и поразмышлять над ее тайной.

И отец Федор начал рассказывать:

— Пусть вас, дорогой Евгений Васильевич, не смущает тот факт, что жил этот святой в очень далекую от нас эпоху: еще в десятом веке, когда на днепровских кручах, где сейчас Киев, только-только зарождалась монашеская жизнь.

Представьте себе: молодой юноша, сын состоятельных родителей, единственный наследник. Да вот беда: болезненный, слабый, чахлый. Одно просит родителей, чтобы те отпустили его в монахи. «Какие монахи? — мать с отцом рассуждают вполне, казалось бы, логично, по-нашему. — А кому мы оставим все нажитое добро? Для кого мы его копили-собирали, как не для наследника нашего?» Но все-таки повезли: не за тем, правда, чтобы уступить в просьбе больному сыну, а чтобы просить пещерных отшельников помолиться за него, вымолить у Бога исцеление. Щедро одарили монахов, не поскупились на милостыню.

Те стали молиться. Больной юноша тоже горячо молится. Монахи — чтобы исцелился, а тот — чтобы Господь не забирал у него болезнь, но исполнил заветное желание, мечту, к которой рвалось его пылкое юношеское сердце: оставить этот суетный мир со всем его добром и уединиться с этими отшельниками, стать монахом.

Скажите на милость: ну не безумие ли с точки зрения рационального мышления, здравого и просто житейского смысла? Коснись нас похожая ситуация — мы бы подняли на ноги всех живых и мертвых, подключили все связи, родственников, друзей, знакомых, объявили бы сбор

средств на лечение, обзвонили все клиники, всех знахарей и «чудотворцев», стали бы искать по Интернету специалистов не только у себя, но и за границей. А тут — ничего похожего, ничего подобного: монахи молятся о здравии, юноша же молит Бога, чтобы Тот призрел на его желание и оставил в тяжелой болезни.

И происходит чудо. Глубокой ночью, когда все погрузились в глубокий сон — и уставшие монахи, и обеспокоенные родители, — в келью, где его оставили, явились лучезарные Ангелы небесные вместе с таким же небесным игуменом и совершили над юношей постриг — обряд посвящения в монахи. При этом ему было сказано, что его исцеление настанет перед самой смертью: до того же часа он будет лежать, скованный лютым недугом. С какой радостью он воспринял эти слова! Каким счастьем наполнилась пылкая юная душа! А что было на душе родителей? Такая же радость, духовное ликование или что-то другое? В житии об этом ничего не сказано: лишь то, что они покорились воле Божьей и оставили сына в святой обители. Представим себя на их месте: что было бы на душе у нас? Интересный вопрос, правда?

В таком горестном, по рядовой житейской логике, состоянии он провел не год и не два, а целых двадцать лет! Парализованный, лишенный возможности ходить, ухаживать за собой… Кто-то из братии гнушался им, не мог выносить не слишком приятные запахи рядом с его койкой, кто-то подсмеивался, — а немощный монах все сносил безропотно, с радостью, благодарностью Богу за свою долю. За такое глубочайшее смирение Господь уже при жизни наделил его даром чудотворения: он исцелял таких же больных, немощных одним словом! Воистину сказано: «Сила Божия в немощи совершается»[110]!

И когда сам Пимен внезапно выздоровел, то понял, что приблизился час его исхода из земной жизни в вечную. Житие повествует, что он обошел все кельи, кланяясь собратьям-монахам и прося прощения. Болящим же инокам сказал, чтобы они встали и проводили его. И тотчас, по слову святого, их оставила болезнь, и, сделавшись здоровы, те пошли за ним. Преподобный Пимен, войдя в церковь, приобщился Божественных Таин и после этого, взяв свой смертный одр, понес его без всяких указаний к пещере, где никогда не был. Войдя в пещеру, он поклонился гробу преподобного Антония — первому отшельнику этих святых мест — и указал место, где желал быть погребен. Там и отошел в блаженную вечность…

Отец Федор улыбнулся и посмотрел на гостя: — Как вам такая жизнь? Вписывается в наши привычные житейские умозаключения?

Улыбнулся и Амелин:

— Скажу по правде: такие истории я воспринимаю как сказку. Добрую, красивую, но сказку.

— Есть еще более «сказочные» жития! Жизнь нашего Спасителя Иисуса Христа была просто наполнена ими. А ну-ка пройдись по воде! Не на катере, не в лодке, не на водных лыжах. И не вдоль берега, где водички по щиколотку, а погуляй там, на самой середине. Слабо? А накорми пятью кусками хлеба пять тысяч голодных людей? А возврати жизнь покойнику, который лежит в могиле и уже разлагается? А встань сам из мертвых и пройди сквозь толщу каменного склепа, где тебя погребли и снаружи поставили стражей? Невероятно, правда? Но не менее вероятным является и то, что все, что многим, как и вам, кажется красивой сказкой, другими воспринимается, как правда, не подлежащая ни малейшему сомнению. Безумие, не иначе?

Амелину было интересно понять мудрого старца.

— Я в этих вопросах человек неопытный, — он был откровенен с отцом Федором, — поэтому воспринимаю такие истории с долей скепсиса, недоверия. Надеюсь, вы простите мое

невежество? Но если даже отвлечься от разных чудес и задуматься над этими историями, все равно возникают сомнения. Тот же многострадальный монах, о котором вы рассказали… Неужто тяжело болеть, страдать — это радость? Да еще желать, чтобы вместе с тобой тому же самому радовались родные и близкие люди. Что в этом хорошего, не говоря о другом: умно ли это? Неужели для того, чтобы в тебе совершилась сила Божия, нужно болеть, быть нищим, голодным, всеми забытым и оставленным?

— Да, голубчик, согласен: дикость, безумство! Радоваться страданиям, несчастьям, болезням! А ведь среди христиан есть еще и такие «безумцы», которые не только радуются всему этому, а — страшно даже подумать! — благодарят Бога, просят Его, чтобы Он послал им болезни, разные скорби. Все нормальные люди берегутся от болезней, регулярно ходят к врачам, обследуются, чтобы не дай Бог ничего не прицепилось, а эти — радуются, как вовсе ненормальные. Ужас! С точки зрения обычной, приземленной человеческой логики так и есть, по-другому быть не может. Но христианская логика ориентируется на другую систему координат, другие законы мышления: не земные, а Божественные.

— Вот это мне непонятно совершенно… — Амелин посмотрел на отца Федора беспомощным взглядом.

— Чтобы все это понять правильно, духовно, нужно радикально поменять вектор мышления. Нужно помочь нашему мозгу работать и развиваться в ином направлении. Подключить его к тому источнику знаний, который вы назвали «третьим порталом».

— Я буду говорить как дилетант, полный профан и невежа в знаниях медицины, тайнах мозга, поэтому прошу простить, если мои вопросы и аналогии будут вызывать у вас, признанного ученого, если не смех, то скепсис, — отец Федор устроился поудобнее в кресле, усадив гостя перед столиком с ароматным чаем и расположив к разговору. — Скажите, любезный Евгений Васильевич, что произойдет с человеком, если его взять и перевернуть с ног на голову?

— Ну, — развел руками Амелин, — все зависит от того, сколько времени он будет оставаться в таком «интересном» положении. Если долго — не исключено кровоизлияние в мозг, инсульт. С такими экспериментами шутить нельзя, мозг может не понять шуток и отреагировать по-своему. Хотя в некоторых восточных религиях, той же индийской йоге, насколько мне известно, практикуется стояние на голове с целью вызвать, как считают, определенные духовные состояния, видения, откровения. Но с точки зрения науки это не более, чем галлюцинации, вызванные притоком крови к головному мозгу.

— Итак, если положение вниз головой — это ненормальное состояние для человека, то в нормальном, естественном положении мозг призван контролировать поведение человека, все его желания, намерения, поступки с тем, чтобы они были адекватными, разумными, осознанными, а не такими, на какие способна оставшаяся в живых жертва инквизиции с поврежденным рассудком. Верно?

— Абсолютно, отец Федор. Мне нечем возразить. – Все очень логично и убедительно.

— Продвинемся еще чуток. Если голова дана человеку для того, чтобы ею думать, а не орехи колоть, почему же многие совершают прямо-таки безголовые поступки, словно ее нет или они думают неким иным органом? Другие смотрят на них и пальцем у виска крутят: «У тебя что, головы совсем нет?»

Амелин рассмеялся:

— Нет, у них голова на месте, но тут включается целый комплекс психологических факторов.

Человек ведь — это не только голова, руки и ноги, но и сложнейший психологический организм, который — соглашусь с вами — частенько заглушает мотивацию разумных поступков и толкает человека на безрассудство.

— Ай-яй-яй! — всплеснул руками батюшка. — Вот беда! А почему у животных ничего не заглушает? Наукой доказано, что у высокоорганизованных животных тоже есть и мозг, и нервная система, и чувства. Да тут и науки особой не нужно. Загляни в глаза домашней собаки или кошки: сколько там тепла, преданности, любви, верности хозяину, благодарности! Иной человек не может чувствовать и переживать так тонко, как животное. Но никто из них не занимается безобразиями, никто не спит сверх меры, совокупляются только ради продолжения рода, не дают в обиду свое потомство. То, что нам кажется их непослушанием: кошка полезла на стол и утащила колбасу, собака не поняла чьей-то ласки и укусила за руку, бросилась на кого-то — это все проявления заложенных в них инстинктов. Почему животные, в отличие от людей, не совершают глупостей, а ведут себя строго в рамках своих инстинктов?

— На то они и животные… — развел руками Амелин.

— И что с того? А разве у человека нет инстинктов? Тех же самых? Инстинкт голода, холода, продолжения рода, опасности и другие. Человек — не просто часть живой природы, а ее венец. Почему же этот «венец», краса мироздания частенько опускается ниже всякого животного состояния? Пьянствует, бесчинствует, занимается воровством, обманом, развратом… Животные сошлись, чтобы дать жизнь своему потомству, — и разбежались восвояси, пока снова не позовет голос природы. А что позволяет себе человек? Я уже не говорю о других пороках, которые доводят его до страшного состояния. Если животных, даже диких хищников, можно приручить, они поддаются дрессировке, воспитанию, то есть люди, на поведение которых не влияет ничто: ни семья, ни школа, ни милиция, ни тюрьма. О таких закоренелых в пороках людях в народе метко говорят: «Его только могила исправит». В чем же дело? Как это все объясняет высокая наука?

— Отец Федор, — добродушно рассмеялся Амелин, — здесь никакой науки не нужно. Если у человека нет совести, он способен на что угодно!

— Чего-чего нет? — переспросил батюшка. — Совести?

— Ну да, совести.

— И это слово я слышу от ученого мужа?

— Общепринятое слово, всем известное.

Рассмеялся и отец Федор:

— В советское время один партийный чиновник мне говорил, что совесть — это чисто «поповское» слово. В какой-то мере он был прав, потому что мы, священники, все время говорим о совести, взываем к ней, напоминаем людям о необходимости прислушиваться к ее голосу. Но выто, Евгений Васильевич, говорите о совести так, словно верите в ее реальное существование.

Тот недоуменно пожал плечами:

— Вы меня загоняете в тупик. Совесть — настолько всем понятное слово, что не нуждается в научном обосновании.

— Как это не нуждается? Еще как нуждается! Попробуй докажи бессовестному человеку, что у него нет совести. Попробуй обличи в бессовестном характере его поступков, слов, намерений — в ответ наслушаешься много чего «лестного» в свой адрес. Кроме того, то, что является стыдливым у одних народов, другими воспринимается как норма. У некоторых мораль держится на традициях или вообще на страхе: стоит им вырваться из привычной среды — и от той морали не остается следа. Нет-нет, голубчик, я жду от вас точного научного определения этого понятия, иначе мы оба зайдем в тупик, если согласимся, что совесть — просто понятное всем слово.

— Я могу говорить о психофизических проявлениях тех или иных намерений человека, например, гнев, страх, радость…

— То есть симптомы совести? — поспешил уточнить отец Федор.

— Да, именно так, потому что сами эмоции не поддаются научному препарированию.

— Как же так? — не отступал отец Федор. — Симптом есть, а где все остальное? Ведь вы, врачи, ученые-медики, начинаете с симптомов? Раз он чем-то проявляется, то начинается поиск самой болезни, ее диагностика. Или ошибаюсь?

— Отец Федор, я приглашу вас на встречу с нашим коллективом, — Амелин пожал батюшке руку, — вы настолько интересный собеседник, что…

— Премного благодарен за такую высокую честь, но что же будем делать с понятием совести? Или тупик?

Амелин поднял руки:

— Дальше всецело полагаюсь на вашу милость. Чувствую, вы ведете меня в такую даль, что назад мне самому без вашей помощи не выбраться. Покорно слушаю вас…

И отец Федор продолжил:

— Вы правы, Евгений Васильевич. Совесть человека — это очень объемный, многогранный термин: и чисто религиозный, и философский, и нравственный, и педагогический… Определений ему — сотни. Если же приложить его к той проблеме, о которой вы мне рассказали, то человеческая совесть — не что иное, как «первый портал», который подает сигнал в мозг, чтобы тот разрешил или не разрешил что-то сказать или же совершить. Согласился мозг — и зеленый свет тому или иному поступку, делу. Не согласился — стоп. Если бы все решалось на уровне природных инстинктов, беды большой бы не было. Нет ничего плохого в том, что человек испытывает чувство голода: оно заставляет его искать себе пищу; испытывает желание продолжить свой род — и женится; переживает боль — и идет лечиться. Плохо другое: когда голос совести, который предупреждает человека, что вот эту грань переходить нельзя — она запретная, начинает заглушать другой голос — более властный, требовательный. Опираясь на жизненный опыт, мозг начинает выбирать: согласиться или нет. Совесть говорит ему: «Не смей!» А другой голос кричит: «Молчи! Я разрешаю! Я тут хозяин!»

— И кто же этот крикливый «я»? — заинтересовался Амелин.

— Это, по вашему определению, тоже «первый портал», потому что он находится не вне, а внутри человека.

— А по определению вашему, что это?

— По нашему — душа человека. Или скажете, что это тоже «поповское» словечко?

— Уже ничего не скажу, — отмахнулся Амелин.

— Вам ведь наверняка знакомы люди, о чьих неблаговидных поступках говорят, что он не только «безголовый», но и «бессовестный»?

Амелин кивнул головой.

— И мы в своей практике частенько сталкиваемся с ними. Голос совести в них заглушен так сильно, что они представляются другим не иначе, как люди, потерявшие совесть, убившие ее. Ктото их ругает, бранит, другие сторонятся, они приносят окружающим много страданий и горя, но в своей сущности сами эти личности, которых считают бессовестными, — очень и очень несчастные, требующие нашего искреннего сострадания и участия, потому что нет ничего страшней, чем потерей совести убить свою душу.

— Теперь пришла моя очередь наступать, — Амелин сел поближе к отцу Федору. — Дайте-ка мне определение человеческой души.

— Если коротко, то душа — это как раз то, что делает человека человеком, венцом, украшением всего мироздания Божьего, что отличает его от всех, даже очень развитых, животных. Не две руки, две ноги, голова с мозгом, а душа! Душа — вот что роднит человека с Самим Богом-Творцом, ставит почти вровень с небесными Ангелами. Премудрый Пророк Давид, поражаясь человеческому величию, восхищенно говорит: «Что есть человек, яко помниши его? Или сын человечь, яко посещавши его? Умалил еси его малым чим от Ангел, славою и честию венчал еси его. И поставил еси его над делы руку Твоею, вся покорил еси под нозе его…»[111]. Есть люди, душа которых достигает такой высоты святости, что, когда они умирают и душа их поднимается на небо, то перед ней расступаются даже Ангелы. И есть Та, Которая выше всех Ангелов — это наша Пречистая Матерь Божия. О Ней мы поем, что Она на самой вершине небесной славы: «Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим».

Отец Федор вздохнул:

— А есть души падшие, черные, грязные, смердящие: им по смерти уготована грозная участь быть заключенными в селениях ада. И никто в этом не виноват: сей грозный приговор они выносят себе сами, убивши при жизни совесть, заставив ее творить то, к чему душа сама же и склонила, подтолкнула, вынудила. Она же — зараженная пороками душа — дала ложное, убийственное направление и уму, заставив обслуживать свои прихоти и капризы. Просто все, правда?

Он задумался.

— Когда мы читаем в Библии, что первый человек был создан по образу и подобию Божию, это понимается богословами не его похожестью на того доброго дедушку с длинной седой бородой, которого можно увидеть на некоторых иконах. Бог есть Дух: невидимый, непостижимый никаким умом, никакими научными приборами, бесконечный в пространстве и времени. И Свой Дух Творец вдохнул в человека, увенчав им все, что сотворил до него. Не собака, не рыба, не птица или какое-либо другое иное творение — одухотворен стал человек. А какое одно из самых главных свойств Духа? Свобода: полная, ничем и никем не насилуемая, не притесняемая, не сдерживаемая. Бог есть абсолютная Свобода: по этому подобию создан и человек, помещенный изначально в Эдемский сад — рай. Живи, ни в чем не зная нужды! Единственное, о чем Творец предупредил Свое создание: не брать плодов с древа, которое

росло посреди этого чудного сада. И не потому, что они не дозрели или по другой непонятной причине: «Не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»[112]. Сказал без грозного крика, а с отеческой любовью, как любящий отец говорит маленькому сыну: «Это не нужно есть, к этому не следует прикасаться, тут будь осторожным». С любовью!

Чем ответили Адам с Евой на такую заботу, на любовь своего Творца? Послушались Его? Как же, как же! «Запретный плод всегда сладок», — эта народная «мудрость» берет свое начало, наверное, еще оттуда. Да, сомнения были, но лукавый змей, который, как пишет Библия, был «хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог»[113], так сладко нашептывал Еве, так ее убеждал преступить этот запрет, что та не выдержала.

— Слышал эту историю, — засмеялся Амелин. — Знаменитый змей-искуситель, верно? Кто же с ним не знаком?

— Да, он самый, — серьезно ответил отец Федор. — Но чтобы этот искуситель не представлялся вам чем-то мифическим, сказочным, вроде знакомого по русским сказкам Змея-Горыныча, я переведу этот библейский образ на более понятную вам терминологию: это как раз тот самый «второй портал», откуда наш мозг атакует информация, подталкивающая человека к необдуманным, опрометчивым, часто совершенно диким, безумным поступкам. Оттуда-то и послышалось Еве: «Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло»[114]. И оба поверили. Оба преступили предупреждение Отца, за что были изгнаны из рая, а мы с вами, дорогой Евгений Васильевич, и все потомки, несем на себе печать этого дерзкого ослушания, доверчивости, до сих пор мечтая быть, «как боги». Однако не получается. И не получится, пока будем прислушиваться ко всему, что нам вещает радио «второго портала».

— Теперь, — он хотел убедиться, понимает ли собеседник, — после того, как я изложил вам свое понимание вашей научной теории, возвратимся к началу нашего разговора и посмотрим снова на того чудака, который висит вниз головой и вверх ногами. Если он не возвратит свое тело в нормальное, естественное состояние, произойдет кровоизлияние в мозг или другая беда. Точно таким же противоестественным — но в духовном отношении — является состояние, когда мозг, мышление человека порабощено всем, кроме духа, который дан ему Богом, чтобы нас уподобить себе.

Ум призван быть стражем души, отсекать мечом веры, молитвы, воздержания все, что искушает ее, толкает в грех. Святые отцы Церкви, познавшие на личном опыте искусство духовной борьбы, говорят, что, если ум внимает голосу Бога, то душа не может долго сопротивляться порывам, которые человека увлекают в беззаконие: она подчиняется и тоже слышит глас Божий, слышит Ангела-хранителя, не отвлекаясь ни на что другое. Грех всегда очень коварен и агрессивен, ум же имеет силу и власть отразить все его атаки и ухищрения. Ум, наставленный Богом.

Умный человек в христианском понимании — это не тот, кто прочитал кучу книжек, имеет несколько институтских дипломов и посещает курсы иностранных языков, но, прежде всего, тот, у кого дух стоит во главе всего, всей его жизни, за всем следя и все направляя в правильном русле. Когда же «первый» и «второй» порталы рвутся занять место «третьего», тогда духовная жизнь переворачивается с головы на ноги. Тогда душа начинает страдать, сильно болеть, взывать к совести: «Что ты вытворяешь? Не смей этого делать!» А со «второго портала» мозг слышит: «Пустяки, разочек можно. Делай, не обращай внимания!»

Никакая ученость, образованность не спасут человека от духовной смерти, если над его мозгом не господствует дух и если мозг с его помощью не контролирует призывы «второго портала».

Этому в истории масса примеров, когда лучшие умы человечества обращали талант на изобретение страшных орудий смерти, когда врачи превращались в палачей, извергов, когда человеческий гений направлял свою энергию не на созидание, а на разрушение.

Начинается же все с так называемых мелочей, пустяков. Человек совершает разные недобрые поступки: сначала разок — робко, озираясь по сторонам, чтобы никто не увидел, потом смелее и смелее. Потом грех входит в привычку, навык, а уже из него развивается тяжелейший порок, излечить который часто бывает не под силу. И сбывается над таким несчастным человеком, угодившим в сети лукавых «шептунов», то, что точно подметил народ: «Рад бы в рай, да грехи не пускают». Бедняга рад уже сам избавиться от всего, а порок не шепчет на ушко, как вначале, а хохочет в лицо: «Нет, голубь, теперь не я, а ты мой раб! Никуда тебе не деться!» И ввергает несчастного в погибель…

— Люди не видят того, что они духовно заражены, больны, — продолжал отец Федор. — В отношении своих физических болезней мы еще более-менее бдительны: чуть где-то кольнуло, заболело — бегом к врачу. Что он прописал — то и выполняем, без всяких обсуждений, споров, не жалея денег на лекарства, процедуры, отстраняя прочие заботы.

А как в духовной жизни? Мы, священники, можем рассказать много интересного из личных наблюдений. Ведь нмало есть людей, которые идут в храм с таким настроением, будто делают одолжение Богу. На исповеди — хоть икону с них пиши. Никого не убивал, не обижал, ничего не крал, на чужих женщин не заглядывался… Святые люди! Как им помочь осознать, что убить можно не только ножом, или выстрелом в сердце, но и словом: гадким, злым, черным? Можно убить равнодушием, жестокостью, завистью. Убить можно, прежде всего, себя, стать духовным самоубийцей: безразличным отношением к духовной жизни, ее ежедневным отравлением тем, что уничтожает всякое воспоминание о Боге, отбивает желание молиться, поститься, видеть собственные грехи, признавать их, искренно каяться, жить церковно. Как помочь осознать, что можно оставаться в семье, быть внешне примерным, безупречным семьянином, но при этом услаждаться внутри себя такой грязью, что для духовного самоубийства этого вполне достаточно? Что можно не красть, но при этом быть скупым, жадным, глухим к людям, которые нуждаются в твоем теплом участии, помощи?

И самое главное: как тяжело такому духовно близорукому или вообще слепому человеку увидеть и понять, что, желая кому-то зла, кого-то осуждая, думая плохо, терзаясь завистью, похотью, высоким самомнением, болезненным самолюбием и еще многим чем, человек вредит не тому, кого ненавидит, к кому питает неприязнь, но вредит, а в первую и последнюю очередь самому себе, своей душе, вгоняя в нее острые гвозди, больно раня ее, не слыша голоса, когда душа просит пожалеть, не отдавать себя без всякого сопротивления, без всякой борьбы в плен греху… Господи, как тяжело дается людям эта простая наука…

Задумался и Амелин.

— Мне кажется, не такая она и простая… Что же, по-вашему, все люди обречены и нет никакого выхода?

— Нет, по-нашему — есть. И Церковь, как любящая мать, изо дня в день вещает, говорит, убеждает людей: есть выход! Идите к нему, вот он: совсем рядом, внутри вас!

— А мне кажется, — улыбнулся Амелин, — вы меня хотите завести в полный тупик. Где же этот выход? Как все понять?

— Тоже очень просто, голубчик. Для этого нужно стать…

Отец Федор с хитрецой взглянул на гостя:

— Евгений Васильевич, вы меня не побьете, если я открою вам страшную тайну?

— Ну что вы, отец Федор! Говорите, мне все интересно!

— И смеяться не будете над стариком?

— Даю слово!

— Так и быть, скажу: если вы хотите постичь эту тайну, вам нужно стать… безумцем.

«Будь безумным, чтобы быть мудрым»

Амелин, услышав это неожиданное откровение, сначала сделал большие удивленные глаза, пристально посмотрев на отца Федора, желая убедиться, не шутит ли, не разыгрывает ли он его, а потом добродушно рассмеялся:

— Стать безумцем?! И это ваш совет после стольких мудрых наставлений и примеров?

— Не только мой, Евгений Васильевич! Это совет Апостола Павла, которого можно с полным основанием назвать мудрецом, просветителем не только своего, но и нашего, и всех будущих времен, пока будет проповедоваться христианство. Именно он сказал слова, с которыми согласны христиане: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом…»[115] К этому призыву — быть безумным — в своих бессмертных Посланиях он возвращается многократно.

Но есть и вовсе таинственные слова: «…Слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы»[116].

— Что же это за «тайная премудрость», если она проповедуется открыто? — удивился Амелин. — Или впрямь нужно обезуметь, чтобы понять ее?

— Да, нужно. Без этого «безумства» никогда и никому не понять, почему православные христиане, когда другие спрашивают, в чем суть их веры, указывают на Крест. Дух требует, чтобы мы распяли на нем свою плоть и все, к чему она влечет нас, обрекая на погибель. Крест — это наш путь, наше оружие, наша гордость.

Он посмотрел на реакцию собеседника.

— Одни ужасаются: дескать, чем же гордиться? Ведь Крест — это символ смерти, причем, очень тяжелой, мучительной, потому что к ней в Римской империи приговаривались самые отъявленные преступники, которым не было прощения. Другие же, глядя на наше поклонение Кресту, приходят в изумление, принимая нас за сумасшедших, ибо ни в одной религии мира нет поклонения страданиям. И на всех этих «умниках» сбываются мудрые слова Апостола: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия»[117].

Отец Федор закрыл книгу, которую держал.

— Чтобы все это уразуметь, а тем более — принять к действию, взять за ориентир всей жизни, нужно принять христианский образ мышления: оно радикально отличается от обычного, присущего людям. Пока мы будем вариться в привычном мышлении, опираться на его законы, уповать на их безусловность, мы так и останемся в его кругу: замкнутом, безысходном. Нужно признать, что наш мозг — такой же орган, как и все остальное в организме. И этот орган предусмотрен Богом, когда Он сотворил человека и совершает эту тайну творения до сих пор, рождая новые и новые жизни. Святой пророк Давид, смиряясь перед непостижимостью этой величайшей тайны, осознавая свое бессилие даже приблизиться к ней умом, благоговейно восклицает: «Удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему»[118]. И дальше: «Ты создал еси утробы моя, восприял еси из чрева матере моея. Не утаися кость моя от тебе, юже сотворил еси в тайне, и состав мой в преисподних земли…»[119]. Как умилительно сказано!

Он благоговейно перекрестился.

— Как проникновенно! Так мог сказать только тот, кто был вдохновлен Духом Святым, но даже в этом возвышенном состоянии он смиряет свой разум перед тайнами дел Божьих.

«Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом, — и Ты губишь меня? — восклицает еще один библейский Пророк, не в силах постичь Промысел Божий относительно его судьбы и страданий. — Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня, и в прах обращаешь меня? Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожею и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня, жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой?..»[120]

И что ему ответил Господь?

«Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?.. Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости? Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева, когда Я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его, и утвердил ему Мое определение, и поставил запоры и ворота?..»

И далее грозно вопрошает праведника: «Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место ее, чтобы она охватила края земли и стряхнула с нее нечестивых, чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда, и чтобы отнялся у нечестивых свет их и дерзкая рука их сокрушилась?..»

«Кто приготовляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи?»

«Кто может расчислить облака своею мудростью и удержать сосуды неба, когда пыль обращается в грязь и глыбы слипаются?» — спрашивает Господь.

Наконец, из бури слышится грозный голос Творца: «Будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему». И что отвечает святой Пророк? Его слова необыкновенно кротки и смиренны: «Я ничтожен, — говорит он. — Что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои».

Так ли смиренны мы своим умом? С какой непозволительной дерзостью часто не просим, а требуем от Бога: «Дай! Дай! Дай!», пытаемся проникнуть в Его тайны, бесстыдно суем туда свой нос. Прости нас, Боже… Любые попытки перехитрить Бога, оказаться умнее Его, поиграть

с Ним в прятки, обмануть заканчиваются полным провалом, крахом, позором, гневом Господним, многими болезнями и бедами. Понимая бесплодность, никчемность нашего ума и всего естества перед Творцом, премудрый Давид призывает всех людей: «Поймите же, безумные в народе, и вы, глупцы, наконец рассудите: устроивший ухо, не слышит ли? Или создавший глаз, не заметит ли? Наставляющий народы, неужели не обличит Тот, Кто учит человека знанию? Господь знает помышления людей, что они суетны»[121].

Амелин в задумчивости посмотрел на отца Федора:

— Вы говорили, что есть выход. А после всего услышанного я чувствую себя в еще более глухом тупике. Так есть из него выход или нет?

— Есть! — снова горячо сказал отец Федор. — Но чтобы его увидеть, узреть и двинуться к свету, нужно понять и смириться с тем, что наш мозг, наши умственные способности, даже самые гениальные, в сравнении с премудростью Божьей, — пыль, ветер в степи. До тех пор, пока мы будем опираться исключительно на его силу, его логику, во всем уповать только на него, считать его всесильным, — неизбежно останемся в замкнутом кругу, клети, откуда нет выхода.

Помнится, ко мне подошел один «умник» и спрашивает, может ли Бог сотворить камень, который Сам не сможет поднять.

«Если, — говорит, — не сможет создать, значит, ваш Бог вовсе не Всемогущий, а если создаст, но не сможет поднять, — значит, Он не Всесильный».

И хитро так посмеивается с меня: дескать, поймал попа за бороду. Вот на что способен наш мозг, изворотливый на лукавство!

Отец Федор полистал лежащее перед ним Евангелие.

— Человек, во всем полагающийся только на силу своего ума, интеллект, подобен тому богачу, о котором рассказывает эта мудрая книга устами Спасителя. Набил сундуки сокровищами и сидит радуется, думает: «Надо расширять свои владения, в этих моему добру уже тесновато». И вдруг слышит, как Бог говорит ему: «Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»[122] При этом важно, что, обращаясь к этому «умному» богачу — по нашим-то понятиям он непременно умный, раз сумел сколотить столько богатства, что оно уже в дом не влезает — Господь говорит: «Безумный!» «Безумный», так и вошел в евангельское повествование: не просто как богач, а как богач неразумный, лишенный высшего, божественного понимания ценности того, чем гордился, на что убил свою жизнь и чему не мог нарадоваться.

Точно так же любые достижения человеческого ума: гениальные открытия, научные сенсации, прорывы в разных направлениях науки, — если все это не опирается на прочный фундамент богопознания, не согласуется с ним, — выглядят перед Богом как бессильные потуги людей быть, «как боги», дерзостью перед Творцом, вызовом Ему, который всегда заканчивается поражением и крахом.

Выходит, мудрецы-философы крепко ошибались, утверждая: Cogito, ergo sum[123]. Если над моим умом нет иного — духовного, божественного — начала, то мое существование в любом его проявлении: материальном достатке, умственных способностях, политической популярности, физическом здоровье и еще в чем угодно — является очень зыбким, переменчивым, подобно клубам пыли, которую поднимает и носит повсюду ветер. Если человек не доверяет своему Творцу, то в глазах Божьих выглядит настоящим безумцем.

Великий праведник и мудрец своего времени, сын царя Давида Екклесиаст, который говорит, что «приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания», вовсе не радуется этому, не гордится, не возвышается, но горестно признает: «И это — томление духа». Далее он делает поразительный по глубине вывод, перед которым склоняют свою голову все мудрецы и философы: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»[124]. Под этими словами подпишется любой мудрец, признающий бессилие своей мудрости перед Богом. В очах Божьих наше мирское умствование — это безумие.

— Может, слишком суровый вывод? — осторожно спросил Амелин.

— Наоборот, Евгений Васильевич: слишком мягкий, — отец Федор потянулся за Библией и раскрыл ее. — «Сказал безумный в сердце своем: “Нет Бога!”»[125] Безумный! Только человек, лишенный ума, может отрицать бытие Бога, игнорировать Его, строить свою жизнь не на камне веры, а на песке разных умствований или суеверий. Ум, не познавший Бога, находится в ослеплении: он, по слову Апостола Павла, накрыт покрывалом. «Но когда обращаются к Господу, — далее утверждает он, — тогда это покрывало снимается. Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода»[126].

Человек, познавший Бога, познал все! Тогда чем бы он ни занимался: научной деятельностью, творчеством, политикой, — имея правильное, не искаженное разными лжеучениями богопознание, обретает ключ к разгадке любой земной тайны. Это и есть то «универсальное знание», которое многие ищут повсюду: в эзотерических теориях, оккультных практиках, вере в существование Шамбалы, иных загадочных цивилизаций, но только не в Боге Истинном, Творце всего сущего. Своим верным слугам Господь открывает духовный ум, который непрестанно развивается по мере исполнения евангельских заповедей. Такой ум лишен бесплодных метаний, фанатизма, находит взвешенные решения в любых жизненных обстоятельствах, в нем все дышит покоем, тишиной, верой в то, что Господь, как любящий Отец, никогда не оставит.

В свете Истины человек ясно видит опасности, капканы, расставленные дьяволом, чтобы его искусить, осквернить, поймать, и в то же время перестает видеть врагов в других людях, не расталкивает всех локтями за место «под солнцем». Озаренный Богом ум никого не обвиняет, никого не подозревает, он весь наполняется любовью, которая, как утверждает Апостол, «долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»[127].

Человек, устремивший свой ум к Богу, — воистину мудр. Не признающие же Бога, упорствующие Ему — безумцы. Им, как точно замечает Апостол, «бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого»[128].

…Амелин тепло обнял отца Федора:

— Цель достигнута. Теперь я, профессор, действительно чувствую себя даже не глупцом, а тем самым безумцем.

— И благодарите Бога, что Он дал вам это почувствовать, — отец Федор тоже обнял гостя. — Считайте это милостью Божьей, началом духовного вразумления. А то в вашем ученом мире только и слышно: «Я!», «Нет, я!», «Кто ты? А вот я!..» Богу в этих яканьях, к сожалению, не находится места. О Нем даже не вспоминают…

— Это действительно трудно осознать одним махом, — вздохнул Амелин, размышляя над словами отца Федора. — Как ученый-практик, я знаю путь к знаниям: книги, упорный труд и личный опыт. А как быть тут?..

Он пожал плечами.

— И здесь так же, — ответил отец Федор. — Книги — от Евангелия и Посланий Апостолов до богословских трудов, авторы которых познали путь к Богу не теоретически, не умозрительно, не отвлеченно-философски, а глубоко-личностно, во всем поступая по духу, а не по зову плоти. Пожалуй, ни в одном деле слабость, беспомощность человека не обнаруживается так сильно, как в стремлении хотя бы чуть-чуть приблизиться к тому христианскому идеалу, о котором благовествуют Евангелие, жития святых. Читаешь — и кажется: я тоже готов! Это обо мне сказано, для меня! Но едва приступил — и оказывается, что далеко не готов. Человек забывает, что именно к нему обращены слова Спасителя: «Без Меня не можете делать ничего»[129].

Что тогда происходит? Некоторые в бессилии опускают руки: дескать, куда уж мне, грешному? А кто-то еще поддерживает эти изначально пораженческие настроения: пожалей свое здоровье, подумай о семье, о будущем, нельзя так над собой издеваться и т.д. Приходит такой малодушный человек на исповедь и начинает оправдывать свою робость, нежелание потрудиться для Господа лукавым смирением: ах, это у меня не получается, это не выходит, это мне трудно, а вот это вообще не под силу… Поститься не могу, класть поклоны не могу, терпеть обиды не могу, не гневаться не могу, прощать не могу, бросить курить не могу, пить, грязными словами все вокруг себя чернить — тоже, без телевизора и подавно не могу. Ничего не могу! Потерпеть скорби, которые Господь посылает мне как спасительное лекарство, — и это не могу и не хочу: они кажутся мне слишком тяжелыми, горькими. «Простите и разрешите, батюшка».

Вместо борьбы, труда, ревности — белый флаг, а на нем главный лозунг такого «подвижника»: «Не могу!» А почему не слова, которыми призывает христиан Апостол Павел: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»[130]? Все могу! Все мне под силу! Только помоги мне, Господи!

Зато во всем другом, особенно того, что касается плоти, я все могу! Попробуй кто лиши меня сна, еды, развлечений, отдыха — вмиг узнаешь, на что я способен. Вот это я могу крепко! «Буря мглою небо кроет»! Выходит: «Не помоги!», а просто: «Не хочу»…

Отец Федор продолжал размышлять:

— Скорбно видеть, как идет одряхление не только всего мира, но, прежде всего, христианской жизни. Куда ни глянь — везде: «Не могу!» Что говорить о простых верующих, когда испокон вечные оплоты веры и благочестия — монастыри — превращаются в подобие культурных центров, фешенебельных отелей: с телевидением внутри, Интернетом в кельях, зваными застольями, шиком, блеском, комфортом. Завет преподобного Нила Сорского о том, что монастыри должны быть богатыми духовно, но не материально — словно не касаются нашего времени. Непременный атрибут нынешних монахов — уже не четки, а мобильные телефоны. На молитву остается все меньше и меньше часу. На отшельничество, затворничество, молчание, другие аскетические подвиги древних отцов — тем более нет времени. Желания, сил — тоже. Зато полон рот забот об украшении обители, привлечении сюда паломников, общении с состоятельными меценатами, бесконечными искателями «прозорливцев» и «старцев». Ну какой нынешний монастырь без них? Мне показывали объявления, как в некоторых храмах приглашали в паломническую поездку, где одним из пунктов программы так и обозначено: «Встреча и беседа с прозорливым старцем». Исцеления, изгнание бесов — согласно

расписанию.

Батюшка взял со стола листок:

— На днях принесли мне рассказ о монахе, которого считают не только великим подвижником нашего времени, но, как пишут, еще при жизни почитали за святого. Дай, Господи, чтобы он сподобился этой славы! На что обращают внимание люди? Чисто внешний эффект его деятельности в монастыре. «Удивительно, — восхищается автор, — но, в сущности, за шесть последних лет жизни он, возродив и старые храмы, возвел посреди степи почти что лавру. Причем, как сказали бы сегодня, с “евростандартом". Здесь все благолепно — старые и новые храмы, современного вида жилые и административные строения и растительные насаждения. Березовая аллея здесь приведет вас к огромному белому собору — копии одноименного собора Московского Кремля. Мы стоим перед ним и вспоминаем итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти, даровавшего нам эту московскую красоту и самого, в свою очередь, вдохновившегося Успенским собором древнего Владимира...»[131]

Евроремонт: вот что трогает сердце! Не Бога вспоминают, не Божью Матерь, в честь Которой возвели храм, не Крест, не подвиги святых, в земле Русской просиявших, а итальянского архитектора! Его имя, память, заслуги, оказывается, дороже!

Окажись древние отшельники, старцы в этой «идиллии» — что было бы сними? Какое, наверное, пережили бы потрясение они после того, как сами постоянно бегали от мира, прятались в безжизненных пустынях, непролазных трущобах, лесах, пещерах, пропастях земных... Первоосновой той монашеской жизни были усердная возвышенная молитва, подвиги, борьба, которые рождали истинных старцев, познавших на личном опыте козни лукавого врага и с помощью Божьей поражавших его. Это они, просияв уже на земле святостью жизни, считали себя, тем не менее, величайшими грешниками, недостойными милостей Божьих, с трепетом ожидая исхода и встречи с Христом, тогда как некоторые наши «чудотворцы» уже видят себя в раю и дают последнее напутствие чадам: «Ко мне и после смерти приходите, как к живому, все расскажите — и я услышу, помогу». Зачем вам Бог? Я услышу и помогу! Я! Страшно читать все это и видеть, как люди «клюют» на приманку, где не нужно труда, не нужно подвигов, борьбы, терпения скорбей. Все за тебя сделает «старец»: и по головке погладит, и отмолит, и местечко теплое в раю для тебя припасет. Я же сам ни на что не способен. Прости нас, Господи...

Он задумался.

— Вся нынешняя церковная жизнь все более и более сосредотачивается на внешних эффектах при оскудении внутреннего содержания. Многое напоминает бутафорию, профанацию, иллюзию вместо того, что заповедал Христос, чему наставляли святые отцы Церкви. Сторонники разных новаций говорят: «Раз изменяется мир, то и Церковь должна учитывать эти глобальные процессы». Но что мир? Он всегда был наполнен пороками, лукавством, духовным невежеством и прямым богоотступничеством. Природа греха человека, с начала его отпадения от Бога и до днесь, — неизменна: она, как и человеческий организм, приспосабливается к духу времени, происходит ее мимикрия, мутация. Вирус атеизма, безбожия — тоже. Происходит приспособление от открытой травли христиан, их физического уничтожения до утонченных издевок, насмешек, попыток замены христианства подделкой: где грубой, а где — ювелирной.

Прискорбно замечать, как под эту греховную природу начинает подстраиваться вся церковная жизнь, теряя свою соль, свою силу, свою закваску. Люди ищут не борьбы, не подвигов, а внешней красивости, чудес, ищут «чудотворцев», которые, по их мнению, как в сказке,

сделают все, что обязаны сделать сами люди. И когда их призывают восстать против греха, мы часто слышим стандартный ответ: «Батюшка, не могу...»

Почему святые не знали этого «не могу»? Они почему-то все могли: и поститься, и молиться, и совершать великие подвиги, и не бояться смерти, когда наступало время гонений за Христа. Апостол Петр смог пойти по воде — не потому, что где-то специально учился этому, а потому что так сильно возлюбил Учителя, что забыл о том, что он обычный человек, и пошел навстречу Христу. Но едва усомнился, вспомнил свое человеческое естество — и тут же камнем на дно.

Каким мы видим отца несчастного отрока, которого привели к Иисусу в надежде, что Тот исцелит его? Решительным! «Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию!»[132] Мы должны с той же решимостью сказать: помоги моему нехотению! Помоги победить мою лень-матушку, мое собственное лукавство, себяжаление, самооправдание, помоги обуздать мой болтливый язык, всеядные глаза, настроенные на разные сплетни уши, вечно ненасытное, прожорливое чрево, распоясанные хотения плоти! Ведь это как раз те самые «домашние», о которых говорит Господь, что они нам — враги[133]. Не родные мать с отцом, не брат с сестрой, но те пороки, которые гнездятся внутри меня, рычат, как звери, требуют, чтобы их насытили. Ближе, роднее этих «домашних» никого нет. Помоги нам, Боже, избавиться от этого «родства»! И Господь непременно поможет! Он Сам уверяет нас, что, имея веру с горчичное зерно, мы способны передвигать горы: горы наших сомнений, страхов, соблазнов, искушений, самооправданий, немощей и много чего другого.

«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!», — вот что должно быть начертано на сердце и в уме христианина, хотящего хотя бы немного подняться в духовном развитии.

— Отец Федор, — Амелин осторожно спросил батюшку, — вы думаете, я способен на такую «науку»? Из меня толк будет?..

Отец Федор рассмеялся:

— Я, убогий, столько времени общаюсь с настоящим профессором, а он, оказывается, так ничего и не понял!

Потом взял листок бумаги и быстро написал что-то крупными буквами.

— Возьмите, размножьте и развесьте у себя по всем стенам, везде, где будет видно.

— Что это? — удивился тот.

— Ваш главный девиз, если хотите постичь нашу христианскую науку.

Амелин развернул и тихо прочитал:

«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!»

Выбор

Общение с отцом Федором, братьями-священниками, долгие зимние вечера, проводимые в тихих откровенных беседах, постепенно меняли сознание Амелина, рождая в нем все новые и новые вопросы, сомнения, раздумья. Он стал ходить в храм, где настоятелем служил отец

Дмитрий. С правой стороны от главного входа была еще одна дверь, ведущая во двор и окруженная красивой аркой: Амелин любил стоять там, пока шла служба, чтобы ни на что не отвлекаться и стараться вникнуть в сокровенный смысл доносившихся сюда песнопений, величественных глаголов, возгласов священника.

Многое из совершавшегося было ему непонятным, не трогало сердца, тогда как другие — замечал он — умиленно плакали, опускались на колени, обращая свои мольбы к святым образам. Замечал он и то, что люди, стоящие тут, были разными — и по настроению, и по отношению к службе: кто-то стоял рассеянным, кто-то погруженным в свои думы, кто-то занятым неуместным разговором, а кто-то, войдя в храм и поставив свечку, быстро уходил назад, не задерживаясь. Амелин тоже был разным: то сосредоточенным, то с блуждающими глазами и мыслью, то ловящим в сердце умиление, то совершенно холодным…

Он не спешил причислить себя к верующим формально: по традиции, обряду, потому что «так надо», потому что «так все». Ему хотелось почувствовать бытие Бога, о Котором ему рассказывали отцы, в своем сердце — обитали щи Царства Небесного, услышать Его голос, внутренний порыв.

Амелин и крещеным-то не был: в его семье никогда не велось разговоров о Боге. Считалось, что быть хорошим, порядочным человеком вполне можно и без «поповских басен».

В этом же храме Евгений Васильевич встретил человека, которого давно знал и отношение к которому было сложным: Амелин его уважал и ненавидел, желал быть другом и боялся…

С Виталием Одинцовым Амелин входил в самостоятельную жизнь и науку вскоре после окончания учебы в институте. Оба живо интересовались мало изученными проблемами головного мозга, высказывались об интересных экспериментах, готовясь посвятить себя медицинской науке. Оба были талантливы, обладали незаурядными способностями. Но если Амелину многое давалось легко, по природе склада быстрого ума, то его сокурсник Виталик Одинцов добивался всего упорным, кропотливым трудом, усидчивостью, скрупулезностью. И не потому, что был глупее Жени Амелина, нет — так его научила жизнь, ничего не давшая в наследство: и по бедному детству, и по дефициту школьного образования, да и просто воспитания, материнской ласки.

Но увлечение серьезной наукой сблизило их: модного городского парня Женю, блиставшего не только гибким умом, но и внешним лоском, красивыми манерами, материальным достатком, и деревенского «неотесанного» парня Виталика, у которого не было ровным счетом ничего внешне привлекательного, кроме благозвучной русской фамилии Одинцов да пытливого ума, жаждущего знаний, поиска, научных дерзаний. Если Женя не отказывал себе ни в чем, то его друг, напротив, на всем старался сэкономить, ограничивая и в еде, и в одежде, и в юношеских развлечениях. Если Женя успевал везде: в учебе, общении с многочисленными друзьями, любовных интрижках с однокурсницами, то Виталик все свободное от учебы время проводил в институтской библиотеке, лабораториях, сторонясь шумных студенческих вечеринок, «тусовок», входивших в моду дискотек, почти не появляясь там. Многих однокурсников это раздражало: они то и дело подтрунивали над Виталиком, обзывая то «сектантом», то «лаптем», то другими обидными словами, которые он смиренно сносил, терпел, не платя обидчикам той же монетой злословия и гнева.

Говорили, что Виталик ходит в церковь. Говорили, что его вызывали в партком института, где в присутствии работников органов КГБ проводили беседу на предмет его религиозности. Говорили, что в кармане куртки он носит крестик — бабушкино благословение внуку, знает какие-то молитвы. Но так ли это было на самом деле — никто подтвердить не мог, потому что

темы религии, веры в том окружении Виталика Одинцова никого не интересовали: будущие выпускники престижного медицинского вуза жили интересами грядущего распределения, карьеры, решения проблем личной жизни.

Никто не удивился, когда им обоим — Жене Амелину и Виталию Одинцову — предложили учебу в аспирантуре и серьезную научную работу. Тогда же к ним обоим стали присматриваться люди, которые говорили о своем отношении к науке, намекая на ее закрытость для общества, подобно темам, которые входили в интересы обороны страны, а потому не подлежали широкой огласке. Талантливым ребятам, при условии их согласия на сотрудничество, обещали столько всего, что даже Амелину, ни в чем не испытывавшему нужду, захватывало дух: самостоятельная экспериментальная лаборатория в закрытом исследовательском центре, высокая зарплата, карьерный рост, стажировка за рубежом, участие в международных конференциях и еще много чего привлекательного.

— Виталька, — восторженно хлопал Амелин друга по плечу, — через пару лет на такой базе мы сделаем докторские диссертации, а там…

Он давал полет фантазиям, грезя себя в ближайшем будущем светилом отечественной и мировой науки.

Однако Виталий был куда сдержаннее: неожиданно для всех он отказался от заманчивого предложения, озадачив, прежде всего, Амелина, ведь они работали над общей темой, и отказ одного означал крах начала карьеры для обоих.

— Ты настоящий деревенский лапоть, недоумок! — Амелин готов был избить друга за такой поступок. — Тебе судьба дает шанс стать известным ученым, получить признание, не считать копейки от зарплаты до зарплаты! Отказаться от этого? Во имя должности врача в какой-нибудь районной больнице? Был деревенским дурнем — им и остался!

Но Виталий так и не согласился. Он оставил учебу в аспирантуре, почти готовую к защите диссертацию и ушел трудиться врачом в городскую больницу, куда ему помогли устроиться преподаватели института, ценившие его талант и способности. Амелин же порвал с ним всякие отношения, наговорив напоследок много разных обидных слов, не желая больше никогда слышать о нем, тем более видеть и общаться.

И вот судьба снова свела их. В храме. Спустя столько лет…

— Виталик… Это ты? — прошептал изумленный Амелин, узнав в человеке, скромно сидевшем на лавочке возле большого образа Казанской Богоматери, своего бывшего друга.

Тот поднялся и, тоже не веря, что это был Амелин, протер вспотевшие очки и пристально посмотрел на него.

— Женька… Женечка

Одинцов тепло обнял его и… прослезился. В его улыбке — необыкновенно радостной, искренней — не было ни следа обид и злой памяти, которых, казалось бы, заслужила жестокость Амелина, порвавшего с ним все дружеские связи.

— Как. рад тебя видеть… Здесь… Как рад!

Он не выпускал Амелина из объятий, передавая ему от сердца к сердцу тепло той дружбы, которую он сохранил за эти годы. Виталий сильно постарел и сдал, на его лице была печать

какой-то очень тяжелой болезни, но оно светилось радостью встречи.

Службы в храме не было. Амелин присел рядом, и они разговорились.

— Помнишь, как на тебя говорили, что ты сектант? — улыбнулся он, тоже обняв друга.

— Их нельзя судить, потому что они не ведали, что говорили, — как и те, которые не ведали, Кого распинали, — кротко ответил Виталий. — Такое было время… Наше поколение в нем сидит своими корнями.

— Но почему твоих корней не коснулось безбожие, а я весь напитался им? — тихо спросил Амелин.

— Наверное, у тебя их не было кому поливать…

— Кто же поливал твои корни?

— Моя покойная бабушка. Своими молитвами. Поливала обильно, пока была жива, поливает и теперь, когда отошла к Богу. Не будь ее — мои корни, наверное, тоже давно бы засохли…

— Значит, ты был верующим, когда мы еще учились студентами?

Виталий мягко улыбнулся, взглянув на друга:

— Ты ведь им тоже стал? Чуть позже, но стал? А Господь Сам уверяет нас, что никто из трудящихся ради Него не потеряет своей награды. Я рад, что ты нашел тропку к Богу и пришел в Его святой храм.

Они рассказали друг другу о своей жизни, успехах.

— Да какие там успехи, Женечка… — махнул рукой Виталий. — Работал в больнице хирургом, пока не перешел на группу. Двух сыновей вырастил, тоже врачи. Сплошные врачи, а маму нашу — супругу мою то есть — бессильны были спасти: три года как вдовцом живу. Вернее, доживаю…

— Как это? Болен что ли серьезно? — озабоченно спросил Амелин.

— Нет, Женечка, ничего серьезного, — улыбнулся тот. — Онкология… Запущенная стадия. Обнаружилось слишком поздно. Операции теперь не подлежит, а химией травиться не хочу. Незачем. Пожил сам — дай пожить другому…

— У тебя рак?!

— И что с того? — поспешил успокоить Одинцов. — Мы все на пути к исходу из этой жизни.

— Ты так спокойно говоришь, будто тебя и нас всех ждет не смерть, а…

— Женечка, смерти вообще нет, — Виталий пожал руку Амелину. — Есть исход — из этой жизни в вечную. Кто живет с Богом — к Нему и уйдет. Кто Его не познал или отверг — тоже уйдет, но им уготованы другие обители…

Амелин задумался.

— Виталик, почему твоя вера такая простая и понятная?

— Потому что Бог, в Которого мы верим, — очень прост, открыт и доступен. Мы сами заслоняемся, отгораживаемся от Него, не желая верить, жить по Его законам.

— Неужели для тебя Бог так очевиден, что не нуждается ни в каких аргументах, доказательствах? Ведь религия сродни философии, это абстрактная теория.

— В таком случае нужно признать абстракцией, чем-то виртуальным все, что мы видим и воспринимаем вполне реально. Например, солнце. Разве в него нужно верить? Оно есть, всходит и заходит, согревает, наполняет светом. Так и все остальное: звезды, окружающая природа.

Амелин вспомнил, как они расстались.

— Виталя, скажи, почему ты решил тогда уйти из темы? Все бросить и уйти? Тоже помешала вера? Я не мог найти твоему поступку никакого логического объяснения. Почему ты это сделал? Кто тебе велел или подсказал?

— Тот голос, который держит нас от любого опрометчивого шага. Который бережет нас от капкана.

— От капкана? — переспросил Амелин.

— Да. От любой опасности.

— И ты слышал этот голос?..

— Да, и если бы не послушал его, то…

— Погоди! — теперь Амелин схватил руку Одинцова. — Но почему я не слышал? Или…

Тот пожал плечами.

— Я не знаю… Главное, что ты его все равно услышал.

— Почему так думаешь?

— Ты ведь пришел в храм Божий… Надеюсь, не случайно… Если так, то ты его услышал.

Амелин помолчал.

— Виталя, ты помнишь теорию «трех порталов», которой мы увлеклись еще студентами?

— Конечно. Мы занимались ею очень серьезно, пока я не понял, с чем связались.

— Ты это понял уже тогда?! — изумился Амелин. — Тебе открылась тайна порталов?

— Да, поэтому я остановился и решил все бросить. С Богом не шутят.

— А я посвятил этому всю свою жизнь, научную карьеру, — прошептал Амелин.

— Чтобы все понять?

Тот кивнул.

— Осталось главное: сделать выбор…

Теперь он все чаще думал о том, насколько его научная деятельность соответствовала тому, что проповедовало христианство. Эти сомнения тревожили его душу.

— Разве плохо, — Амелин делился ими с отцом Федором, — что своими новейшими открытиями в науке мы помогаем человеку избавляться от тяжелых болезней, пороков: наркомании, пьянства, психических недугов? Помогаем надежно, с гарантией того, что он возвратится в общество свободным от прежней жизни. Что тут против Бога? У религии свой путь развития, у науки — свой. Зачем переходить дорогу друг другу? Зачем друг друга оспаривать? Наука не должна препятствовать человеку развивать, удовлетворять свои духовные потребности, но и религия — согласитесь с этим — не должна тормозить или вообще как-то влиять на научный прогресс, развитие научной мысли.

— Правильная вера вовсе не мешает человеку заниматься наукой и всем остальным на благо ему самому и всему обществу, — возразил старец. — Среди людей, которыми гордится Церковь, немало людей образованных, даже ученых с мировыми именами. К примеру, выдающийся советский ученый, светило в области военно-полевой хирургии, он же святитель Лука (Войно-Ясенецкий) органично соединил служение медицинской науке и Богу, и стал святым!

— Но ведь человек выходит от нас не только здоровым, — продолжал свою мысль Амелин. — Мы помогаем ему обрести новый смысл жизни — несравненно более высокий, чем тот, которого он достиг прежде!

— И в чем же этот смысл? — живо отреагировал отец Федор. — Вы-то сами можете дать четкий ответ на этот вопрос?

— Ну, — развел руками Амелин, — тут говорить можно много и всякий раз правильно, потому что это настолько обширное, философское понятие, что...

— Я помогу вам, — отец Федор раскрыл толстую тетрадь. — Сюда я записываю мысли умных людей, в том числе их высказывания о смысле жизни.

И, поправив очки, стал неторопливо читать:

— «В жизни нет иного смысла, кроме того, какой человек сам придает ей, раскрывая свои силы, живя плодотворно», «Смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об этом другим», «Твое предназначение скрыто в том, что ты любишь делать больше всего на свете», «Жизнь человека имеет смысл до тех пор, пока он вносит смысл в жизни других людей с помощью любви, дружбы, сострадания и протеста против несправедливости», «Высший позор — ради жизни утратить смысл жизни», «Смысл жизни — самовыражение. Проявить во всей полноте свою сущность — вот для чего мы живем», «Вы никогда не будете счастливы, если будете пытаться понять что такое счастье. И вы никогда не будете жить, если ищете смысл жизни», «Пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни», и так далее, и так далее. У меня их собраны сотни, и все — от очень умных, вполне достойных, уважаемых, известных людей: философов, писателей, общественных деятелей, композиторов.

Есть вовсе оригинальные, прямо-таки забавные умозаключения: «Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл», «Всю свою жизнь я искал истину, смысл жизни. И единственное о чем я жалею, это о потраченном времени, чтоб в итоге понять… истина в том, что истины нет… Живите и наслаждайтесь жизнью, не задавая ей вопросов!», «Смысла жизни не существует, мне придется самому создавать его», «Единственное счастье в жизни — это постоянное стремление вперед», «Если кто и знает

смысл жизни, так пусть не пугает этим смыслом других»…

Отец Федор полистал тетрадь:

— Вы обратили внимание, Евгений Васильевич, что ни в одном из этих, да и во многих других высказываниях, нет упоминания о Боге? Смысл в чем угодно: в любви, в добре, в труде, во Вселенной, в поисках самого смысла, в его отсутствии, в бессмыслице — только не в Боге. А в чем он лично для вас?

Батюшка вопросительно посмотрел на Амелина. Тот пожал плечами:

— Как говорится, каждый выбирает его в меру своего развития, воспитания, ума…

— Так, согласен. Но поставлю вопрос по-другому: существует ли некий высший смысл земного бытия для всех людей? Или нужно вместе с мудрецом биться головой об стенку и вопрошать: «В чем смысл жизни? Воспроизведение себе подобных? Зачем? Служить людям? А тем, кому мы будем служить, что делать? Служить Богу? Разве Он не может без нас сделать, что Ему нужно? Если Он и велит служить Себе, то только для нашего блага. Жизнь не может иметь другой цели, как благо, радость». Как быть?

Амелин обнял отца Федора и улыбнулся:

— Я лучше послушаю вас дальше…

— Э, нет! Дальше мы будем пробираться вместе. Вы когда-нибудь видели водопад?

— Что? — не сразу понял Амелин. — Водопад?

— Ну да. Только не по телевизору, не на картинке, а своими глазами, настоящий? Мне довелось, когда я на Севере служил.

— Я тоже повидал, и немало, пока ездил по белу свету, — обескураженно сказал Амелин. — Если бы, например, вы видели бразильский водопад Игуасу! Какая красота, какая мощь!.. Один испанский завоеватель был настолько потрясен грандиозным величием этого чуда природы, что назвал его «Прыжком святой Марии».

— Вот и славненько, — улыбнулся отец Федор. — Раз вам высший смысл жизни пока не слишком-то понятен, но вы видели самые большие в мире водопады, тогда мне, не видевшему их, будет легче с вами разговаривать.

Он пригласил Амелина сесть рядом.

— Итак, перед нами водопад: огромный, невероятно красивый, стремительный, бурный, неукротимый, как дикий зверь. Но мы-то с вами понимаем, что таким, как мы его видим перед собой, он стал не сразу, а из речушек, ручейков, которые сливаются в один мощный поток. Море бушующей воды! Все кипит, бурлит, пенится, сверкает, искрится на солнце. Сколько тут маленьких микроскопических капель? Невообразимо даже представить. Миллиарды! Они сбиваются в волны, но тут же разлетаются, разбиваются о гранитные теснины, острые камни — и мчатся, мчатся, мчатся, ни на секунду не останавливаясь, не успевая ни за что уцепиться. Куда же мчатся? К страшному обрыву, откуда начинается вот это величественное, завораживающее взгляд падение огромного потока. Здесь начинается сам водопад! Люди восхищенно наблюдают, боясь подойти близко, чтобы не быть увлеченными в эту стихию. А что капельки воды? Они падают с края обрыва, превращаясь в еще более мелкие брызги, водяную

пыль, образуя над водопадом фантастической красы радугу, а потом уносятся вниз, снова превращаясь в поток воды, но уже умеренный, спокойный, вливаясь куда-то в широкое море или бескрайний океан… Как вам?

— Вы настоящий художник! — искренно восхитился Амелин. — Именно такими я видел известные мне водопады. Вы описали удивительно живо, словно сами бывали там.

— Сейчас мы с вами нарисуем еще более живописное зрелище, — подмигнул отец Федор. — Но для этого станем немного фантастами. Представим, что бушующий поток воды — это общечеловеческая жизнь, эволюция, мелкие капельки — это люди с их судьбами. Куда они мчатся? К краю пропасти, бездны, где заканчивается река и начинается водопад. Эта пропасть есть смерть, к- которой мчатся люди: все без исключения. Объединяются, воюют, сражаются за какие-то высокие идеи, строят карьеру, растят детей, богатеют, нищают, умнеют, глупеют, стареют, молодеют — но все мчатся к пропасти-смерти. Никто не зацепится, никто не удержится, не спрячется в расщелине берега или за валуном посреди реки. Миг — и человек на краю бездны. Еще миг — и его уже нет… Как вам такая картина?

— Впечатляет еще больше.

— Только подумать: если нет надежды удержаться, остановиться, если осознаешь, что с твоей смертью неминуемо обрывается все, чему ты посвятил жизнь, тогда в чем ее смысл? Зачем вообще жить?! Лучшие умы человечества были бессильны перед этой непостижимой вселенской тайной. Разные религии предлагали свои ответы, но все они упирались в тупик: если я смертный, то зачем жить?

Пророк Давид, раздумывая над обреченностью человеческого бытия, вопрошает Творца: «Вспомни, какова природа моя; не напрасно же Ты создал всех сынов человеческих? Кто есть человек, который будет жить и не увидит смерти, избавит душу свою из руки ада?»[134].

Да, Творец создал нас не для смерти и вечных страданий. Воскреснув из мертвых, победив смерть и разрушив врата ада, Господь наш Иисус Христос снял это недоумение, дав каждому в Него уверовавшему высший смысл земного бытия. Тот же, кто по-прежнему упрямо ищет этот смысл в земном, в земное и упирается, где нет выхода, а лишь тупик. Более четырех миллионов людей на земле, потеряв всякий смысл жизни, ежегодно совершают над собой суицид — самоубийство. Цифра, несопоставимая ни с какими фронтовыми потерями! И где больше всего? Как раз там, где люди живут в материальном достатке, счастливо, не ощущая острых социальных потрясений: Америка, Европа, Китай… Но в этом же ряду — и Россия, наследница славы Святой Руси. Мало кто знает, что смертность в результате самоубийств составляет около трех процентов от общего числа смертей в России: этот зловещий показатель почти едва раза выше по сравнению с процентом насильственных смертей…

Отец Федор вздохнул:

— Психологи говорят, что виной всему — депрессия, охватившая, наверное, все население планеты. Кого ни спросишь: «Почему такой невеселый?», ответ стандартный: «Депрессия…» Весенняя депрессия, осенняя, зимняя, летняя, от усталости, семейных неурядиц, роскошной жизни, безделья… Оказывается, семьдесят процентов людей, испытывающих это гнетущее внутреннее состояние, склонны выйти из него, сведя счеты с жизнью. Вот вам и высокий «смысл»…

— Признаюсь, — задумчиво сказал Амелин, — мне почему-то всегда казалось, что христианские добродетели можно исполнять, будучи если уж не совсем ярым безбожником, то

умеренным атеистом, просто не придерживающимся религиозных взглядов.

Отец Федор раскрыл Евангелие.

— Так, между прочим, представляется не только вам, но даже и некоторым верующим христианам. Вы думаете, когда Христос вышел к людям на проповедь, так сразу все Его и поняли, приняли, пошли за Ним? Да, ходили: послушать, но больше за исцелениями, чудесами — ведь то, что совершал Господь на глазах огромного скопления народу, было просто невероятно, немыслимо. Принять же Его слова, понять их было далеко не всем под силу.

«Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего…» — все десять заповедей, которые Сам Господь дал Своему Пророку Моисею, должны были оторвать богоизбранный народ от скотоподобного состояния, от тех язычников и варваров, среди которых они жили, дыбы не усваивали диких обычаев, не поклонялись их богам, ибо «все боги язычников — демоны»[135]. Требовалось очень длительное время, чтобы подготовить иудеев к встрече обетованного Мессии. И когда Он пришел — тут-то и начались многие проблемы…

Отец Федор поправил очки.

— «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду, — обращается уже Сам Христос к Своим ученикам. — А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака”, подлежит синедриону; а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной»[136].

«Не убий» — всем понятно. А как можно не гневаться? Да еще, оказывается, это порицается Богом, вменяется в грех!

Христос наставляет дальше: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Это вообще что-то новенькое: за один похотливый взгляд на красивую женщину считаться прелюбодеем? Мыслимо ли такое? Кем же нужно быть, чтобы все это соблюсти?

Дальше — больше: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Любить своих заклятых врагов? Да еще благотворить им?! Все это было непостижимо не только для рядовых иудеев, слушавших Иисуса, но даже для Его ближайших учеников, которые терялись: как понимать?

Отец Федор продолжал размышлять:

— Эта наука не вписывалась в сознание людей, слушавших проповедь Царства Небесного. А ведь Христос не только учил — Он показывал личный пример исполнения всех Своих наставлений, заповедей, говоря людям: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим»[137]. Не от Ангела, не от Пророка, а от Меня. Кем был Учитель? Богом!

— Брать с Бога пример? — иронично усмехнулся Амелин. — Под силу ли человеку такая высота?

— Под силу! — горячо ответил старец. — Человек призван возвратиться к тому святому состоянию, в котором пребывал, будучи сотворенным Богом, не вкусив яда греха и не отравив

им свое первозданное естество. Вы, Евгений Васильевич, утверждаете, что способны исцелить человеческую природу, освободить ее от разной скверны пороков, даже вселить в человека высокий смысл жизни. Чем готовы достичь этого?

— У нас много отработанных технологий, средств воздействия на самые тонкие зоны человеческого сознания, — уверенно ответил Амелин.

— А мы говорим, — так же убежденно сказал отец Федор, — что человек может обновить себя Богом: искренней, горячей, глубокой верой в Него, неукоснительным исполнением Его заповедей. Не таблетками, ни пилюлями, не медицинскими процедурами, а Богом! Соединением с Ним, с Его Святой волей всего человеческого естества: мыслей, душевных порывов, желаний, слов, действий — всего! И не «с середины наполовину», а без остатка. Жизнь земная имеет лишь одну-единственную высокую цель: соединиться с Богом в вечности, где смерть уже бессильна. Во Христе заканчивается царство смерти, какое она имела до пришествия нашего Спасителя на землю. Поправ «смертию смерть», Господь открыл человечеству путь в бессмертие. В Царстве нашего Господа вообще нет смерти…

Чтобы наследовать это блаженное Царство, нужно стать новым человеком: совлечься себя старого, ветхого и обновить верой во Христа и Его силой полностью, без остатка. Нужен упорный духовный труд, уход за благодатным зерном, которое всевается в нас при совершении Таинства Святого Крещения, дабы оно дало щедрые и благодатные всходы на ниве Господней. Нужен неусыпный контроль ума за всеми словами, эмоциями, порывами, поступками, очищение души от всего, что претит соединению с Богом. Тогда Господь Сам входит в такого смиренного человека и Сам обновляет его пораженную грехом природу, обожествляет ее, соединяет с Собой.

Пока человек не поймет этой простой правды, он будет тыкаться, как слепой котенок, во все щели, не видя, где настоящий выход. И никакие врачи, медицинские центры, никакие искусственные средства ему не помогут: только Господь, Который способен дать все — и духовное зрение, и духовный ум, и духовную крепость. Со Христом человек совершает восхождение на Крест, который по сей день для всех не уверовавших в Него остается и «соблазном», и «безумием» — чем был во времена первой апостольской проповеди Евангелия. А разбойник, первым вошедший в рай, — и подавно.

— И все-таки мне странно: почему нельзя быть добродетельным человеком без такой глубокой веры? — возразил Амелин. — И давайте признаем, что среди считающих себя верующими есть люди, которые, мягко говоря, не отвечают христианским идеалам.

— Есть, — согласился отец Федор. — Конечно же, есть. Но в чем разница? Человек, лишенный зрения Бога, лишен и зрения греха. Внешняя добропорядочность довольно часто скрывает внутренние пороки, болезни, о которых сам человек не может и догадываться. Человеку же, который ищет Бога, признает, что без Его помощи неспособен излечить свою душу, Господь дает это духовное прозрение, помогая в борьбе. Господь смотрит не на внешнее, а на внутреннее, в глубь сердца.

Он взял в руки Евангелие.

— Подходит ко Христу благообразный, богобоязненный юноша и спрашивает: «Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» Господь отвечает ему: «Если хочешь наследовать ее, соблюдай заповеди: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя». Юноша в ответ: «Все это сохранил я от юности моей. Чего еще недостает мне?»

И правда: чего еще? Не убийца, не вор, не блудник, хорошо воспитан, уважает старших… Образцовый юноша! Но Господь, как Сердцеведец, вдруг говорит ему: «Если хочешь быть совершенным, тогда пойди, продай имение твое и раздай нищим — и будешь иметь сокровище на небесах».

И тут в душе юноши произошло большое смущение. Евангелист говорит, что он «отошел с печалью, потому что у него было большое имение». Иисус же, видя это, говорит Своим ученикам: «Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Теперь изумились сами ученики, воскликнув: «Так кто же может спастись?», на что Господь мудро ответил: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно»[138].

Отец Федор увидел смущение и на лице собеседника.

— Просто все, правда? И вместе с тем очень мудро. Бездна премудрости! Оказывается, любая человеческая доброта, порядочность и прочие достоинства, в основе которых нет Бога, это, как говорит Пророк, тоже «суета сует», дом на песке: первое же испытание — и домик рухнул. Сколько таких «добропорядочных» людей в нашем обществе? Мать с дочерью — обе интеллигентные, воспитанные, культурные — спокойно сидят вечерком рядом, пьют кофе, мирно общаются и смотрят развратные сцены по телевизору, разную похабщину. Бизнесмен, пользующийся большим авторитетом и уважением, учит своих подчиненных заниматься разными махинациями. Человеку, которого все считали едва не Ангелом, — скромный, тихий, вежливый — сделали замечание, и он мгновенно превратился из Ангела в демона, полного злобы, обид и недовольства.

Не таким ли порядочным, боголюбивым казался всем царь Ирод Антипа, который, как говорит святой Евангелист, боялся и почитал Пророка и Крестителя Иоанна, зная, что «он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его»[139]? Не такою ли была Соломея, дочь Иродиады, бесстыдно танцевавшая перед знатными вельможами на дне рождения Ирода, когда он дал клятвенное слово исполнить любой ее каприз, любую прихоть? Не такою ли внешне благочестивой была и сама Иродиада, ухватившаяся за это обещание, чтобы обезглавить Иоанна Крестителя, в глаза обличавшего самого царя Ирода за постыдное сожительство с нею, женой его брата?

По-прежнему видя на лице Амелина тень недоумения, отец Федор продолжил беседу:

— Благочестие, добропорядочность, дорогой Евгений Васильевич, — это хорошие человеческие качества, их никто не отрицает. Но важно помнить, что под личиной этих добродетелей иногда могут прятаться неприглядные, отвратительные человеческие пороки. Их-то и обличал Христос.

Представьте себе: тихое утро, в тени прохлады, прямо напротив Иерусалимского храма Соломона, в окружении ближайших учеников и простых людей сидит Иисус, научая их спасению, рассказывая о блаженном Царстве, уготованном праведникам, отвращая от всего, что есть греховным. И в этот момент все видят: к ним ведут женщину, пойманную в прелюбодеянии. Она — насмерть перепуганная, кричит, изо всех сил упирается. Ее же обличители — книжники и фарисеи, считавшиеся в еврейском обществе образцом праведности, едва ли не святости жизни, «ум, честь и совесть», — наоборот, разгневанные, жаждущие немедленной расправы над несчастной. Расправа же, согласно законам, по которым жили иудеи, была очень суровой. «Учитель! — искушая Христа, обращаются к Нему «праведники». — Эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?»[140]

— Бедной женщине можно только посочувствовать, — покачал головой Амелин.

— Это хорошо, что вы готовы ей посочувствовать, сострадать. А в том обществе действовал строгий закон, где не было места состраданию, особенно если это касалось греха блуда. Уличенный в нем подлежал публичному избиению камнями до смерти — без всякой жалости и смягчения. Поэтому многие, только что с услаждением слушавшие Иисуса, со страхом разбежались. Спрашивается, а зачем эту женщину вообще привели к Нему? Что, не было законных судей и исполнителей? Или сами начальники, заставшие ее в чужой постели, не могли совершить иудейское правосудие? Могли, имели полное право, будучи, как все их считали, живыми носителями соблюдения закона. Тогда зачем привели к Иисусу? Чтобы загнать Его в тупик, посмеяться над Ним адским смехом: дескать, закон требует наказания, а Ты-то, Праведник, что скажешь? Апостол Иоанн прямо свидетельствует: «Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его»

— Действительно, щекотливая ситуация, — представил Амелин. — И что же ответил Иисус?

— А ничего. Все взоры устремились ко Спасителю Иисусу Христу. Что требует закон — понятно: возьми в руку камень потяжелей, поувесистей и брось в голову блуднице. Что скажет Он? Наступила гробовая тишина.

— Но раз есть закон: плохой ли, хороший, суровый, жестокий — его ведь следует исполнять. Или не так?

— Так, Евгений Васильевич. Если рассуждать чисто по-человечески, то все так. Но перед судьями женщины сидел Высший Судья, а перед обличителями — Живой Обличитель всякого греха: не только явного, но и тайного. Перед ними сидел Бог, Видевший и Знавший гораздо больше любого судьи и обличителя.

— Как же Он поступил?

— Апостол свидетельствует, что Господь, наклонившись низко к земле, разровнял ладонью пыль и по ней что-то «писал перстом». Наверное, это было нечто настолько гадкое, что его нельзя было произнести пречистыми устами или даже сохранить для назидания других. Апостол умалчивает о том, ЧТО же писал Своим перстом Иисус.

— Неужели никто так и не узнал? — удивился Амелин.

— Сохранилось древнее предание, которое все же донесло до нас эту тайну. Господь написал перстом тайные грехи, который совершил каждый из тех, кто уличил женщину в грехе:

Мешулам — похититель церковных сокровищ;

Ашер — совершил прелюбодеяние с женой брата своего;

Шалум — клятвопреступник;

Елед — ударил отца;

Амарнах — присвоил имение вдовы;

Мерари — совершил содомский грех;

Иоиль — поклонялся идолам[141].

За каждый из этих грехов сами обличители подлежали позорной публичной смерти, которую жаждали в отношении своей жертвы. Они стояли рядом и, оцепенев от охватившего ужаса, видели, ЧТО писал Христос о каждом из них, обличая в тайных беззакониях. Уже никто после этого не смел с насмешкой бросить Ему в лицо: «Ты что скажешь?» Грехи, лежавшие на совести судей, были настолько отвратительными, мерзкими, что место для их свидетельства нашлось только на грязной пыли. С другой стороны, пыль ведь не бумага, она недолговечна для письма: легкий ветерок — и письмена исчезли. Но этих мгновений хватило, чтобы все решить по суду Праведного Судии. Господь обличил каждого, после чего тихо сказал, обращаясь к ним: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень». И продолжал писать что-то дальше. О чем? Не дерзнем даже спрашивать об этом.

— Но чем же все закончилось? — Амелин живо заинтересовался рассказом.

— Евангелист далее свидетельствует: «Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди».

Отец Федор посмотрел на Амелина:

— Возможно представить себе такое правосудие? Желая опозорить Христа, судьи сами остались опозоренными. С другой стороны, Господь пусть на миг, но пробудил в них голос совести. Наконец, Он спас грешницу от смерти. Она стояла перед своим Спасителем, не в силах вымолвить ни слова. Она-то хорошо сознавала, что совершила тяжкий грех и была в глазах закона преступницей, заслуживающей наказания. Что же ей ждать теперь? Как вести себя перед Избавителем? И как вообще жить дальше: возвращаться к прежним делам, в которых тебя уличили, или оставлять их, менять свою жизнь?..

И тут Иисус поднял на нее глаза: «Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?» Господь, конечно же, знал, что никто не посмеет обвинить ее, будучи сам обличенным. «Никто, Господи», — прошептала она, по-прежнему не веря в то, что произошло с ней. И тогда Господь говорит ей еще более значимые слова: «И Я не осуждаю тебя, иди, и впредь не греши». Так рассудил Бог. Похоже на суд человеческий, по законам нашего ума? Это вовсе не человеческое правосудие, совершенно на него не похожее, в корне меняющее природу грешника. «Иди и впредь не греши» — то же самое, что и: «Оставляются тебе грехи твои». После этого возврата к прежней жизни нет и быть не может.

Амелин снова с удивлением покачал головой, раздумывая над услышанным.

— Сколько таких примеров? Люди, далекие от понимания законов духовной жизни, склонны смотреть на чисто внешнее, но заглянуть в самих себя боятся. Боятся признать, что там гнездится целое море диких зверей, готовых ринуться, стоит их задеть: и обидчивость, и гневливость, и зависть, и злопамятство, и высокомерие, и недоброжелательность — много чего. Человек порой сам не знает, чем тяжело болен. Поэтому люди святой жизни не ждали, когда порок ударит по ним, а шли к Богу, молили, чтобы Он помог увидеть болезнь и подать средство к уврачеванию.

Отец Федор обнял Амелина:

— Я вам расскажу еще одну притчу: не евангельскую, а нашу, народно-церковную, чтобы вам было легче понять утопичность идеи «безбожного» добра и вообще безбожной жизни.

Один парикмахер, подстригая зашедшего к нему клиента, вдруг разговорился с ним о Боге:

— Если Бог существует, откуда столько больных людей? Откуда столько трагедий, нелепых смертей? Откуда на наших улицах беспризорные дети, калеки, нищие? Откуда несправедливые войны? Если бы Он действительно существовал, не было бы страданий, разных несчастий, слез. Трудно представить себе любящего Бога, который допускает все это. Поэтому лично я не верю в существование Бога. Это сказки.

Тогда клиент вдруг говорит «мудрому» парикмахеру:

— Вы меня убедили. Выслушав ваши аргументы, я только сейчас ясно понял: парикмахеров тоже не существует.

— Как не существует? — удивился парикмахер. — Один из них перед вами. Или не так?

— Нет! — воскликнул клиент. — Не рассказывайте мне сказки! Их не существует, иначе не было бы столько заросших и небритых людей, как вон тот человек, который идет по улице.

— Ну, голубчик, — рассмеялся парикмахер с наивного клиента, сидевшего в кресле, — дело же тут вовсе не в парикмахерах! Просто некоторые волосатые личности сами ко мне не спешат прийти.

— В том-то и дело! — подтвердил клиент. — И я о том же: Бог-то есть. Просто не все люди ищут Его и не все к Нему не спешат. Вот почему в мире так много всего: и страданий, и боли, и слез…

…Духовное прозрение постепенно приходило и к Амелину. Да, многое из того, что говорил ему отец Федор, что он читал в душеполезных книгах, вызывало в нем сомнения, скепсис, выдвигало свои контраргументы — дерзкие, категоричные, не допускавшие возражений: «Не верь!», «Это ложь!», «Неужели ты такой наивный глупец, чтобы верить этим сказкам?» Но самое главное, Амелин вдруг увидел, что дело всей его жизни — теория «трех порталов» — было направлено против Бога, была средством борьбы с Ним: не гонениями, не травлей, не концлагерями и расстрелами, а дерзкими научными исследованиями, претендующими на создание человека нового типа для грядущего общества.

Наука, которой он гордился, где многие считали его первооткрывателем, выдающимся современным ученым, теперь виделась ему как зловещий замысел, внушенный ему голосом самого дьявола.

— Эта борьба не нова, — говорил отец Федор, с которым Амелин был во всем откровенен. — Ее вели и во времена, когда Господь ходил среди людей, и когда с проповедью Евангелия спасения по земле пошли Его первые ученики, и так — до сегодняшнего дня. Когда Христос говорил: «Если пребудете в слове Моем… познаете истину, и истина сделает вас свободными»[142], то многие вместе с Пилатом, отдавшим Христа на распятие, в недоумении вопрошал: «Что есть истина?»[143]. Они до сих пор уверены, что человечество спасет не Тот, Кто обещал им Царство «не от мира сего», а благоденствие уже в этом мире: материально обеспеченное, богатое, без войн и преступников, без нищих и убогих. Кто будет этот «благодетель», который подарит всем людям «всемирное счастье», мало задумываются: некий царь, президент, властелин — мудрый, справедливый, образец всех добродетелей.

Ведь Христос не вписывался тогда, не вписывается и теперь в представление многих людей о Мессии. Ждали царя — в царской славе, с царской силой, а пришел скромный, тихий, бедно одетый Человек, родившийся в бедной пещере, куда пастухи во время холодов сгоняли отары овец. Накормил несколько тысяч бродяг, ходивших за Ним, — и что с того, когда миллиарды

людей на планете продолжают голодать? Кого-то исцелил, а сколько так и умирают от страшных болезней, в страданиях, на глазах дорогих им людей? Ходил по воде: а это мне вообще нужно, когда я могу проделать то же самое на комфортабельном корабле? Кого-то утешил, а сколько осталось без утешения? Да и закончил Он Свою жизнь, прямо скажем, не по-царски: прибитый на мучительный крест, медленно истекая кровью, под смех огромной толпы…

Ходил, проповедовал, учил добру, обещал вечные блага. А мне хочется их вкусить в этом мире, где я живу сейчас, во многом нуждаюсь, от многого страдаю! В этой жизни мне дайте! А в той… Будет ли она вообще? Оттуда никто не возвращался. И потом: какая нужда отрекаться самого себя, взваливать на свои плечи «какой-то» крест? Мало, что ли, человек страдает без него?..

Странная философия. Непостижимая! В других религиях все намного понятнее, проще: выполнил, что положено, — получай обещанную награду. А здесь? «Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»[144]. Дальше-то что? Где гарантия, что я попаду в рай?

И потом: что это за такое «рабство»? Почему-то ни в одной другой религии не называют так унизительно: Да, пусть в Ветхом Завете раб не был прикован к галерам, но хозяин не давал его в обиду никому другому, и он часто считался даже членом семьи. Но «рабы ничего не стоящие» — согласитесь, звучит как-то уж слишком жестоко… Где тут место любви, о которой так много говорили Апостолы и Сам Учитель, назвавший Себя Царем иудейским? И лишь когда человек решит покориться Богу, Его святой воле, тогда он сам поймет, что быть рабом Божьим — это значит быть в любви высшей, Божественной, ради которой наш Спаситель взошел на Крест.

Упорствуя же в своем маловерии, невежестве, упрямстве, человек разумный начинает быть похожим на безумца вроде бездомного уличного попрошайки, которого вдруг пригласили в пышный царский дворец и предложили ему стать наследником всего богатства, что в нем есть. А тот попрошайка кричит: «Отстаньте! Подайте лучше на кусок хлеба, колбасы и бутылку пива!» Он себе не представляет другой жизни, кроме этой нищенской, и потому вязнет в ней еще глубже, как в трясине…

И вот придет «мессия», которого так чает человечество, живущее в роли такого попрошайки. Сначала он будет просто лидером, каким его хотят видеть: мудрым, справедливым, щедрым. Прекратятся все войны, не будет армий, оружия, высвободятся огромные средства на решение социальных нужд людей; исчезнет преступность, все будет под плотным контролем: каждый шаг, каждый поступок, даже мысль. Правда, людей к тому времени тоже останется «разумное» для тотального контроля количество. Куда денутся остальные? Кто знает… Эти-то оставшиеся и поклонятся ему — но уже не как царю или президенту всех народов, а как богу. Те же, кто останется верен Истинному Богу Христу, примут на себя последний удар перед началом Страшного Суда за отступничество…

— Мрачную картину вы рисуете, отец Федор, — задумчиво сказал Амелин.

— Не я рисую, а те, кто духом прозорливо видел это «светлое» будущее человечества. Другими словами, в других образах, но примерно так. Люди будут с еще большим рвением, остервенением искать корень решения всех своих проблем, бед, насущных вопросов в чем угодно, только не во Христе Иисусе. Они будут жаждать именно такого царя, которому сами уготовлят все: и престол, и полноту власти, и почет, и окончательно обманутые души…

— Странно… — Амелин взглянул на отца Федора, — Выходит, Церковь со всем этим согласится и примет? Или ее вообще не будет?

— Церковь будет до скончания века, потому что ее основа — Сам Господь наш Иисус Христос. Многие же люди, составляющие ее, в силу ослабления духовного зрения, а затем и полной слепоты, действительно поддадутся соблазнам, обману и примут все, что им подсунут в церковной «упаковке». Уже сейчас все заметнее и заметнее стремление церковной жизни к красивости, внешним эффектам при оскудении глубокой духовной жизни и прежде всего, молитвы.

Старец потянулся к старой книге.

— Я недавно перечитал некоторые изречения древних христианских подвижников в переводе святителя Игнатия (Брянчанинова) — и снова, в который уже раз, дался диву: как точно они видели и предупреждали о грядущих временах. Это были настоящие прозорливцы, а не нынешние гадатели «на кофейной гуще», трезвонящие о себе: своим духом они легко проходили сквозь многие столетия, горькими слезами оплакивая то, в каком жалком духовном состоянии будут жить их потомки. Преподобный Антоний Великий — основатель отшельнического монашества, пустынник, величайший подвижник и аскет — жил еще в четвертом веке, но писал о сегодняшних временах словно с натуры.

И, надев очки, батюшка прочитал несколько строчек:

«Наступит некогда время, в которое монахи оставят пустыни и вместо них устремятся к богатейшим городам; там, между вертепов и хижин, которыми усеяна пустыня, они воздвигнут, стараясь превзойти один другого, великолепные здания, препирающиеся пышностью с царскими палатами. Вместо нищеты вкрадется стремление к собиранию богатств; смирение сердца превратится в гордость; многие будут напыщены знанием, но чужды добрых дел, предписываемых знанием; любовь иссякнет; вместо воздержания явится угождение чреву, и многие из монахов озаботятся о доставлении себе изысканных яств не менее мирян, от которых они будут отличаться только одеждой и клобуком. Находясь посреди мира, они не постыдятся неправильно присваивать себе имя монахов и пустынников… Однако между монахами тех времен некоторые будут далеко лучше и совершеннее нас: потому что блаженнее тот, кто мог преступить — и не преступил, и зло сотворить — и не сотворил (Сир.31:11), нежели тот, который увлекается к добру примером многих добрых…»[145]

Отец Федор улыбнулся:

— Интересно, о ком это так печально пророчествует святой Антоний? Оказывается, о монашестве, которое всегда, во все времена было форпостом христианского подвижничества. Если уже в той среде настанет оскудение благочестия и веры, то что тогда говорить о приходской жизни? Что останется там? Если вообще хоть что-то останется… Неужто это пророчество о нас? Да не может быть! Мы-то Святая Русь, у нас такого быть не может! Это о ком-то другом, а мы не дрогнем, нет!

Он вздохнул.

— Да, Церковь, которая не примет соблазнов последних времен, несомненно устоит перед невиданными искушениями в виде грандиозных чудес, знамений, событий. Однако верными ей останутся очень немного людей — гораздо меньше, чем даже сейчас, потому что сегодня многие люди воспринимают Бога очень и очень примитивно, подобно настоящим язычникам, которые поклонялись своим «божкам». Храмы останутся — все в золоте, сверкающие чистотой,

великолепным артистическим пением в них, — но «Жена убежит в пустыню», потому что в мире внешнего лоска ей не останется места.

Отец Федор задумчиво посмотрел на образ Спасителя, что был в углу комнаты.

— Церкви Христовой уготован путь Самого Христа: от рождения до распятия, воскресения и полного торжества. Видимо, настанет время, когда Церковь, оставшаяся верной Христу, воззовет к небу: «Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»[146] Господь пророчески говорит, что в те дни настанет «такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже доныне, и не будет»[147]. И как Бог-Отец слышал Своего Возлюбленного Сына, так Христос услышит верных Своих, и ради них сократит те страдания последних христиан. Если бы не эта милость, то «не спаслась бы никакая плоть»[148].

— Что же приближает эти страшные дни? — тихо спросил Амелин. — Неужели нельзя отвратить или хотя бы отдалить их?

— Отдалить способно то, что всегда склоняло гнев Божий на милость: искреннее раскаяние, покаяние людей. Господь наш долготерпелив и многомилостив, много раз отвращал Свое справедливое возмездие, когда видел, что сердца людей менялись к лучшему. Так он помиловал ниневитян — жителей Ассирийского государства. Это были не просто ярые язычники, а заклятые враги Божьи, отличавшиеся особой жестокостью и немилосердностью к пленникам, которых живыми сажали на кол, сдирали с них кожу и подвергали еще многим неописуемым страданиям и пыткам. Чтобы дать им последний шанс, Господь посылает в ту землю Своего Пророка Иону, дабы тот предупредил варваров о грядущем гневе. И что они? Озлобились еще больше? Предали на смерть проповедника? Как повествует Библия, их царь повелел, «чтобы покрыты были вретищем люди и скот и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих. Кто знает, может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем»[149]. Это раскаяние было настолько сильным, что Бог, говорит Библия, «пожалел о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел», и повелел Пророку отменить возмездие, чем привел того в немалое удивление: дескать, неужели эти звери достойны какой-то милости, пощады, сострадания? На это возмущение Господь ответил необыкновенно трогательно, по-отечески: «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?»

Отец Федор взглянул на Амелина.

— Навлечь неотвратимый гнев Божий, приблизить время возмездия способно все, что работает на планы грядущего антихриста. Нам дано покаяние: и отдельным людям, и народам, и всему человечеству. Спасение — не от мудрых президентов и талантливых полководцев, не от «помазанных» царей и цариц, не от выдающихся мыслителей-гениев, а только от Бога Истинного, Искупившего это спасение Крестом и Свою Честною Кровью. Русскому народу дано все, чтобы он выполнил сакральную миссию, которая возложена на него Христом, Пречистой Матерью и Его целым сонмом подвижников, страдальцев, исповедников нашей земли. Долготерпение Господне не вечно, и Суд Его не закоснит. И лишь Господу открыто, чей грех станет той каплей, который переполнит Чашу терпения и прольет ее гневом за отступление от святой веры.

Амелин окончательно понял, где было место его науки, его дерзких проектов, планов. И его самого…

10 октября

Весной следующего года Амелин принял Святое Крещение, став православным христианином. Крестил его отец Федор, которому по немощи старости и слабости здоровья помогали братья отец Дмитрий и отец Алексей. В храме никого не было. Но тем величественнее, торжественнее были произносимые над ним тихие старческие слова:

— Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся! Аллилуия!..

Слово «раб» у него уже не вызывало ни внутреннего протеста, ни смущения, ни сомнений. Он крестился во Христа по глубокому убеждению, с твердой верой в Того, Чьим смиренным слугой, тружеником, рабом, сыном желал стать, изменив все, к чему стремилась, чем была наполнена его жизнь до этого события.

Он все яснее понимал, что наука, которой преданно служил, энергия его ума, старания работали в механизме зловещего дьявольского плана создания общества нового типа, где человек, утратив свою индивидуальность и способность мыслить, будет жить по воле животных инстинктов и заложенной в них программе тотального контроля за каждым шагом. А ведь научный центр, который возглавлял Амелин, был не единственным: над этими планами работали ученые в разных странах, объединенные между собой единой координацией проводимых исследований, экспериментов, обмена полученными результатами. Кто стоял над всем этим — он не знал.

От осознания того, насколько его труд был противным Богу, вызовом Ему, Амелина охватил сначала стыд, потом страх, а затем полное отчаяние.

«Господи, — думал он, — неужели всему этому есть оправдание, прощение?..»

Но как раз в такие минуты ему приходили на память мудрые слова кого-то из старцев: «Держи сердце свое в аду — но не отчаивайся!» И вновь он видел на многочисленных библейских примерах, житиях святых образ Бога не только карающего, но и милующего:

«И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел…»[150] Амелин размышлял теперь и о том, как быть с теми знаниями; опытом, которые уже приобрел. Его центр был связан сотрудничеством с подобными закрытыми научными учреждениями, щедро финансировался, имел широкую международную поддержку, высокий авторитет. Как теперь отказаться от всего этого, оборвать все связи, перспективы, выгоды?..

Встреча с Богом перевернула его жизнь, все представления и прежние ценности.

«Как мне понять родного деда? Ведь мы — плоть от плоти. Почему он возненавидел веру, к которой принадлежал сам, все наши предки? Почему восстал против, связал себя с теми, кто объявил ей безжалостную войну? И не только сам, но заповедал и мне продолжить это страшное дело…»

Он увидел, как разные события в его жизни, ничем, на первый взгляд, не связанные, вдруг выстроились в одну последовательную цепочку. Сначала тайный завет деда, потом знакомство с Элей, потом Альберт, затем его странное исчезновение, а вместе с ним и Эльвиры, самоубийство Истрина…

С чего все началось? С рассказов деда о его загадочной встрече, что должна была произойти

уже после смерти с одним священником, бывшим под его следствием еще в 30-е годы. Странное увлечение деда разными загадочными явлениями, НЛО, реальностью перемещения во времени. Многие из его друзей считали это стариковской причудой, хотя сам он относился к этому очень серьезно — как и ко всему, чем пришлось заниматься по жизни.

Потом знакомство с Эльвирой, которую Амелину предложили в качестве ассистента в его закрытую лабораторию. Кто предложил? Люди, хорошо знавшие деда, сотрудники непонятного подразделения спецслужб, тоже интересовавшиеся людьми с паранормальными способностями проникать в чужие мысли, воздействовать на них на расстоянии, заглядывать в прошлое и будущее.

На момент знакомства с Эльвирой это была старуха из алтайской глубинки, непролазной Тмутаракани, больше похожая на настоящую ведьму из русских сказок: костлявая, горбатая, сморщенная, шепелявая, с маленькими колючими глазками, в которых играл зловещий дьявольский огонек. Она-то и согласилась на эксперимент Амелина: силою воздействия на мозг сначала замедлить процессы старения в организме, потом остановить их, а затем повернуть вспять, возвратив ей былую молодость, силу и красоту. В свою очередь, она — ведьма, владевшая тайнами родовой магии, — обещала помочь ему раскрыть тайну «третьего портала», вместе с тем указав на человека, бывшего звеном в грядущей встрече: профессора Истрина. С помощью тех же спецслужб она была внедрена на кафедру уже к нему, там быстро стала его любовницей, воздействуя на него энергией таинственной «силы», от которой заряжалась сама.

Потом появился Альберт… Амелину казалось, что это он встретил его на улице, забрал к себе и помог избавиться от всего, что довело того до нищенской бродячей жизни. Но теперь Евгений Васильевич стал вспоминать, что случайные встречи с Альбертом были не случайными: он то и дело попадался ему на глаза, тонкими способами привлекая к себе внимание…

Бегство Эльвиры, безумный страх Истрина, самоубийство его и Альберта, странный визит сотрудника спецслужб, поразительно осведомленного обо всем, к чему имели доступ только несколько самых доверенных работников центра… Кому же это нужно еще? Для каких целей?

…Снова пришла осень. Амелин улетал в Южную Америку, куда был приглашен на закрытую научную конференцию, посвященную проблемам, которыми занимался его медицинский центр. Накануне он пришел к отцу Федору попрощаться и взять благословение в дорогу. У него в гостях уже сидели братья отец Дмитрий и отец Алексей.

— Ой, как же далеко! — всплеснул руками отец Федор. — Все равно, что на другую планету слетать!

— Сейчас такая авиация, что здесь можно стукнуться, а там шишка вскочит, — улыбнулся Амелин. — Не успеешь ни соскучиться, ни устать.

— Никогда там не был… — мечтательно сказал батюшка. — Сколько раз читал о тех краях, а вот бывать — ни разу. Да и где особо-то был? Нигде. На Севере служил, потом вернулся — и всю жизнь тут. Слава Богу, что у людей теперь есть возможность поездить, свет повидать. Лишь бы все с пользой для души было.

— А я бывал много раз. Но, наверное, больше не буду. Лечу туда последний раз…

— Что же так? — удивился батюшка. — Откуда такой пессимизм?

— Хочу встретиться с коллегами и известить их, что прекращаю свою исследовательскую

деятельность, эксперименты и ухожу из науки.

— Куда же? — еще больше удивился отец Федор. — Никак закрывают вас?

— Думаю, моя энергия и знания пригодятся в мирных целях, — кротко ответил Амелин. — Опытный врач в любой больнице, поликлинике нужен. Чего-чего, а опыта у меня…

Он провел ладонью над головой.

— Тут мы вам не советчики и не подсказчики. Раз вам сердце подсказывает…

— Подсказывает, — твердо сказал Амелин. — Поэтому я для себя уже все решил. Возврата к прежнему нет и не будет.

— Но друзьями, надеюсь, мы останемся? — отец Федор обнял Амелина.

— Думаю, что теперь наша дружба перейдет на еще более высокий уровень.

— А у меня к вам будет маленькая просьба, — отец Федор не спешил отпускать гостя. — Раз вы будете в тех краях, привезите-ка мне камушек с того величественного водопада, о котором вы мне рассказывали. В Бразилии, кажется?

— Там, именно там, батюшка. Конечно, обязательно привезу. Мы как раз недалеко от тех мест собираемся, подальше от шумных городов и поближе к матушке-природе. Уже не первый раз местечко облюбовали.

— А это вам от нас в дорожку, — отец Федор протянул книгу небольшого размера. — Псалтирь. Читайте, чтобы ничего плохого не лезло в голову.

— «Третий портал»? — улыбнулся Амелин, с благодарностью принимая подарок.

— Скажем так: один из его каналов. Но очень важный.

Священники благословили Амелина, тепло попрощавшись с ним.

— А вы помните, какое послезавтра число? — неожиданно спросил отец Дмитрий.

Амелин хлопнул себя по лбу:

— 10 октября! Знаменательный для всех нас день, особенно для меня. Не будь его, я бы, наверное, так и остался подключенным ко «второму порталу». Навеки. Спасибо вам всем!

— «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу»[151] — так будет лучше, — обнял его отец Федор. — Слава Богу за Его милости к нам, грешным. Господь во всем милостив: и во вразумлении, и в наказании, и в утешении…

Когда Амелин ушел, отец Федор повернулся к святым образам и стал умиленно молиться:

— «Блажени непорочнии в путь, ходящий в законе Господни. Блажени испытающии свидения Его, всем сердцем взыщут Его. Не делающий бо беззакония, в путех Его ходиша…»[152]

На следующий день Амелин был в международном аэропорту. Пройдя паспортный и таможенный контроль, он прогуливался по просторному залу в ожидании объявления посадки на рейс. Вокруг ходили иностранцы, переговариваясь между собой на разных языках. По пути

следования предстояла промежуточная посадка, дозаправка, после чего — многочасовой «прыжок» через Атлантику.

Евгению Васильевичу захотелось выпить кофе. Он направился к стойке бара, как вдруг его кто-то тронул за локоть.

— Привет, Граф!

Он обернулся — и обомлел от удивления: перед ним стояла Эльвира, а рядом с ней галантный мужчина, показавшийся Амелину очень знакомым. Она — как и прежде, ослепительно-сияющая от счастья, бодрости, возвратившейся к ней молодой энергии, в спортивном костюме, с модной спортивной сумкой через плечо; он — тоже подтянутый, энергичный, уверенный. Заметив изумление на лице Амелина, спутник Эли подал ему руку:

— Между прочим, мы с вами старые знакомые.

И тут Амелин вспомнил: это же был тот сотрудник спецслужб, который приходил к нему в кабинет вскоре после таинственного исчезновения Альберта.

— Да-да, — словно подтверждая его мысли, сказал тот, — и зовут меня так же: Соколовский Владимир Петрович.

Обняв Эльвиру, добавил:

— Думаю, с моей супругой вас нет нужды знакомить.

Та кокетливо улыбнулась, испытующе глядя на реакцию Амелина. Тот не знал, что говорить, продолжая стоять остолбеневшим. Он не верил своим глазам. Он не мог совместить, казалось бы, очевидно несовместимое: исчезнувшую и вновь воскресшую Элю, этого следователя из органов госбезопасности в роли ее мужа, летящих вместе с ним далеко за океан. Евгений Васильевич беспомощно развел руками.

— У нас будет время обо всем поговорить, — Соколовский фамильярно похлопал Амелина по плечу. — Вы ведь на этот?

Он кивнул в сторону большого электронного табло, извещающего о прибытии, отлете и начале посадки на рейс. Амелин по-прежнему не мог вымолвить ни слова.

Соколовский вытащил его билет, торчавший из кармана куртки и быстро глянул:

— Поздравляю вас, дорогой Евгений Васильевич! Мы с вами не только попутчики, но и соседи: мое место рядом с вами. Элечка так рвалась на этот рейс, но все билеты были уже забронированы, поэтому рады тому, что осталось. Я не мог отказать ей в этом капризе. Пришлось подключить все свои связи. Вы же помните, где я работаю?..

— Ах, Граф, Рио — моя мечта с детства! — Эля закатила глаза. — Увидеть Рио — и умереть… Знойные загорелые мужчины, страстные женщины, пальмы, океанское побережье, темпераментная музыка, латиноамериканская гитара… Ах, как долго я мечтала об этом!

— Оказывается, мечты сбываются не только в красивых сказках и кино, — выдавил из себя Амелин, и тут из динамиков послышалось приглашение пассажиров на посадку.

«Боинг», которым предстояло лететь, сверкал в лучах ночных прожекторов аэропорта,

похожий на светящуюся изнутри огромную серебристую птицу. Даже не верилось, что эта громадина способна вспорхнуть в небо и, пронзая его, перенести тебя на другой конец земного шара. Смуглая стюардесса, любезно всем улыбаясь, приглашала пассажиров, помогая всем занять свои места. Амелин и Соколовский сели рядом, Эльвира же — сзади них.

Видя на лице Амелина обескураженность, Соколовский снова фамильярно похлопал его по плечу:

— Веселее, мой друг, веселее! Не стоит зацикливаться на таких мелочах. Настоящие чудеса лишь начинаются!

Взлетев, лайнер стал уверенно набирать высоту.

— Вы не боитесь летать? — спросил Соколовский, поудобнее устраиваясь в глубоком мягком кресле.

Амелин отрицательно покачал головой.

— Я тоже, — Соколовский откинул спинку кресла назад. — А немало людей, между прочим, панически боятся. Прямо как дети малые! Для них в самолет сесть — что в гроб живьем лечь.

Он рассмеялся, наблюдая за реакцией Амелина. Но тот не реагировал: он вдруг интуитивно ощутил, что ошеломившие его совпадения — словно возвратившаяся вновь помолодевшая Эля, сотрудник спецслужб в роли ее мужа, его соседство в самолете — не были случайными, а тоже закономерными, таинственно связанными, как и все, что произошло до сегодняшнего дня.

Чтобы привлечь внимание Амелина, Соколовский слегка толкнул его локтем:

— А есть такие чудаки, настоящие паникеры, которые уверены, что именно с их самолетом, куда они сели, непременно должно что-то случиться: какая-нибудь авария, катастрофа, теракт. Ну не паникеры ли? Вы-то сам, Евгений Васильевич, не боитесь этого?

Тот снова отрицательно покачал головой, уйдя в свои нехорошие предчувствия.

— Может, вы и умирать не боитесь? — уже без смеха спросил Соколовский.

— Не знаю, не пробовал… — ответил он первое, что пришло на ум.

— Вы, оказывается, понимаете черный юмор. Это хорошо… Тогда вам будет не так страшно умирать, как тем, кто относится к этому серьезно. Я-то знаю, что такое смерть… Повидал за свою жизнь: как говорится, и снаружи, и изнутри. Умирал сам, видел, как умирают другие…

Амелину не хотелось поддерживать этот недобрый разговор. Он достал из дорожной сумки Псалтирь, подаренную на прощание батюшками, и раскрыв первую страницу, стал неторопливо читать:

«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и нощь. И будет яко древо насажденное при исходищих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет…»[153]

— Детективчиками балуетесь или что посерьезнее? — поинтересовался Соколовский, заглянув в книгу.

— Да, что посерьезнее, — ответил Амелин, почувствовав, как его начал одолевать сон. — Из детективчиков давно вырос.

Он закрыл книгу, положил ее назад в сумку и, откинув спинку кресла, расположился, чтобы подремать. Соколовский его больше не донимал своими разговорами и расспросами.

…Они уже летели над океаном. За иллюминатором было непроглядно темно, и лишь мигающие бортовые огоньки на огромных крыльях лайнера давали представление о пространстве, которое они пронзали.

Соколовский сначала взялся с интересом листать красочный журнал, который вместе с ароматным кофе на подносах предлагали стюардессы, а потом, тихо посапывая, уснул. Погруженный в свои мысли и предчувствия, Амелин снова задремал.

Так прошло час, два или даже больше — сколько точно, Амелин не знал. Он погрузился в сонный мир обрывочных воспоминаний, образов, слов, звуков: все было очень хаотичным, несвязанным, беспорядочным… Из этого состояния его вывел четкий голос — знакомый еще более, чем голос Соколовского:

— Евгений Васильевич, вы помните, какое завтра число?

Амелин вздрогнул. Еще не открывая глаз, он узнал, чей это был голос: Альберта.

— Помню. 10 октября…

— Это хорошо, что вы не забыли этого. Тогда нам проще будет говорить обо всем остальном.

Еще не веря, что это был действительно Альберт, Амелин открыл глаза и посмотрел: рядом сидел все тот же Соколовский, но в то же время и не тот, а какой-то другой.

— Вам ничего не кажется, Евгений Васильевич, — тихо сказал он, — это я, Альберт.

Он поднял рукав на правой руке и протянул ближе к Амелину, показывая еле заметный шрам от надреза на запястье.

— Узнаете свой труд, профессор?

Сомнений не было: тот самый шрам. И тот самый голос: Альберта. Но почему перед ним сидел Соколовский?

— Возьмите себя в руки, Евгений Васильевич. Я ведь предупреждал в аэропорту, что настоящие чудеса — впереди. И о нашей встрече 10 октября предупреждал тоже. Разве не так?..

Амелин не отвечал: он ждал окончательной развязки этой дьявольской интриги.

— Наверное, вас смутил мой внешний вид? — усмехнулся Альберт. — А помните, каким я был, когда вы меня увидели первый раз на улице? Перед вами сидел грязный оборванец, наркоман с синими венами. Вы меня привели к себе и сделали чудо, преобразив до неузнаваемости. Почему вы отказываете в том же самом другим «чудотворцам» — не менее талантливым, чем вы? Или считаете, что зря трудились в этом направлении, воздействуя на скрытые возможности человеческого мозга, который подключали к открытым вами же «порталам»? Не стоит, Евгений Васильевич, так умалять свои заслуги перед наукой.

Амелин продолжал молчать, не желая ввязываться в разговор.

— Скоро мы сможем клонировать любую личность: от бездомного бродяги до президента страны, от маньяка-убийцы до гениального ученого, от падшего ангела до Иисуса Христа…

Он посмотрел на реакцию Амелина:

— Да-да, вы не ослышались: до Иисуса Христа. Мы имеем необходимый генетический материал с Туринской Плащаницы, поэтому…

— А кто это, позвольте уточнить, «мы»? — тихо спросил Амелин, по-прежнему не поворачиваясь к собеседнику.

— Мы — это те немногие посвященные в тайну грядущего мира гении, к которым до недавнего времени принадлежали и вы, Евгений Васильевич. Возможно, сами того не зная. Теперь вы предали все и всех: и свое дело, и свой талант, и своих коллег, партнеров, и нас… И своего родного деда, его завет. Поэтому я приведу в исполнение приговор, который обязаны были привести вы, Евгений Васильевич. 10 октября в отношении вас самих, как предателя, станет днем возмездия за предательство…

— Как вы это сделаете: пристрелите меня на месте, задушите?..

— Ну, зачем же так примитивно и грубо? — засмеялся Альберт. — Мы ведь с вами интеллигентные люди, а не какие-то средневековые инквизиторы, варвары. Сейчас мы летим еще в часовом поясе 9 октября. Но скоро войдем в следующий пояс — 10 октября. Как только это произойдет — наш лайнер исчезнет со всех радаров, которые его ведут по курсу.

— Что это значит? — не понял Амелин.

— Это значит, — бесстрастным голосом пояснил тот, — что на нашем борту прогремит взрыв — и. мы с огромной высоты горящим факелом упадем в океан. Ни у кого не останется шансов спастись и выжить. Все погибнут.

При этих словах Амелин не испытал ни страха, ни паники.

— И вам не жалко людей? — спросил он. — Они-то за что погибнут?

— Они? Просто за компанию с нами. Будем считать, им не повезло, что попали именно на этот рейс. Такое часто случается. Но что такое гибель трех сотен пассажиров в сравнении с десятками, сотнями тысяч жертв на войне, от голода, страданий, природных катастроф? Капля в том огромном океане, которому суждено стать нашей братской могилой…

Альберт снова рассмеялся:

— Евгений Васильевич, вы, оказывается, такой жалостливый, сентиментальный! Или это все влияние ваших очень умных книжек?

Он кивнул на Псалтирь в руках Амелина.

— Ее вам тоже не жалко? — Амелин, в свою очередь, кивнул туда, где сидела Эльвира.

— Она прожила на этом свете уже столько лет, что жалеть ее вообще смешно.

Оба замолчали.

— Кто вы на самом деле? — первым спросил Амелин.

— Для вас — Альберт, для других — генерал Соколовский, для третьих — уличный беспризорный бомж… Какая разница? «Имя мне — Легион, ибо нас много» [154]. Я был внедрен в ваш научный центр, чтобы получить максимально полную информацию о проводимых исследованиях, экспериментах и результатах. Только не спрашивайте кем — это лишнее.

— А она? — Амелин снова кивнул в сторону дремавшей Эльвиры.

— Она — тоже наша сотрудница. Ей предстояло работать не только на вас, но и на профессора Истрина, а также на тех братьев-священников, чтобы установить все звенья, которые опять-таки замыкались на вас.

— Почему вы не боитесь мне об этом так открыто говорить?

— Потому что до часового пояса 10 октября осталось совсем немного времени. Бомба спрятана очень надежно в топливной системе лайнера. Даже если его развернуть назад — ничего не поможет: мы не долетим до ближайшего аэропорта и все равно упадем в океан. Я раскрыл перед вами все карты. Скажу больше: как раз в эти минуты в вашем центре работает группа, которая изымает из сейфов всю научную документацию. Мне остается лишь посочувствовать вам, как действительно талантливому ученому, что вы так и не раскрыли тайну «третьего портала». Будем надеяться, что это удастся другим.

— Почему же? — Амелин повернулся лицом к Альберту. — Мне удалось открыть эту тайну.

— Как?! — Альберт встрепенулся и схватил Амелина за плечи, пристально посмотрев ему в глаза. — Ты врешь! Блефуешь! Скажи: ты врешь?!

На его крик начали просыпаться пассажиры, тревожно оглядываясь по сторонам.

— Нет, не вру, — ответил Амелин. — Разве ты не видишь, что я спокоен?

— Мы вывернем наизнанку все твои сейфы, папки, серверы, но найдем ключ к ее разгадке!

— Напрасно: его там нет.

— Где он? Скажи: где?! Я открыл перед тобой все. Мы скоро погибнем! Где этот ключ?!

— Вот тут, — Амелин указал себе на грудь.

— На каком-то носителе? Ты взял секретную информацию с собой?

— Да, товарищ генерал Соколовский, он же Альберт и еще кто угодно. На носителе.

— Дай мне его! Дай!!! Заклинаю всеми силами!!!

— Это невозможно…

— Почему?! Говори: почему?! Нам осталось несколько минут!

— Потому что эта тайна — в моем сердце. А оно принадлежит Богу — и никому больше.

На громкий голос возбужденного пассажира прибежала стюардесса, с ней несколько членов

экипажа лайнера. Увидев, что опасности нет, а разнервничавшийся пассажир успокоился, все возвратились. Рейс продолжался. В иллюминаторе далеко за линией горизонта появились первые проблески утреннего рассвета.

— Я много раз видел смерть, — прошептал Альберт, сняв часы и положив их перед собой, наблюдая, как минутная стрелка начала совершать свой последний оборот перед тем, как приступить к отсчету нового дня — 10 октября. — Я ее видел столько раз, что мне совсем не страшно умирать… А почему нет страха у тебя?

— Потому что я познал, что такое истинная Жизнь…

Душа Амелина наполнилась неизъяснимым теплом и благодарностью к Богу, Давшему ему познать Себя.

— Она сильнее смерти… В этой Жизни вообще нет смерти…

…По узкому каменистому берегу шли двое: согбенный старик, а за ним — мальчик, еще подросток. Слева от них лениво плескался дремлющий океан, справа нависала каменная глыба отвесной скалы. Скудная природа этих мест еще спала.

Здесь жили остатки некогда большого и славного племени: теснимые отовсюду врагами на большом континенте, они рассеялись на разбросанных в океане крошечных островах, начав уединенную, мало кому известную жизнь. Океан, окружавший их, был для этих островитян всем: школой суровой жизни, нелегкой и опасной работой, от которой они питались, а также торговали с белыми людьми, забредавшими сюда в поисках следов исчезнувших цивилизаций, экзотики, необычных путешествий.

Океан был их божеством: ему молились, приносили жертвы, чтобы умилостивить, ему предавали тех, кто покидал соплеменников, уходя из жизни… Их религия была родовой, непонятной непосвященным в тайны совершаемых магических обрядов, заклинаний, взываний к силам природы и духам.

Островитяне жили своим миром, не зная ровным счетом ни о чем, что творилось далеко за его пределами: ни о войнах, ни о стихийных бедствиях, ни о президентах, народных кумирах, богах… Тут жили своими вековыми представлениями и законами: оплакивая тех, кто рождался, входил в жизнь, и радуясь, ликуя на телами соплеменников, покинувших ее…

Старик вел мальчика к тихой бухте, где, укрытые от часто бушующих в этих местах штормов, стояли рыбацкие лодки. Пришло время учить его продолжать дело всего их рода: быть опытными рыбаками и ныряльщиками за морскими жемчужинами.

Было еще очень темно: лишь на самой кромке океана глубокая синева усыпанного звездами небесного шатра окрасилась в еле заметный розовый румянец.

Неожиданно мальчик остановился: в той стороне, где начинал брезжить рассвет, он увидел падающий с неба огонь. Он и раньше видел много волшебных картин ночного неба: лунные затмения, падающие метеориты, причудливые знаки зодиака, — но то, что он видел сейчас, ни на что не было похожим. С неба падал пылающий факел, оставляя за собой такой же яркий светящийся след.

— Смотри, — обогнав старика, сказал удивленный мальчик, — звезда падает.

— Это не звезда, — быстро посмотрев зорким взглядом, ответил старик.

— Старик, ты уже совсем ослеп. С неба звезда падает!

— Не звезда, — повторил тот. — Птица.

Мальчик рассмеялся:

— Старик, птицы не падают. Ты не только ослеп, но стал совсем глупый.

— А ты еще слишком мал, чтобы знать это, — без всяких обид ответил старик.

— Я не видел птиц, которые падают. Ведь у них есть крылья!

— Это не те птицы, которых ты видел. Их делают люди, поэтому они падают.

— Почему так? — удивился мальчик.

— Я же сказал: потому что их делают люди. И на них летают. Все, что делают люди, недолговечно. Как и сами люди…

— Тогда скажи, почему падают звезды? Или их тоже делают люди?

Мальчонка снова стал смеяться над глупым стариком.

— Нет, человеку не под силу делать звезды, — спокойно ответил он. — Их создал Тот, Кто управляет всем, что ты видишь вокруг себя: движет океанской волной, укрощает ветры, велит просыпаться солнцу и загораться луне, направляет косяки рыб в глубинах моря, украшает жемчужины, заботится о морских чайках, которые живут на голых скалах, и цветах, что растут там же.

— Тогда почему падают звезды? Ведь я видел. И ты видел.

— Есть звезды, которые падают и сгорают, это правда.

— Но почему? Скажи, если знаешь.

— Потому что они оскорбили Того, Кто их создал. На небе им уже нет места.

Но тут мальчик опять остановил старика и показал рукой вдаль, где от падающего огненного сияния вдруг оторвалось еще одно, поменьше, и вопреки всему устремилось вверх, к небу.

— Почему же вон та птица не падает, а летит вверх?

Мудрый старик остановился и тоже зорко всмотрелся в ту сторону.

— Это не птица.

— Зачем ты опять смеешься надо мной? — посмотрел на него обескураженный мальчик. — Ты ведь сам сказал, что это железная птица, на которой летают люди.

Тот ласково обнял наивного мальчугана.

— Ты еще слишком юн, чтобы все понять. Но раз это увидел, я открою тебе одну тайну.

И сам показал ему на свет, устремившийся вверх, к сияющим звездам.

— Есть звезды, которые падают с неба и превращаются в смертных людей. Это падшие звезды: они ищут недобрых, злых людей, с ними соединяются и, умирая вместе с ними, растворяются в земле, не оставляя следа. Но есть люди, которые превращаются в звезды и уходят от нас на небо, потому что они познали тайну жизни. Это познание делает их бессмертными…

…На том далеком, затерянном в океане острове не было ни электричества, ни света, ни мобильной связи, ни телевидения, ни Интернета, ни многих других благ, без которых современная цивилизация не может существовать. Да и сам тот старик был неграмотным: за всю свою долгую жизнь он не держал в руках ни одной книжки. О Христе тоже никогда не слышал. Но как смог все разглядеть и понять? Удивительно, правда?..

2014 год

[1] Пс.26:1–4.

[2] Пс.41:12.

[3] Николай Иванович Ежов — народный комиссар внутренних дел СССР (1936-1938), народный комиссар водного транспорта СССР (1938–1939). На посту наркома внутренних дел СССР Ежов стал главным организатором и исполнителем массовых репрессий (1937–1938). 1937 год, на всем протяжении которого Ежов возглавлял НКВД, стал символическим обозначением репрессий. Период же 1937–1938 годов, на которые пришелся пик репрессий в советское время, в народе прозвали «ежовщиной».

[4] Статья 58 в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года вступила в силу 25 февраля 1927 года — для противодействия контрреволюционной деятельности. Статья 58-10 формулировалась, как «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2 — 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой…» и влекла за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, карались расстрелом или объявление «врагом трудящихся» с конфискацией имущества, а также другими жесткими репрессивными мерами.

[5] Слова Чацкого (действ. 2, явл. 2) из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

[6] Шамбала — мифическая страна в Тибете или иных окрестных регионах Азии, которая упоминается в нескольких древних текстах, в том числе в Калачакра-тантре. В современной эзотерической традиции эта концепция впервые отражена Еленой Блаватской.

[7] Глеб Иванович Бокий — видный деятель ЧК, ОГПУ, НКВД, комиссар государственной безопасности 3-го ранга, организатор красного террора в Петрограде и Северном регионе. Был вдохновителем и разработчиком идеи создания лагеря особого назначения на Соловецком архипелаге. Расстрелян во время большого террора. Реабилитирован в 1956 году.

[8] Лк.23:35.

[9] Лк.23:39.

[10] Мф.10:28.

[11] Речь идет о святителе Игнатии Брянчанинове (1807-1867): он причислен к лику святых 6 июня 1988 года. Перед канонизацией, 26 мая 1988 года, его мощи были торжественно перенесены в Свято-Введенский Толгский монастырь в Ярославле.

[12] День рождения Ленина — 22 апреля 1870 года, Сталина — 21 декабря 1879 года.

[13] «Машина времени» — популярный роман Герберта Уэллса, его первое крупное научно-фантастическое произведение. Переработана из рассказа 1888 года «Аргонавты времени» и издана в 1895 году. «Машина времени» ввела в фантастику идею путешествия во времени и используемой для этого машины времени, которая использовалась позднее множеством писателей и создала направление хронофантастики.

[14] Слова из евангельской Нагорной проповеди Иисуса Христа, обращенной к народу: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить: или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф.6:24).

[15] Высшая мера, расстрел (лагерный жаргон).

[16] Мф.26:21–25.

[17] Уфология — деятельность по сбору сообщений о наблюдении неопознанных летающих объектов, по установлению достоверности их, а также все возможные попытки дать им объяснение (научное или же паранаучное). Увлечение, возникшее в 1950-е годы во многих странах на волне общественного интереса к НЛО. Термин «уфология» впервые появился в английском языке в 1959 году: он происходит от аббревиатуры UFO (unidentified flying object), имеющей русский аналог — НЛО, неопознанный летающий объект. В основном термины «уфология» и «уфолог» используются средствами массовой информации и не фигурируют в перечнях научных дисциплин.

[18] Эзотеризм (от др.-греч. «внутренний») — учение о скрытой мистической сути объектов мира и человека: область изучения эзотерики — процессы, происходящие во Вселенной, синхронно отражающиеся в глубинах человеческой души. К эзотеризму относятся: магия, алхимия, астрология, гностицизм, каббала, теософия, суфизм, йога и др. Существуют различные подходы к определению специфики эзотеризма как особой области культуры. Так, в российской истории и философии эзотеризм иногда определяется как совокупность многообразных форм знаний, производимых интеллектуальными сообществами, действующими вне рационалистических норм и эталонов, отличающихся от классического научного образца и стандарта и потому относимые к “ведомству» вненаучных знаний. Многие современные эзотерические учения активно пропагандируются, поэтому их нельзя назвать тайными в том же смысле, что и эзотеризм внутри религий и других эзотерических организаций, а лишь в том смысле, что они претендуют на постижение тайны, недоступной непосвященным. Также в современном языке слово «эзотерический» может пониматься в чрезвычайно расширенном смысле — как синоним слов «тайный», «понятный только узкому кругу» и т.п.

[19] Строчки из стихотворения русского дореволюционного поэта некрасовского направления Леонида Трефолева «Дубинушка» (1865).

[20] Facebook («Фейсбук») — одна из крупнейших социальных сетей в мире. Была основана в 2004 году Марком Цукербергом и его соседями по комнате во время обучения в Гарвардском университете. На июль 2013 года аудитория Facebook составила 1,2 миллиарда пользователей.

Каждый день в социальной сети пользователи оставляют 3,2 миллиарда «лайков» и комментариев и публикуют 300 миллионов фотографий. На сайте зафиксировано 125 миллиардов «дружеских связей» (на 31 декабря 2011 года было 100 миллиардов).

[21] Пс.138:7–10.

[22] Узвар (устаревшее) — прохладительный напиток из сухих фруктов и ягод, иногда с добавлением меда. Традиционное украинское рождественское блюдо. Название происходит от слова «заваривать», так как фрукты только доводят до кипения. Узвар можно не варить, а настаивать. Узвар — национальный украинский напиток, также был популярен и в южных районах России. Иногда слово «узвар» употребляется как синоним слов компот, взвар.

[23] Пс.117:16–20.

[24] Слова из знаменитой в первые годы советской власти (1920 год) песни «Белая Армия, черный Барон» (слова П. Григорьева, музыка Д. Покрасс).

[25] Пс.50:19.

[26] Дан.3:1–100.

[27] Пс.43:24.

[28] Пс.33:13–14.

[29] Ин.15:13.

[30] «Но они закричали: возьми, возьми, распни Erol Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря» (Ин.19:15).

[31] Пс.138:23–24.

[32] Фитнес-клуб — место, сочетающее в себе спортивный зал, бассейн, тренажеры, спортивные снаряды и др. В фитнес-клубе можно найти инструктора, который составит индивидуальную программу оздоровления и укрепления организма. Многие фитнес-клубы также предоставляют услуги массажа, салона красоты, бани и сауны.

[33] Использованы протоколы допросов, агентурные донесения и другие архивные материалы спецфондов ГПУ, НКВД, КГБ, на основании которых осуществлялась подготовка материалов для канонизации новомучеников и исповедников Черкасских, принявших смерть за веру Христову в 30-е годы XX-го века. Эти материалы присутствуют в официально опубликованных житиях страдальцев. В данной книге реальные имена, названия населенных пунктов и некоторые другие данные изменены автором. — *Прим. авт.*

[34] Анджей Сапковский (польск. Andrzej Sapkowski, родился 21 июня 1948 года, Лодзь, Польша) — польский писатель-фантаст и публицист. Автор популярной фэнтэзи-саги «Ведьмак», где главным героем является ведьмака Перальт из Ривии, мастер меча и волшебных знаков, который за деньги убивает монстров и разнообразных мифических созданий в своем фэнтезийном мире. Произведения Сапковского изданы на чешском, русском, немецком, испанском, финском, литовском, французском, португальском и многих других языках. По заявлениям издателей, Сапковский входит в пятерку самых издаваемых авторов Польши.

[35] Портал в архитектуре — это главный вход большого архитектурного сооружения. В области же Интернет-технологий веб-портал — крупный сайт, предоставляющий пользователю различные сервисы. В переносном значении — широкий доступ к чему-то, широкий вход.

[36] Веды (от санскр. veda — «знание», «учение») — считается сборником самых древних священных писаний индуизма на санскрите. Индуистская религиозная традиция считает Веды вечными богооткровенными писаниями, которые якобы были даны человечеству через святых мудрецов. «Веды» в прямом значении этого слова означают «ведать», или знать, т. е. веды — это знания об устройстве этого мира, в котором мы живем. По ведическим представлениям, человек попадает в плен иллюзий тогда, когда начинает отождествлять себя с материальным телом и полагает, что материальный мир является единственной реальностью. Он просто упускает данную ему возможность вопрошать о Высшем.

Существуют также славяно-арийские, или русские, Веды, которые были записаны много столетий назад. Русская ведическая культура существовала задолго до принятия Русью христианства, она описывается прежде всего в «Книге Велеса», в «Источнике жизни», «Саньтиях Вед Перуна» и в других. Сторонники учения ведической культуры и традиций убеждены, что их возрождение на Руси будет способствовать возрождению России.

[37] Численность населения планеты к 1 января 2014 года составила 7 137 577 750 человек. С таким прогнозом выступило Бюро переписи США. Ряд ученых и экспертов считают, что благополучная, материально обеспеченная жизнь на нашей планете возможна только для численности населения не более одного миллиарда человек. Эти же специалисты используют понятие «золотой миллиард».

[38] Доктор Фауст — это литературный персонаж, собирательный образ, имеющий массу исторических прототипов. О человеке, называющем себя Иоганном Фаустом, чернокнижником, чародеем, живущем на немецких землях в XVI веке, дошло немало документальных свидетельств. Согласно им, Фауст хвастался таким знанием всех наук и такой памятью, что если бы все труды Платона и Аристотеля и вся их философия были начисто забыты, то он «по памяти полностью восстановил бы их и даже в более изящном виде». Он же по просьбе жителей города Нюрнберга «выставил за воротами крепостного вала на лицезрение всем восседавших на конях Энея, Ахилла, Гектора. Геркулеса и других героев». Фаусту же приписывают всяческие недобрые проделки — от пожирания людей целиком до умения «насылать бесов» на своих обидчиков.

[39] Одно из самых известных и популярных фантастических произведений братьев Стругацких. События книги «Трудно быть Богом» происходят в далеком будущем на планете, населенной некой человекоподобной расой. Но их уровень развития напоминает времена человеческого Средневековья. Среди этой расы тайно живут и тайные земляне, которые работают в Институте экспериментальной истории. Их задача тщательно следить за историей развития этих гуманоидов. Главный герой — землянин Антон — пытается предотвратить наступающую смуту с помощью земной логики развития исторических событий.

[40] 40 Патриарх Тихон — один из самых великих страдальцев Русской Церкви в эпоху страшных гонений пришедших к власти большевиков. Только тринадцать месяцев он находился в заключении (с 16 мая 1922 г. до 15 июня 1923 г.), но вся его жизнь, все время пребывания его на свободе в течение всех недолгих лет его патриаршества (с 21 ноября 1917 г. по 25 марта 1925 г.), ставшее сплошным подвигом мученичества. Все эти годы он фактически жил в заключении и умер в борьбе и в скорби. Облекаемый в эту пору высшими полномочиями, он избранием Церкви и жребием Божиим был жертвой, обреченной на страдания за всю Русскую

Церковь.

В январе 1918 года Патриарх Тихон издал свое знаменитое Воззвание, которое, в частности, гласило: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей земной. Властью, данною Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: “Измите злаго от вас самех”» (1 Кор.5:13).

9 октября 1989 года был канонизирован Архиерейским Собором РПЦ; стоит во главе Собора новомучеников и исповедников Российских. Канонизация Святейшего Патриарха Тихона была первым шагом к прославлению новомучеников и новых исповедников Российских, пострадавших в годы революционной смуты и большевистского террора.

[41] «Победа» — первый советский легковой автомобиль с несущим кузовом и один из первых в мире крупносерийно выпускавшихся с кузовом полностью понтонного типа. Производился на Горьковском автомобильном заводе в 1946-1958 годах. Серийное производство было запущено 28 июня 1946 года. Всего же было выпущено 235 999 машин, включая 14 222 кабриолетов и 37 492 такси.

[42] 1 Кор.7, 20

[43] Цитируется по изданию жизнеописания одного из священников, почитаемых за современного «чудотворца» и «старца». — *Прим. авт.*

[44] Апостасия — отступничество от христианства, вероотступничество. В отличие от ереси, характеризующейся частичным отрицанием церковного учения, каких-то церковных догматов, апостасия представляет собой полное его отрицание.

[45] Имеется ввиду одна из публикаций за 1920 год: Протоиерей Борис Молчанов, «Тайна беззакония и антихрист».

[46] Толкование на 2-е послание к Солунянам, стр. 58–61.

[47] 2 Сол.2:8–15.

[48] Иез.38:8.

[49] Епископ Игнатий Брянчанинов, т. 4, стр. 495–496.

[50] Откр.17:3–6.

[51] Откр.12:17–18.

[52] Цит. по: «Пророчества об антихристе и судьбах России». М., 1997, с. 35–36.

[53] «Собрание писем свт. Игнатия». М-СпБ., 1995. Письмо № 44.

[54] Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Беседа в понедельник 29-

й недели. О чудесах и знамениях. — М., Паломникь, 2002, т. 4, с. 299–300.

[55] К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.

[56] Таких высказываний и пророчеств великого праведника действительно много. Например, незадолго до революции 1917 года он говорил: «Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, премудро, метко кладет на свою наковальню всех, подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами перед твоим Небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала! Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото в горниле… Русский народ и другие, населяющие ее (Россию) племена, глубоко развращены; горнило искушений и бедствий для всех необходимо и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле». («Новые грозные слова Иоанна Кронштадтского "О страшном поистине Суде Божием, грядущем и приближающемся"1906 — 1907 года», изд. 1908 г., с. 5).

[57] Иеромонах Серафим (Роуз). Будущее России и конец мира. М., 1981.

[88] «Пророчества об антихристе и судьбах России». М., 1997.

[59] Николай Зиновьев. «Я иду по земле», Краснодар, 1988.

[60] Слова из стихиры русским святым.

[61] Таких высказываний святого праведного Иоанна о духе того времени, в котором жил, сохранилось много. Одно из них:

«Можно ли сказать о нашем отечестве настоящего времени, что оно есть Господне царство и Господь есть Владыка русского народа? По правой вере христианской, Апостольской, неповрежденной мудрованиями человеческими, по православному чину богослужения и Таинств, по силе знамений и чудес, совершающихся от мощей прославленных угодников Божиих и чудотворных икон, и вообще по бесчисленным знамениям милости Божией, совершающимся доныне над верными христианами и по доброму, благочестивому житию не малого числа истинных христиан, между русскими, — Россию можно назвать царством Господним. Это, впрочем, только с одной стороны. С другой же — по причине безбожия и нечестия многих русских, так называемых интеллигентов, сбившихся с пути, отпадших от веры и поносящих ее всячески, поправших все Заповеди Евангелия и допускающих в жизни своей всякий разврат, — Русское царство есть не Господне царство, а широкое и раздольное царство сатаны, глубоко проникшее в умы и сердца русских ложно ученых и недоучек и всех, широко живущих по влечению своих страстей и по ложным, превратным понятиям своего забастовавшего ума, презирающего Разум Божий и откровенное Слово Божие…» (Из пастырского слова на день священного миропомазания и венчания на царство Благочестивейшего, Самодержавнейшего великого Государя Императора Николая Александровича).

[62] Недавний опрос, проведенный аналитическим центром Левада Центр, показал, что более чем за 20 лет религиозной свободы количество людей, которые действительно являются верующими в России, мало изменилось. Православными себя считают 69%, неверующими — 26%, мусульманами — 5%. С одной стороны, это положение можно считать гигантским прорывом для Православия. В 1991 году 61% людей считали себя неверующими, из числа которых, вероятно, и набрались 69% православных сегодня. Но, как часто это бывает с любой статистикой, такой вывод можно делать лишь тогда, когда нет анализа. Ведь пи том, что

верующие все вместе составляют в России 77%, по данным этого же опроса, только 3% населения России еженедельно посещают православные храмы. (Источник: www. mayak-spaseniya.ru)

[63] 1200 000 — таково количество абортов в России за год, согласно официальной статистике. Реальное же число абортов в России — от 5 до 12 миллионов за год. При рождаемости в 1 миллион 700 тысяч детей в год, количество абортов в три раза превышает количество детей, появившихся на свет. (Источник: www.russian.rfi.fr).

[64] Мк.13:22.

[65] Владимир Иванович Даль (10 ноября 1801 — 22 сентября 1872) — выдающийся русский ученый, писатель и лексикограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка».

[66] Цит. по: В. И. Даль. «Пословицы русского народа». Художественная литература, М., 1989.

[67] 1 Цар.8:1–8.

[68] Пс. 11.1.

[69] Это пророчество относится к 1908 году. — *Прим. авт.*

[70] Лк.17:10.

[71] Мф.21:22.

[72] Иак.4:3.

[73] Преподобный Ефрем Сирин. Творения, 1850 г., т. IV, с. 133.

[74] Святитель Игнатий (Брянчанинов), т. IV, с. 227–228.

[75] Мф.4:3.

[76] Мф.4:4.

[77] Мф.20:26–28.

[78] Там же, 6.

[79] Ин.6:30.

[80] Мф.4:7.

[81] Святитель Игнатий (Брянчанинов), т.4, «Беседа в понедельник 29-й недели».

[82] Мф.24:24.

[83] Мф.4:10.

[84] Реальный факт, о котором с горечью пишет автор статьи: «РПЦ по просьбе народа обязана

канонизировать Сталина» на портале ttolk.ru. — *Прим. авт.*

[85] Биологически активные добавки (БАДы) к пище — это композиции биологически активных веществ, предназначенных для непосредственного приема с пищей или введения в состав пищевых продуктов. Наряду со специализированными продуктами питания, являются наиболее эффективным способом устранения дефицита витаминовв организме, но при условии содержания в них биологических веществ в дозах, соответствующих физиологическим потребностям человека. Расширение применения биологически активных добавок к пище санкционировано во многих странах, в том числе и в России.

[86] Неофит (от др.-греч. «недавно насажденный»): в основном значении — новый приверженец (новообращенный) в какую-нибудь религию, в более широком значении — новый приверженец какого-либо учения или общественного движения, новичок в каком-либо деле.

[87] Пс.13:5.

[88] Реинкарнация (лат. reincarnatio — «повторное воплощение») — различные религиозно-философские доктрины, согласно которым бессмертная сущность живого существа (в некоторых вариациях — только людей) перевоплощается снова и снова из одного тела в другое. Доктрина реинкарнации является центральным положением в большинстве индийских религий, таких, как индуизм (включая такие его направления как йога, вайшнавизм, и шиваизм), джайнизм, и сикхизм. Идея переселения душ также принималась некоторыми древнегреческими философами, в частности, Сократ, Пифагор и Платон. Вера в реинкарнацию присуща и некоторым современным языческим традициям, движениям нью-эйдж, а также принимается последователями спиритизма, некоторыми африканскими традициями, приверженцами таких эзотерических философий, как каббала, гностицизм и эзотерическое христианство.

[89] Пс.26:1–3.

[90] Пс.136:4–6.

[91] Проскомидия (греч. «принесение, подношение») — первая обязательная часть Литургии византийского обряда (как в Литургии свт. Иоанна Златоуста, так и в литургии свт. Василия Великого). На ней путем особых священнодействий из принесенных хлеба и вина приготовляется вещество для Евхаристии, при этом совершается поминовение всех членов Церкви, как живых, так и усопших. Проскомидия совершается иереем или епископом в алтаре на жертвеннике во время чтения часов.

[92] Пс.30:25.

[93] Текст выступления на основе реальных архивных документов той эпохи. — *Прим, автора.*

[94] Пс.7:12.

[95] Пс.9:1.

[96] Там же, 21–23.

[97] Пс.78:11–13.

[98] Там же, 10.

[99] Томография — это методика обследования пациента, основанная на методе послойных исследований структуры органов и тканей при помощи специального аппарата — томографа, способного просвечивать тело человека в заданных направлениях. Если ранее под томографией понимали только метод рентгеновских снимков, то сейчас ввиду разработки новых технологий кругозор существенно расширяется.

[100] Болгарка — электрический инструмент (один из видов угловых шлифовальных машин), который предназначен для резки, шлифовки и зачистки изделий из металла, камня и иных материалов. Разговорное название этого инструмента «болгарка» возникло в СССР еще в конце 1970-х годов, когда здесь появились первые его образцы, выпущенные именно в Болгарии, на предприятии «Элтос-Болгарка» в Пловдиве.

[101] Пс.26:1–5.

[102] Пс.8:1–6.

[103] Пс.40:2–4.

[104] Пс.137:1–2.

[105] Ин.6:37.

[106] От слова «геронтофилия», дословно — любовь к старым.

[107] ДНК-микрочип (англ. DNA microarray) — это технология, используемая в молекулярной биологии и медицине, маленькая стерильная капсула из биосовместимого стекла. Назначение микрочипа — содержать номер, по которому можно будет опознать, то есть идентифицировать живой организм, в который он вводится, а в перспективе — обеспечивать над ним контроль.

[108] Ин.18:29–38.

[109] Преподобный Пимен Многоболезненный, Печерский, в Ближних пещерах почивающий (память 7 августа и 28 сентября по старому стилю).

[110] 2 Кор.12:9–10.

[111] Пс.8:5–7.

[112] Быт.1:3.

[113] Быт.3:1.

[114] Там же, 3, 4–5.

[115] 1 Кор.3:18.

[116] Там же, 2, 4–8.

[117] Там же, 1, 18.

[118] Пс.138:6.

[119] Там же, 13–16.

[120] Тут и далее в контексте диалога: Иов, глл. 10–41.

[121] Пс.93:8–11.

[122] Лк.12:20.

[123] Cogito, ergo sum (лат. — «Мыслю, следовательно, существую») — философское утверждение Рене Декарта, фундаментальный элемент западного рационализма Нового времени. Это утверждение Декарт выдвинул как первичную достоверность, истину, в которой невозможно усомниться, — и с которой, следовательно, можно начинать отстраивать здание достоверного знания.

[124] Еккл. 1,16–18.

[125] Пс.13:1.

[126] 2 Кор. 3,16–17.

[127] 1 Кор.13:4–7.

[128] 2 Кор.4:4.

[129] Ин.15:5.

[130] Флп.4:13.

[131] На основе реальной публикации. — *Прим. авт.*

[132] Мк.9:23–24.

[133] «…и враги человеку — домашние его» (Мф.10:35).

[134] Пс.88:47–48.

[135] Пс.95:5.

[136] Здесь и далее в контексте диалога: Мф.5:21–44.

[137] Мф.11:29.

[138] Мф.19:16–26.

[139] Мк.6:20.

[140] Здесь и далее в контексте рассказа: Ин., гл. 8.

[141] Использовано из проповеди святителя Николая (Велимировича) «Что писал Господь Иисус Христос перстом на земле?»

[142] Ин.8:31–32.

[143] Там же, 18, 38.

[144] Лк.17:10.

[145] «Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, составленные епископом Игнатием (Брянчаниновым)». СПб, 1880, стр. 32–33.

[146] Мк.15:34; Мф.27:46.

[147] Мк.13:19.

[148] Там же, 20.

[149] Здесь и далее в контексте рассказа: Ион.3:8–10.

[150] Ион. з, ю.

[151] Пс.113:9.

[152] Пс.118:1–3.

[153] Пс.1:1–3.

[154] Мк.5:9.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch